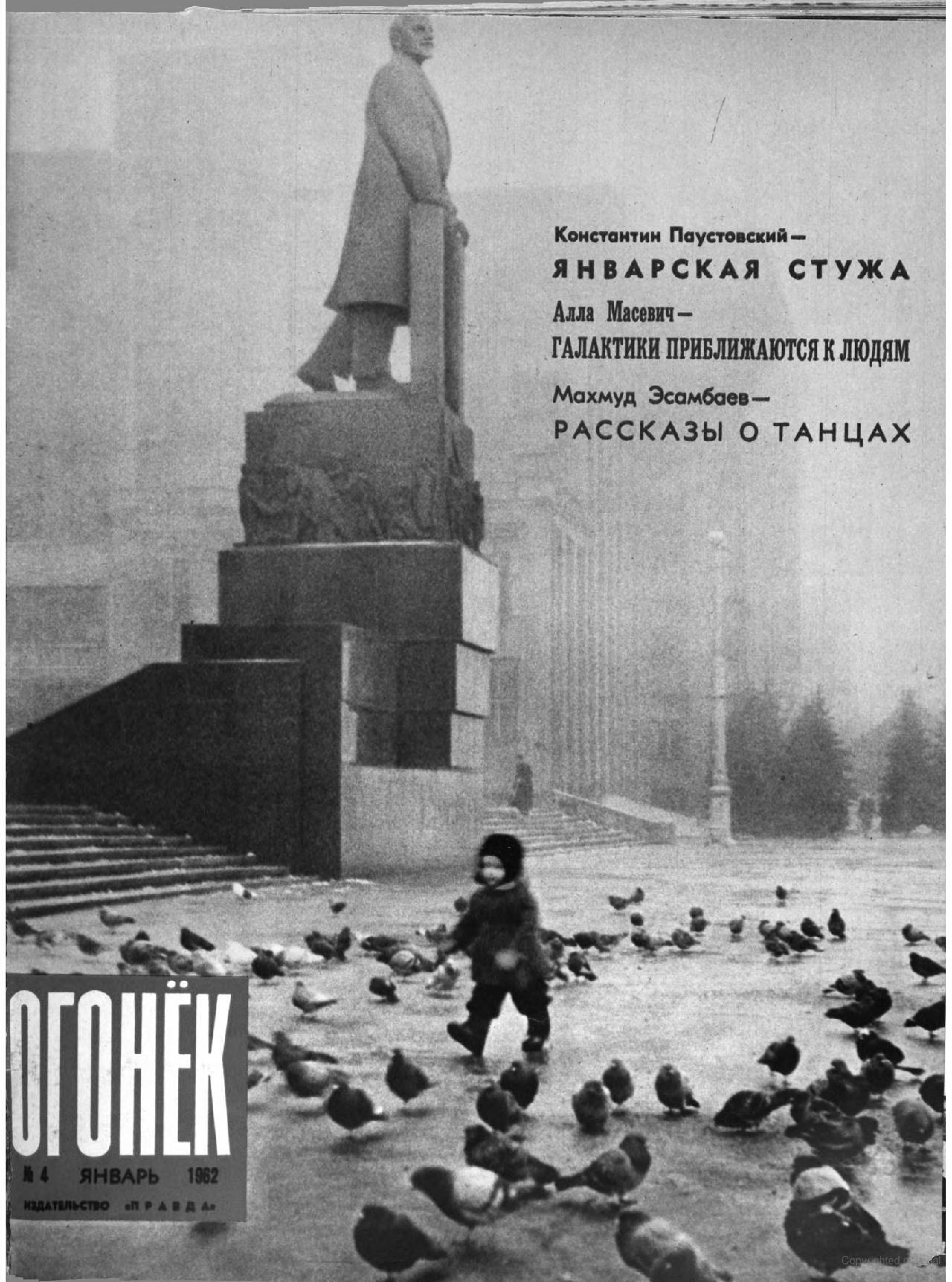

Константин Паустовский —
ЯНВАРСКАЯ СТУЖА
Алла Масевич —
ГАЛАКТИКИ ПРИБЛИЖАЮТСЯ К ЛЮДЯМ
Махмуд Эсамбаев —
РАССКАЗЫ О ТАНЦАХ
ОГОНЁК
№ 4 ЯНВАРЬ 1962
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Члены бригады коммунистического труда цеха приспособлений (слева направо): Владимир Помелов, Федор Вяль, Вениамин Лысых, Владимир Беспалов, Анатолий Авдеев, Василий Хромченко, Виталий Филимонов.

Фото М. Начинкина.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 4 (1805)

21 ЯНВАРЯ 1962

40-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ и ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

В бригаде коммунистического труда Владимира Беспалова — цех приспособлений завода «Сибсельмаш» — дела шли хорошо. Работали в счет 1963 года. И вот задумались ребята: какой вклад внесем в строительство будущего? Посоветовались, решили:

семилетку выполнить к 1963 году;

внести больше тридцати рационализаторских предложений;

освоить по три смежных профессии каждому;

обучить бесплатно тридцать шесть учеников;

всем учиться;

считать законом своей жизни моральный кодекс строителей коммунизма.

Почин молодых сибсельмашевцев нашел живой отклик среди рабочих. С каждым днем увеличивается число последователей бригады Беспалова.

Не отстают и ветераны сибирского машиностроения. Токарь цеха нестандартного оборудования Александр Африканович Луговской еще в мае прошлого года выполнил свою семилетку.

Выступая на совещании работников сельского хозяйства Сибири, Никита Сергеевич Хрущев от имени Центрального Комитета партии и Советского правительства призвал сибиряков, не теряя драгоценного времени, претворять в жизнь решения исторического XXII съезда партии.

«Все районы Советского Союза должны внести свой вклад в решение задачи создания обилия сельскохозяйственных продуктов. Исключительно большой вклад предстоит сделать вам, сибирякам. Сибирь — богатый и обширный край нашей Родины. Эти богатства вы в первую очередь должны поставить на службу народу».

Как же выполнить это решение? И не только выполнить, но и дать стране больше сельскохозяйственных продуктов, чем запланировано? Для этого нужны высокопроизводительные машины, пригодные для работы в суровых условиях. Производством таких машин и заняты сибсельмашевцы.

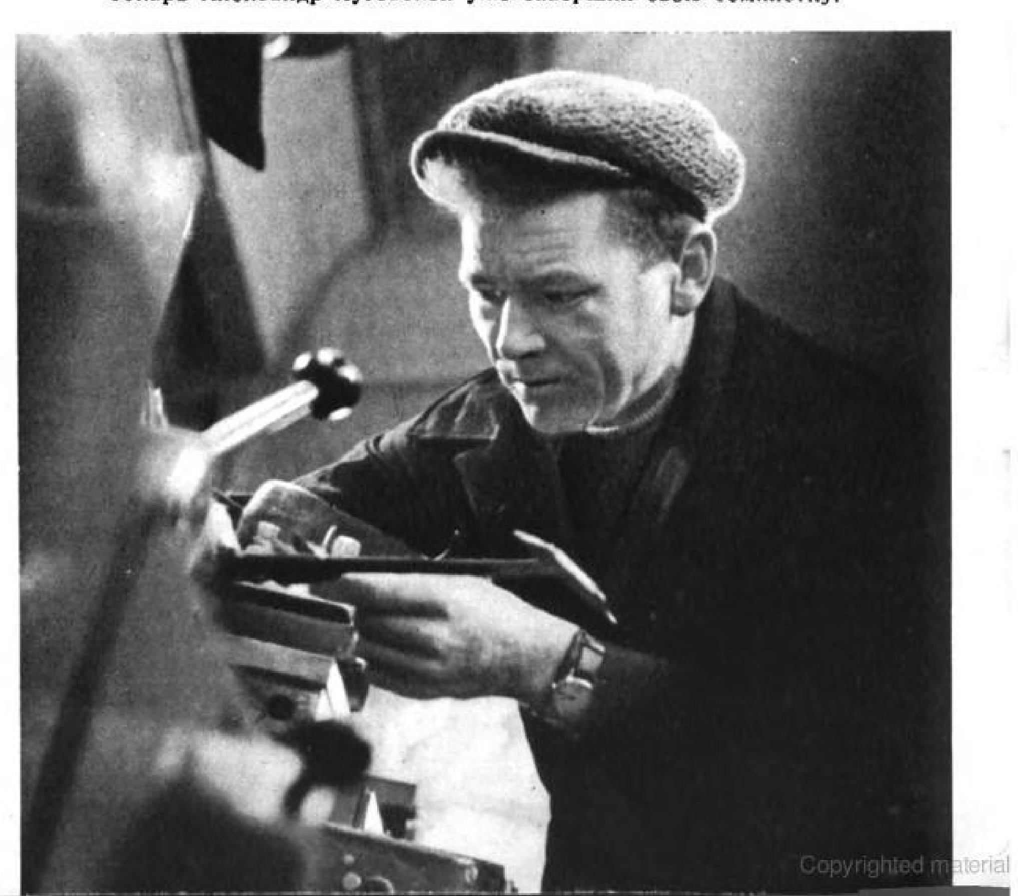
— С начала семилетки,— рассказывают конструкторы завода,— в Сибири были созданы и нашли себе применение много нужных машин. В их числе: почвообрабатывающий луговой агрегат марки «АПЛ-2, О», предназначенный для освоения заболоченных земель, тяжелая навесная борона для разработки пластов при освоении новых земель; лущильник — сеялка марки «ЛДС-4». А сейчас заканчивается разработка конструкций к новому мощному трактору: тяжелая борона с захватом в 7 метров, полевая борона — 10 метров, лущильник — 20 метров, снегопах.

СЛОВО СИБИРЯКА ТВЕРДО!

Транспортировка навесной бороны.

Токарь Александр Луговской уже завершил свою семилетку!

ДЕНЬ ЗА ДНЕМ

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ ИМЕНИ И. В. КУРЧАТОВА и премия — высокая награда для ученых. Ею отмечаются выдающиеся работы по ядерной физике. Недавно на заседании президиума Академии наук СССР состоялось первое присуждение Золотой медали имени И. В. Курчатова. Награды удостоена работа по экспериментальному исследованию бета-распада нейтрона, авторы которой — сотрудники Института атомной энергии имени И. В. Курчатова Академии наук СССР доктор физико-математических наук П. Е. Спивак и кандидат физико-математических наук Ю. А. Прокофьев.

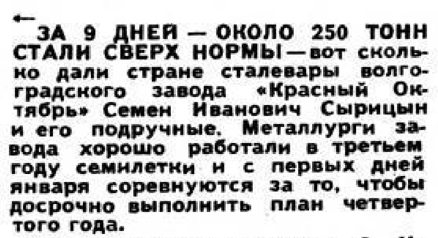

КАЖДЫЙ ВЕЧЕР В ГОРОДАХ И СЕЛАХ зажигаются сейчас приветливые огни агитпунктов: страна готовится к большому событию — выборам в Верховный Совет СССР. До выборов осталось менее двух месяцев, и у агитаторов работы много. На агитпунктах проводятся беседы, лекции, доклады, читательские конференции. Пропагандисты беседуют с избирателями о новой Программе нашей партии, решениях XXII съезда КПСС.

На снимке: депутат Киевского городского Совета депутатов трудящихся В. С. Бугаенко разъясняет избирателям Печерского района Положение о выборах.

Фото Н. Козловского.

← ЗА 9 ДНЕЙ — ОКОЛО 250 ТОНН СТАЛИ СВЕРХ НОРМЫ — вот сколько дали стране сталевары волгоградского завода «Красный Октябрь» Семен Иванович Сырицын и его подручные. Металлурги завода хорошо работали в третьем году семилетки и с первых дней января соревнуются за то, чтобы досрочно выполнить план четвертого года.

На снимке: сталевар С. И. Сырицын и третий подручный В. П. Некляев.

Фото С. Курунина (ТАСС).

АВТОВОКЗАЛЬНАЯ — так именуется теперь одна из киевских площадей. Своим названием она обязана нарядному зданию — это новый автобусный вокзал, построенный по проекту архитекторов А. Милецкого, И. Мельник, Э. Бильского.

Ежедневно отсюда по 72 маршрутам будут отправляться 110 автобусов и столько же — прибывать сюда.

Киевский автовокзал — самый крупный в республике. За год он может обслужить миллион пассажиров. Его архитектура, планировка, убранство — все подчинено двум требованиям: удобству и красоте.

С двух сторон здания симметрично вытянулись, как крылья, крыши над асфальтированными площадками — это перроны.

В здании вокзала оборудованы ресторан, буфет, читальня, ателье бытового обслуживания, комната для детей, комфортабельная гостиница.

Деловой жизнью вокзала руководят из диспетчерской. Здесь установлена современная аппаратура. На экране телевизора дежурный может видеть все, что происходит на перроне, в кассовом зале, зале ожидания, в служебных помещениях, по радиосети руководить отправлением автобусов.

Фото К. Шамшина.

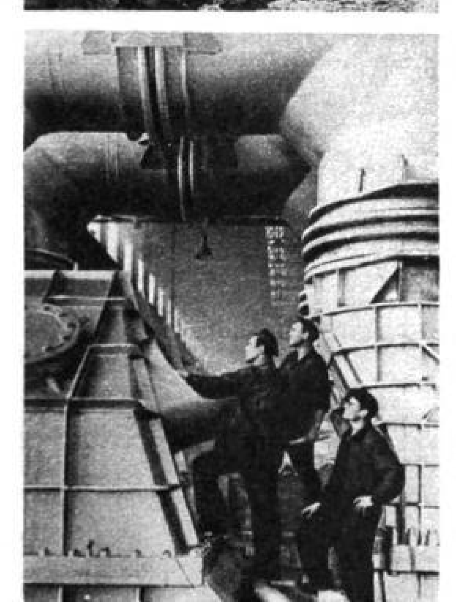

← НОВЫЙ СОВХОЗ СОЗДАН В ГОЛОДНОЙ СТЕПИ, в Узбекской ССР. Весной здесь раскинутся плантации хлопка на четырех тысячах гектаров, на тридцати гектарах зазеленеет плодовый сад, на тридцати трех — виноградники.

К 1963 году целинники освоят свыше восьми тысяч гектаров новых земель.

На снимке: началась планировка земель в новом совхозе.

Фото В. Кожевникова (ТАСС).

ЭТО ТОЛЬКО ЧАСТЬ ГИГАНТСКОЙ ТЕПЛОВОЙ ТУРБИНЫ «ВТ-100», созданной на Уральском турбомоторном заводе в Свердловске. Мощность ее — сто тысяч киловатт. Такой теплофикационной установки не знала еще практика турбостроения. Новая турбина сможет дать тепло и горячую воду целому городу с населением более ста тысяч человек.

Первую стотысячную теплотурбину уральцы сделали по заказу москвичей для одной из ТЭЦ столицы. Чтобы отправить ее, потребуется более семидесяти железнодорожных вагонов.

В этом году завод изготовит еще четыре таких мощных тепловых агрегата: три — для москвичей и один — для жителей столицы Белоруссии Минска.

←

Фото А. Грахова.

«КАРТЫ» ЗИМОЙ. В Таллине недавно впервые соревновались маленькие гоночные автомобили «карты». Состязались спортсмены Таллина, Риги, Елгавы и других прибалтийских городов.

Фото В. Горбунова (ТАСС).

С большой речью на совещании работников сельского хозяйства Белорусской ССР выступил Первый секретарь Центрального Комитета КПСС, Председатель Совета Министров СССР Никита Сергеевич Хрущев.

ДЕЛОВОЙ РАЗГОВОР

Совещание работников сельского хозяйства Белоруссии

Состоявшееся недавно совещание работников сельского хозяйства Белоруссии хочется назвать торжественно — ассамблеей тружеников деревни. Потому что оно было большим, деловым и вместе с тем взволнованным обсуждением проблем развития сельскохозяйственного производства республики.

Благодушествовать нам нельзя. Все еще существующие недостатки вселяют серьезное беспокойство. И вот со всей республики съехались люди в Минск подумать над тем, как сделать, чтобы успехов было побогаче, а недостатков победней. Один за другим поднимались на трибуну те, кто, может, и не мастер красноречия, но которым есть о чем рассказать, и в этом — красота их речи. О накопленном опыте говорилось доказательно, ошибки вскрывались с партийной непримиримостью, критика была боевой, а планы и обязательства — аргументированными и реальными. Словом, даже я, человек с притупившимся интересом к разного рода заседаниям, откровенно признаюсь, все время испытывал приподнятое настроение и душевное удовлетворение.

В работе нашей ассамблеи принял участие Никита Сергеевич Хрущев. Своими репликами, вопросами и уточнениями он с самого начала задал тот деловой тон, который, как говорят, заставил нас всех пошевелить мозгами. В своей речи товарищ Н. С. Хрущев обобщил наши раздумья, обогатил их мыслью партийного и государственного деятеля, верного ленинца.

Наши успехи — в творческой организаторской работе, в правильной расстановке кадров, в преодолении тех бед, в которые вовлекли нас лжеученые травопольщики и овсяники, в умелом использовании таких могучих рычагов укрепления кормовой базы, как кукуруза, сахарная свекла, бобовые и люпин; в совершенствовании системы материальной заинтересованности.

Многим из нас было не по себе, когда Никита Сергеевич, с присущим ему юмором и остротой речи, с помощью простой арифметики и очевидных фактов раскрывал наши ошибки и промахи. Так, в колхозе «Рассвет» в нынешнем году кормов столько, что нам может позавидовать самый богатый американский фермер. Но более широкое применение сахарной свеклы вместо картофеля и многолетних трав (урожай картофеля у нас равен 190 центнерам с гектара, а свеклы — 606 центнерам) показало бы, что мы не только богатые, но и умеем считать, хозяйствовать, умно укреплять свое хозяйство. Ну, что ж, теперь будем сеять свеклу не на 11 гектарах, а на 260, и если некоторых из председателей колхозов Никита Сергеевич заставил покраснеть, то этим он предостерег нас от более тяжелых переживаний в будущем.

Кирилл ОРЛОВСКИЙ,
председатель колхоза «Рассвет», Белорусской ССР, Герой Советского Союза, Герой Социалистического Труда.

В зале заседания. Фото М. САВИНА.

В РОСТОВЕ-НА-ДОНУ СОСТОЯЛОСЬ СОВЕЩАНИЕ РАБОТНИКОВ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА областей, краев и автономных республик Северного Кавказа.

С докладом о задачах работников сельского хозяйства районов Северного Кавказа по выполнению решений XXII съезда КПСС об увеличении производства зерна, мяса, молока и других продуктов в колхозах и совхозах зоны выступил член Президиума ЦК КПСС, Председатель Совета Министров РСФСР Д. С. Полянский.

На совещании большую речь произнес член Президиума ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Бюро ЦК КПСС по РСФСР Г. И. Воронов.

← В перерыве между заседаниями участники совещания работников сельского хозяйства Северного Кавказа осматривают экспонаты выставки.

→ Кубанский свекловод Герой Социалистического Труда Владимир Светличный рассказывает о своей работе.

Фото С. РАСКИНА.

Гана — страна гостеприимная

Гана — страна мужественных людей, которые одни из первых на африканском континенте разорвали тяжелые цепи колониализма. Гана — страна гостеприимных людей, которые ценят искреннюю дружбу и тепло встречают своих друзей.

В дни, когда Гана принимала первого заместителя Председателя Совета Министров СССР, члена Президиума ЦК КПСС А. И. Микояна, ярко проявились гостеприимство народа Ганы, его дружеские чувства к советскому народу. А. И. Микоян пожелал процветания свободной, независимой, демократической Гане и выразил уверенность, что между Советской страной и Ганой будет развиваться разностороннее сотрудничество на основе полного равноправия и взаимного уважения, невмешательства в дела друг друга.

← А. И. Микоян и президент Ганы Кваме Нкрума отвечают на приветствия ганцев, собравшихся встретить советского гостя на аэродроме в Аккре.

↓ А. И. Микоян побывал в штаб-квартире Народной партии Конвента. Его радушно приветствовали жители Аккры.

СПАСИБО ПОСЛАНЦАМ ЛЕНИНА

К 50-летию со дня открытия VI (Пражской) Всероссийской конференции РСДРП

Этот снимок сделан в Праге на Гибернской улице почти семнадцать лет назад. После освобождения Чехословакии от фашистского ига. Тот, кому приходилось бывать тогда в Праге, непременно спешил на Гибернскую. Поспешили туда и мы.

...9 мая 1945 года. На Гибернской против дома № 7 остановилась «тридцатьчетверка». Экипаж ее, выйдя из танка, смотрел, как рабочие прибивали к стене большого дома мемориальную доску, которая сообщала, что в этом здании происходила Пражская конференция РСДРП. Председательствовал В. И. Ленин. Лаконичная надпись останавливала у здания каждого.

КУБА — ДА, ДА,

К. НЕПОМНЯЩИЙ

Представьте себе лихого ковбоя с дальнего американского Запада, который входит в таверну и громко кричит: «Вина для меня — остальным парням хватит и стакана воды!»

Аугустин Арриагада из Сант-Яго, рассказывая в своем откровенном письме американскому сенатору У. Бентону о горькой чувстве оскорбленных ковбоем парней, восклицает: «Этими бедными парнями, господин сенатор, являемся мы, латиноамериканцы».

Сеньор Арриагада извиняется перед сенатором за свою грубую искренность, но он не может не упомянуть — хотя бы упомянуть,— что помощь, получаемая таким образом Латинской Америкой от США, является постыдной и унизительной...

Сенатор Бентон, комментируя это письмо в своей недавно вышедшей книге «Голос Латинской Америки», призывает ковбоев не ставить латиноамериканцев в положение «нищего у богатого стола». Американская помощь, по его мнению, будет эффективной лишь в тех случаях, когда она будет хорошо замаскирована. В этом, он считает, ключ к спасению Латинской Америки от коммунизма.

Полно, скажет читатель, да есть ли глаза у этого сенатора? Видит ли он, что Латинская Америка рождает не жалких пигмеев, а гигантов, которыми гордится человечество? Вряд ли. Страницы его книги полны все того же высокомерия, о котором в таких осторожных словах поведал нам сеньор Арриагада из Сант-Яго. Это высокомерие уже привело США к позорному поражению на Плайя Хирон. Господин Бентон считает, что если штаб-квартиру Организации американских государств перевести из Вашингтона в Панаму, то можно вновь завоевать уважение и любовь Латинской Америки. Нелепая затея! Ему и в голову не приходит, что уважение и любовь лучше всего завоевать уважением и любовью. Но способны ли на это правители США?

Ослепшие от злобы, потерявшие веру в самих себя, они готовятся на совещании министров иностранных дел Организации американских государств в Пунта-дель-Эсте судить кубинскую революцию, задушить ее. Но не приведет ли злоба и слепота их самих на скамью подсудимых? Мексиканская газета «Пренса» отвечает на этот вопрос более чем определенно: «Любой союз против Кубы получит моральную смерть...»

На самом деле никто в Латинской Америке, даже марионетки из правительства Колумбии, по предложению которых созывается провокационное совещание в Пунта-дель-Эсте, не сомневается, что новый заговор против Кубы приведет США лишь к новому позорному провалу.

Совсем недавно в зале Генеральной Ассамблеи ООН мне привелось услышать Рауля Роа. В зале наступила та уважительная тишина, которая предшествует лишь важным событиям.

— Наша маленькая страна,— говорил министр иностранных дел Кубы,— без колебания верит в то, что говорит, и говорит то, во что верит.

Рауль Роа привел факты, которые показывали замечательные успехи революционной Кубы, захватившие воображение народов. Он привел факты и другого рода — государственный

...Серый дом в три этажа.

Стрелка показывает в глубь двора. Под стрелкой надпись: «В музей. В комнату, где проходила Пражская конференция РСДРП». Двор узкий. Слева — глухая стена. Справа — дом с невзрачными подъездами, похожими скорее на запасные выходы. В дни конференции здесь помещалась типография, она работает и поныне. Рабочие типографии радостно встречают нас.

Через экспедицию типографии проходим в музей. Скромная комната. Большой портрет В. И. Ленина. Цветы. Несколько советских воинов разговаривают с человеком почтенного возраста. Знакомимся: капитан Тищенко, младший лейтенант Круглов, красноармейцы Суханов, Антонов, чех Иоахим Гавлена. В 1912 году он видел в этом здании великого Ленина. Тогда Гавлене был сорок один год.

— Я помню,— рассказывает старик,— как собирались здесь русские социалисты. В то время я был социал-демократом. Наш комитет поручил мне конспиративно разместить русских на квартирах, обеспечить конспирацию заседаний. Но я не знал, кто они. Лишь позже, увидев в газете портрет Ленина, я узнал в нем того человека, который был председателем на конференции.

Здесь в маленькой комнате заседала конференция вашей большевистской партии. Той партии, под знаменем которой Советская Армия прошла от Волги до Влтавы и разорвала мрак черной фашистской ночи. Мы увидели солнце, узнали свободу. Спасибо вам, посланцы великого Ленина.

Иоахим Гавлена был первым экскурсоводом музея Владимира Ильича Ленина, открывшегося в 1945 году на Гибернской улице. Он показал нам большие, переплетенные рабочими типографии книги с записями первых посетителей. Книги были исписаны до обложек.

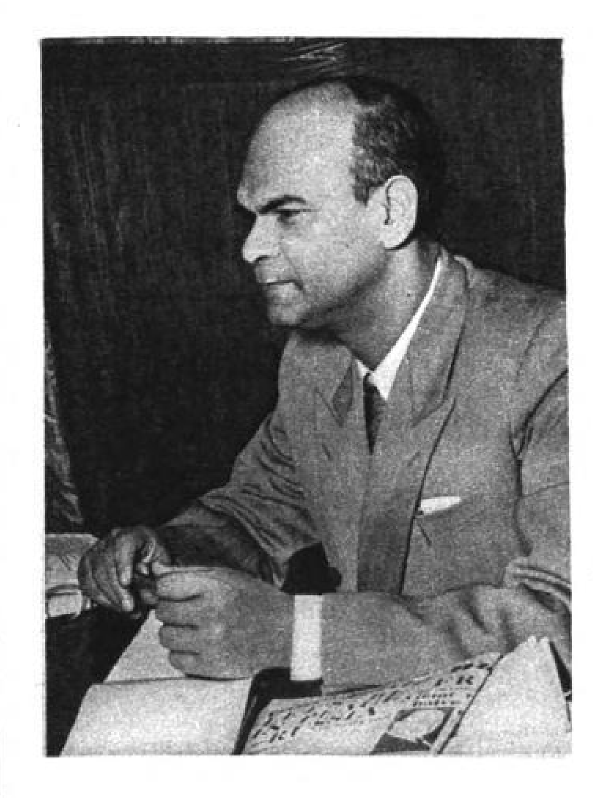
«Мы пришли спустя 33 года,— гласила одна из записей,— через бурю Великой Отечественной войны. Чувство глубокого удовлетворения и радости переживаем мы по поводу того, что после победы над гитлеровской Германией нам выпало счастье побывать в освобожденной Праге и посетить дом и комнату, где под руководством В. И. Ленина происходила Пражская конференция РСДРП. Благодарим чешских товарищей за то, что они сохранили светлую память о Ленине и историческом прошлом партии Ленина.

Участники освобождения Праги: капитан Юдин, старший лейтенант Капанин, капитан Редин, красноармеец Шиян, красноармеец Кожевников».

За окнами здания ликовала освобожденная Прага. Теплый ветер развевал чехословацкие и советские флаги. Толпы людей заполняли улицы. Митинги возникали стихийно. И на устах каждого звучало:

— Советской Армии, армии Ленина, слава!

Л. ВЫСОКООСТРОВСКИЙ,
полковник запаса,
О. КНОРРИНГ,
капитан запаса.

Аджой Гхош

13 января в Индии безвременно скончался генеральный секретарь Национального совета Коммунистической партии Индии, видный деятель индийского и международного коммунистического и рабочего движения товарищ Аджой Кумар Гхош.

Всю свою жизнь товарищ Гхош посвятил делу национального освобождения своей многострадальной родины от гнета империализма, борьбе за интересы рабочего класса и всех трудящихся Индии, за торжество идей социализма.

А. К. Гхош был подлинным другом Советского Союза и многое сделал для укрепления и развития дружбы между советским и индийским народами.

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза направил Национальному совету Коммунистической партии Индии послание с выражением глубокого соболезнования по поводу постигшей тяжелой утраты.

ПЛАМЕННЫЙ ДУХ ЛУМУМБЫ

Мир не забыл преступления, совершенного год назад в Конго.

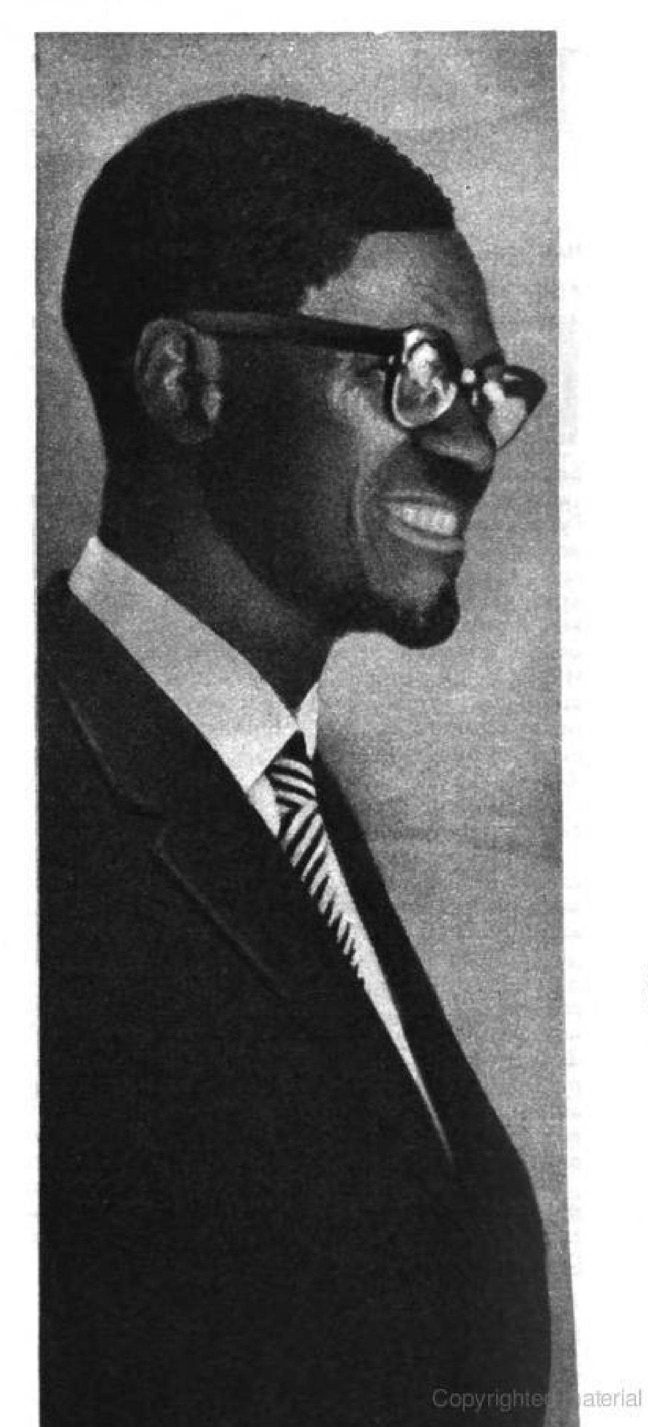
Разношерстная компания преступников, куда входили и владельцы международных монополий, и лощеные дипломаты, и профессиональные убийцы, тщательно подготовила убийство. Заранее были найдены иуды, и в иностранных банках заранее были выписаны чеки на сребреники. Заранее изобретались методы, чтобы замести преступные следы. Заранее потирали руки те, кто привык грабить землю Конго.

Но когда гневом взорвался мир, узнав о смерти Патриса Лумумбы, когда новой ненавистью против колонизаторов налились сердца патриотов Конго, убийцам стало ясно: смерть Лумумбы не положила конец борьбе за независимость Конго. Единство Конго по-прежнему остается лозунгом борьбы патриотических сил. Идеи Лумумбы, его пламенный дух вдохновляют их в благородной борьбе против непрекращающихся происков колонизаторов.

Колонизаторы проводят тотальную мобилизацию своих сил. Снова, как и год назад, они пускают в ход все средства — белых наемников и предателя Чомбе, деньги и флаг ООН.

Против независимости Конго, против счастья конголезского народа готовится новое преступление.

Мир скорбит, вспоминая о трагической смерти героя Африки. Мир, все честные люди земли радуются, видя, что жив в сердце Конго дух Лумумбы. Его имя звучит в Конго, во всей Африке, как клятва патриотов, оно — залог неизбежной победы над колониализмом.

ПО ПОВОДУ ЗАГОВОРА В ПУНТА-ДЕЛЬ-ЭСТЕ

департамент США подло фальсифицирует документы, пытаясь поссорить Кубу с ее соседями. На этих документах стоят поддельные подписи кубинских лидеров. Многие дипломаты были потрясены, когда узнали, с помощью каких гнусных методов американская дипломатия ведет борьбу против Кубы.

«Настал час спасти честь нашей Америки,— пишет известный венесуэльский общественный деятель Рафаэль Габальдон,— но спасти ее не путем грязных соглашений и трусливых колебаний. Следует заявить государственному департаменту США, что Куба является сестрой в нашей латиноамериканской семье и что наш долг заставить ее уважать».

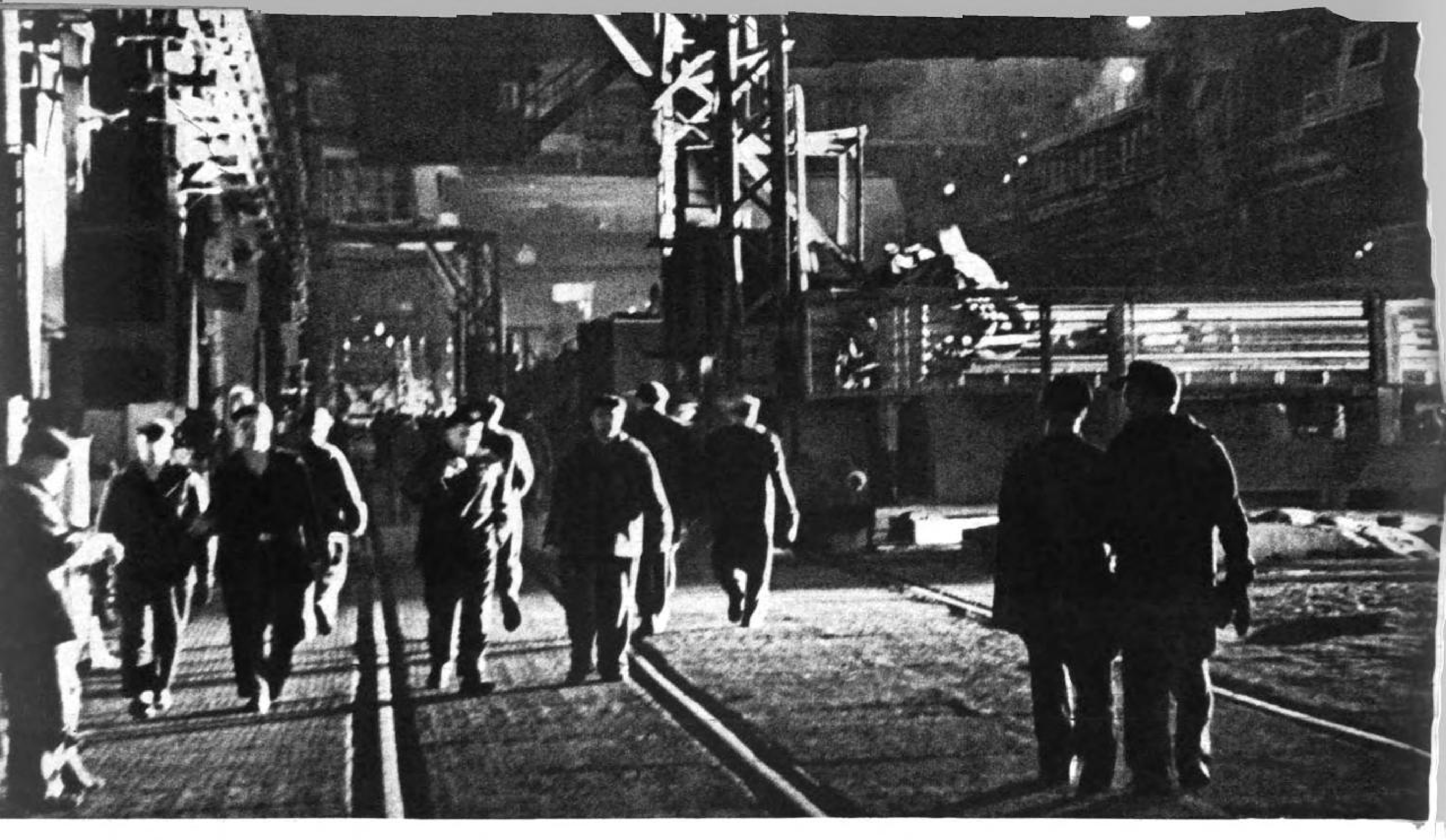
Народы Мексики, Бразилии, Аргентины, Чили отвергают грубый шантаж и домогательства США. Государственные деятели этих стран считают, что сотрудничать с правительством США в травле Кубы — значит подписать смертный приговор своему суверенитету.

Последние сообщения из Пунта-дель-Эсте говорят о неуверенности вдохновителей нового заговора против Кубы. То они занимают жесткую позицию, то отступают, то снова шантажируют, то подкупают... Но кому же сегодня не ясно, что какие бы козни они ни строили против кубинской революции, какие бы союзы ни заключали между собой, в конце концов их ждет новый Плайя Хирон, новое поражение.

Совещание в Пунта-дель-Эсте сопровождается грандиозными демонстрациями солидарности с кубинской революцией. Повсюду в Южной Америке проходит мобилизация народных сил в защиту героической Кубы, миллионы людей будут представлены на Гаванской конференции представителей народов латиноамериканских стран против открытого предательства принципов невмешательства и самоопределения народов. От Рио Гранде-дель-Норте до Огненной земли — повсюду на латиноамериканском континенте слышатся раскаты могучих волн народной решимости: Куба — да, да, да!

Имеющие уши да слышат! Можно не сомневаться, что в тот день, когда господин Раск поднимется на трибуну совещания в Пунта-дель-Эсте, кто-нибудь да вспомнит лихого ковбоя, о котором писал сеньор Арриагада сенатору Бентону, и послышится тогда твердый голос:

— Стакан холодной воды представителю Соединенных Штатов!

Смене конец.

ГЛАВНАЯ

Николай БЫКОВ

О них бы стихами, в песне бы о них рассказать — о мартеновцах ордена Ленина завода «Запорожсталь» имени Серго Орджоникидзе, завода, борющегося за звание предприятия коммунистического труда!.. Гудят печи в просторном мартеновском, высоченные трубы всегда курятся над цехом. В белом, нестерпимом для глаза пламени, рвущемся из печей, денно и нощно варится стальное варево. И денно и нощно обливаются трудным потом у тех бессонных печей сталевары и их подручные — люди умные, сильные, красивые.

Такие все похожие друг на друга и такие разные!

Суконные куртки нараспашку, синие «пенсне», свисающие с козырьков старых кепок, жесткие, побывавшие под бесчисленными дождями искр брюки. Это — одинаковое, чисто внешнее. А разное — глаза, голоса, настроения. И еще интересы. Не те общие, цеховые интересы: дать стали больше, сократить время плавок,— а интересы, которыми живет человек любой профессии после рабочего дня, после смены.

Смена кончилась, шабаш! Сталевар снимает рукавицы, сбивает свою очкастую кепку на затылок, передает плавку сменщику и уходит из мартеновского. Сначала в душ, потом... Куда потом? Домой? Упасть в прохладную постель, забыться, уйти в сон от раскаленной, клокочущей печи?.. Да, чаще случается так, и это естественно. И все же, выйдя из цеха, многие, очень многие мартеновцы попадают в плен самых различных стародавних своих увлечений.

...В тот день, когда мы пришли в цех, с утра у печи № 2 работали сталевар Николай Герценок и его подручные: Алексей Заикин, Василий Проскурин и Николай Бордунов. Люди очень молодые, но уже знаменитые. Все трое — дети, выученики завода, все трое только что окончили школу мастеров, защитили дипломы — на взятие этой высоты ушли многие сотни часов отдыха... Недаром именно они в 1960 году стали обладателями мирового рекорда съема стали с квадратного метра пода печи. А нынче сделались экс-чемпионами. Стали хуже работать? Ничуть! Просто их рубежа достигли уже несколько бригад, а вперед — и далеко вперед — вырвались парни с пятой печи, экспериментальной.

Кстати, мартеновцы за последнее десятилетие удвоили свою производственную мощность без каких-либо капитальных затрат. Вот уже десять лет, как мировые рекорды сталеварения прописались в этом цехе. И, мартеновцы уверены, навсегда.

Но мы отвлеклись, хотя, впрочем, это и не удивительно: произошло то, что почти всегда происходит с теми, кто берется показать сталеваров: говорят о каплях пота на лице, об отблесках пламени, пляшущих на стеклах очков... У нас же иная цель: чем живет мартеновец после смены?

Итак, в тот памятный для нас день Николай Герценок к самому концу смены выдал плавку. Плавка была спокойной, и сидела она много меньше отпущенного графиком времени. Выпуск стали — очень ответственный, а для стороннего наблюдателя еще и очень торжественный, впечатляющий момент. Обязательно волнуешься. И все вокруг тебя волнуются. И подручные Николая волновались. Особенно второй — Вася. Но он был озабочен еще и тем, что ждал в тот час персональных гостей в цех. Вася Проскурин не только мартеновец, но и пионервожатый. Ребята из 6-го класса «А» 47-й школы давно уже просились в цех, хотя бы «на после смены», и наконец-то Василий Павлович их ждет. Время встречать ребят в проходной, но сталь не пускает. Пионервожатый молит комсорга цеха Василия Безымянного, тоже в недавнем прошлом парня со второй печи, встретить хлопчиков. Тот бежит.

И вот мальчишки и девчонки у печи. Сталь идет! Море света и детского восторга. Сталевар и подручные, как наседки, глаз не спускают с класса. А глаза то и дело разбегающихся по цеху посетителей устремлены к автоматам — могучей завалочной машине, к снующим рядом электровозам и мостовым кранам, скользящим над головой, к заправочной машине, на которой мелом выведено: «Восток-3». А вот на гигантском термометре, что подручные ставят печке «под мышку», тоже мелом: «Аврора». И еще восторженнее разгораются глаза пионеров.

Так что не все и не всегда сразу после смены спешат уйти с завода. Не всегда и не все... Вот и сейчас в техническом кабинете, просторной, светлой комнате, ничем не отличающейся от вузовской аудитории, у края длинного стола сгрудились энтузиасты-рационализаторы цеха: сталевар Владимир Сергеевич Кобылко, слесарь Василий Ильич Павловский и их друзья. Толкуют, спорят, ломают головы над очень важным и очень сложным: как изгнать окончательно ручной труд?

«Дядько, а богато стали в ковше?»

ПЛАВКА

Фото М. САВИНА.

Лопаты, многопудовые ложки... нет, это не орудия труда на коммунистическом предприятии!.. Мы слушали разговор рационализаторов о мототележке для механической подсыпки порогов, и нам припомнилась просьба Васи Проскурина: «Сфотографируйте вот эту тачку, она у нас самая легкая!..» Шутник этот Вася. Но скоро, очень скоро он станет у пульта механизмов, которые уже родились на ватмане его товарища Владимира Кобылко — сталевара, изобретателя, депутата райсовета...

Парторг Иван Васильевич Малый так сказал нам: «У нас все учатся...» Как это выглядит в повседневной жизни завода? Здесь действует комиссия содействия повышению уровня общего и технического образования. Это не «ликбез», это — овладение высотами серьезных знаний, особенно специальных. Строго определены рубежи, которых обязан достичь рабочий той или иной профессии. И так для 230 профессий! Например, на заводе не будет к концу семилетки подручного вальцовщика без аттестата зрелости или подручного сталевара без диплома об окончании техникума. В школе мастеров люди изучают русский язык, литературу, математику в объеме сегодняшней десятилетки — параллельно, чтобы не проиграть во времени. Шаг в грядущее ускорен.

Как измерить все мужество, все упорство сердца и силу воли Ивана Билыка — сталевара, окончившего вечернюю десятилетку, ныне студента вечернего металлургического института!

Мастер Владимир Шор — книголюб да к тому же еще и аспирант-заочник Московского института стали. Аспирант у печи — это, признайтесь, необычно. И в общем-то понятно!

...Кто проследит вас до конца, бесчисленные незримые тропинки, расходящиеся от главной проходной «Запорожстали»? Это и о вас поется в песне: «Ту заводскую проходную, что в люди вывела меня...»

Уходят битком набитые троллейбусы. Люди спешат. Одни — «забить козла», другие — в Концертный зал имени М. И. Глинки, третьи, четвертые, пятые — в кино, на танцы, в гости, в спортивные залы, в различные студии клуба металлургов...

Завод имеет большой коллективный сад. Здесь царство друзей земли и растений. Яблоки, земляника, виноград. Не для базара. Для себя. А урожаи знатные! Только в этом году запорожсталевцы отвалили обитателям подшефного детдома около тонны винограда. Декабрь в Запорожье — сезон дождей. Но бывает, и высветит иной денек. Тогда Иван Каёла, прославленный сталевар, уезжает на участок. Яблоньки, лозы уходят в зимний сон, он провожает их, окучивает. Потом он садится у костерка, молча смотрит на далекий горизонт, где завод, где трубы мартеновского. Он привычно находит «свою», узнает по желтоватому дыму: «Доводка идет. Скоро выдадут плавку». А воздух в зимнем саду острый, чистый...

Сталевары в душе поэты — такая уж у них профессия! В печи бушует огненная стихия, огонь, вскипающие реки стали — все это звучит песенно, хотя нелегок труд мартеновцев. И все же душа молодых поет. Мы в этом убедились, побывав на занятии литературной студии. В круг вышел скуластый парень с белесой рассыпающейся шевелюрой.

— Евгений Ковалевский. Читаю «Мою биографию».

Молодой подручный сталевара читал о своей трудной, поначалу путаной дороге:

Есть три вехи на моей дороге:
Вор, солдат, а нынче сталевар...

Да, так сложилась жизнь юноши. Теперь он, подружившийся с огнем и металлом, с людьми огня и металла, стал еще и поэтом. Идет самая главная плавка!

Идет главная плавка — люди становятся другими. Будущее обязывает! И не это ли самое дорогое, что происходит сегодня в коллективе славной «Запорожстали»?..

Кончилась смена. И сталевар Владимир Раскатов садится за белый лист бумаги, долго вглядывается в модель головы богини красоты. И вот уже он сам и его друзья по студии и заводу надолго и неотвратимо приобщены к миру прекрасного. А в тот же час потомственный металлург Георгий Томченко, сын знаменитого сталевара и недавнего обер-мастера Якова Кононовича Томченко, проведшего у печей тридцать лет и три года, бьется над эскизом новой доски почета для своего мартеновского цеха. Это семейное — тяга к краскам, к гипсу, к дереву. Отец — прекрасный краснодеревщик: вся мебель в доме — творение его рук.

— Мы на одном мастерстве не сидим, — заметил не без гордости Яков Кононович.

Приглядишься к мартеновцам — они все не сидят на одном мастерстве! Оказывается, душа меры не знает. И в том примета времени.

Нельзя не сказать о спортсме-

нах. У них свои победы: недавно коллективу присвоено звание спортивного клуба, таких в стране пока немного. Каждый второй на заводе — спортсмен. А болельщики — все! Шутки шутками, но установлено, что от результатов футбольных игр между цеховыми командами нередко зависит выплавка стали! Около тысячи детей сталеваров занимаются спортом. Еще бы им один зал, и тогда бы улица отдала спорту новую тысячу подростков...

Любят ли спорт мартеновцы? На финале XXII спартакиады завода из одиннадцати мест они заняли шестое. Неплохо. Кстати, мы искали мартеновцев и среди тяжелоатлетов: ведь они все такие богатыри. Какая, оказывается, наивность! Работа у печи и без того выматывает. И все же нет правил без исключений: подручный Юрий Боровиков увлекается борьбой, он второразрядник, идет успешно к первому.

Бывший детдомовец, подручный Иван Письменный обладает незаурядным голосом, поет в хоре. Подручный с пятой Володя Кубрак — чемпион по плаванию. Тот же Владимир Кобылко — любитель подводной охоты...

...Выходной день. Ребята со второй печи-рекордсменки собрались у Николая Герценка. Пришли с женами. Пели, танцевали. Говорили о книгах, о печи, о модах, о народной дружине, о друзьях-индийцах, возвратившихся в Бхилаи, о Новой Гуте, где недавно работали всей бригадой... Да мало ли о чем говорят друзья, когда встретятся вечерком за общим столом!..

Бригада Николая Герценка вызвалась первой на заводе жить уже сегодня по нормам морального кодекса, записанного в Программе КПСС. Примеру парней со второй печи следуют все новые и новые бригады. Пожить среди них — все равно что заглянуть в завтра, чудесное время людей трудолюбивых, умных, красивых. А пока идет главная плавка!

НА СНИМКАХ:

Теплые ветви засыпающей яблони.

•

В мире прекрасного...

•

Идет съемка! Студийцы-киношники у студийцев-циркачей.

•

После концерта.

•

Афиши зовут!

•

К нам с разбоем не сунут носа!
Ну, а если коснется дела...
Разве жить не хотел Матросов?
Разве Зоя жить не хотела?..

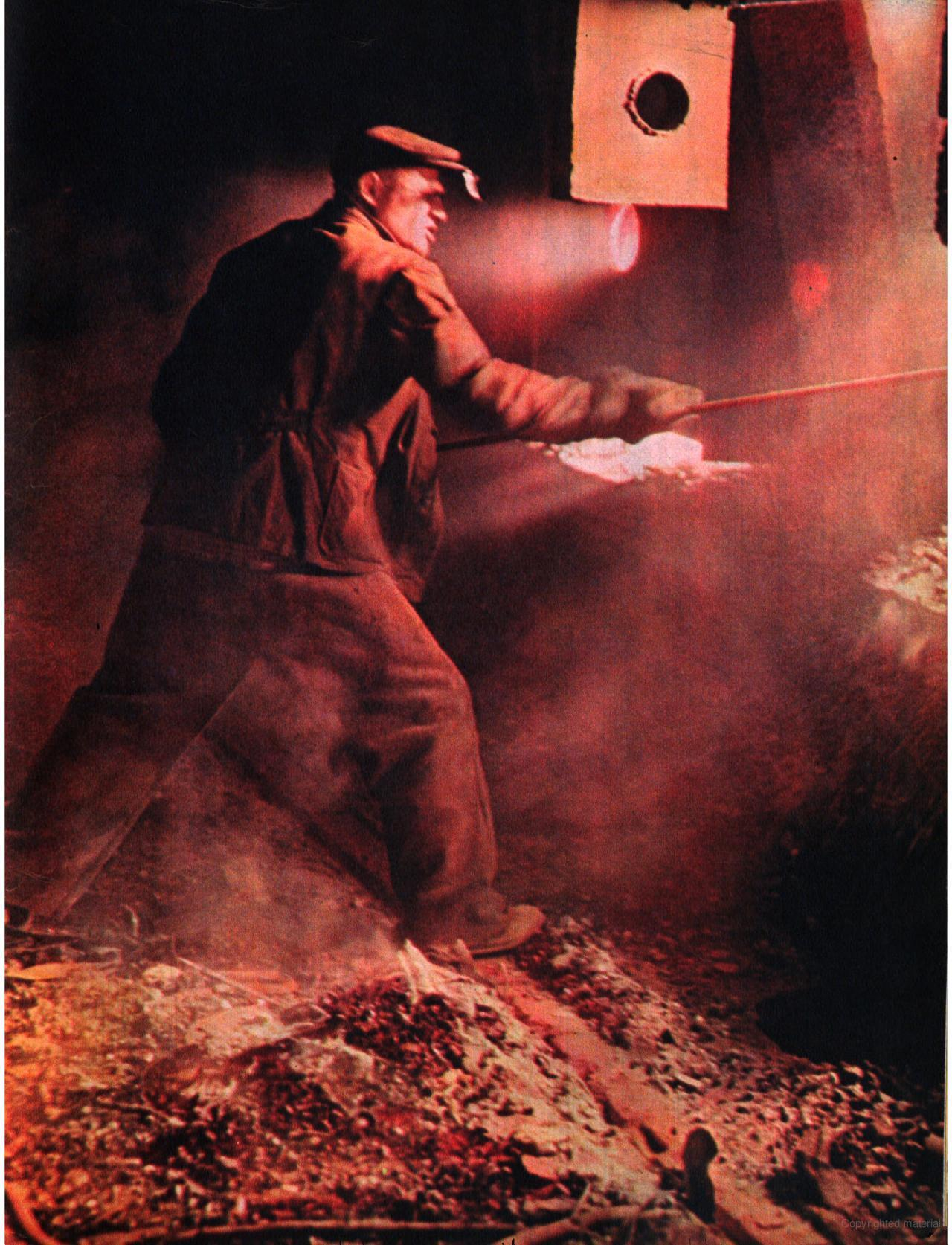
•

И снова они вместе, четверо из бригады Николая Герценка.

•

Вечером в клубе металлургов.

Завод «Запорожсталь». У печи — подручный сталевара Василий Проскурин. ▶

Центральный партийный архив Института марксизма - ленинизма при ЦК КПСС... Здесь собраны рукописи Маркса, Энгельса, Ленина, выдающихся деятелей Коммунистической партии и документы, раскрывающие ее героическую историю. Здесь хранятся материалы, известные миллионам людей, но много еще и таких, которые требуют тщательного изучения...

В. С. Дридзо, работавшей секретарем у Н. К. Крупской, и мне довелось готовить к публикации отзывы Надежды Константиновны на произведения писателей и художников о Владимире Ильиче. Нужно было дать комментарии к каждому географическому названию, имени, событию. Мало кому известны, например, имена художников Михайловского, Домажирова и скульптора Казарновского, создавших, по мнению Надежды Константиновны, очень удачные произведения о Ленине. Она писала: «Видела портрет Владимира Ильича, нарисованный художником Михайловским со снимка 1922 года.

Портрет, по-моему, вышел очень удачен, особенно глаза. Стоило бы его издать».

И еще: «Барельеф Владимира Ильича, сделанный товарищем Казарновским, кажется мне довольно удачным».

Благоприятный отзыв дала она и на портрет работы Домажирова.

Начались поиски материалов об авторах этих произведений. Отыскать их и сделать примечания к отзывам было сравнительно легко. А вот одно примечание далось с большим трудом...

Весной 1937 года к Надежде Константиновне поступил на отзыв сценарий киноочерка о Владимире Ильиче. Крупская послала письмо Денисову, автору этого киноочерка.

На обороте листка кем-то было написано: «Ул. Герцена, д. 54, кв. 46, Денисову К.».

Кто такой Денисов? Где он сейчас? Как сложилась его судьба?

Теплым августовским вечером 1958 года я отправилась на поиски Денисова. Нумерация домов на улице Герцена за два десятилетия не изменилась. Найден 54-й дом, а вот и квартира.

Дверь открыла пожилая женщина.

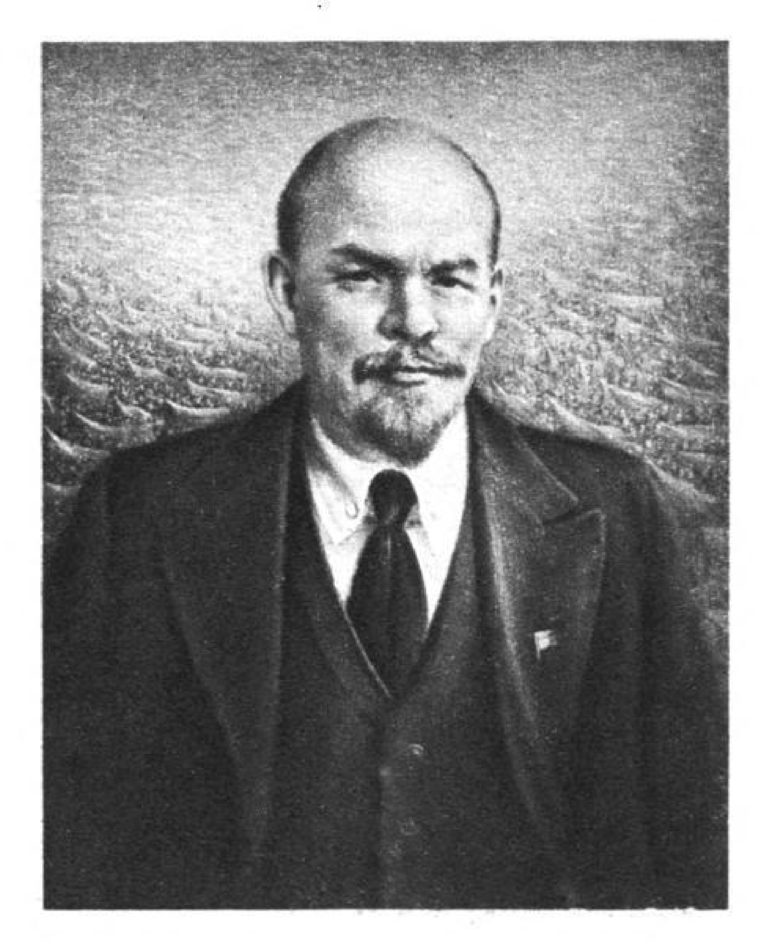
— Да, здесь живет Денисов. Дома нет, но скоро придет... Конечно, можно обождать.

Небольшая комната, посреди нее мольберт, а на мольберте... портрет Владимира Ильича.

Вот уже 16 лет я работаю в Центральном партийном архиве, приходилось видеть не одну фотографию и не один портрет вождя, но то, что предстало передо мной сейчас, было чем-то новым, неожиданным.

Через несколько минут в комнату вошел высокий худощавый человек. Подал левую руку. Правый пустой рукав был аккуратно вложен в карман пиджака. Константин Афанасьевич оказался как раз тем самым Денисовым, который в свое время написал киноочерк о Ленине. И этот портрет Владимира Ильича — тоже его работа. Над ним он, старый большевик, член партии с 1907 года,

Металлургический комбинат имени В. И. Ленина в Нижнем Тагиле. Серьезный разговор.
Фото М. Начинкина.

ИСТОРИЯ ПОРТРЕТА

К. Ф. БОГДАНОВА,
научный сотрудник Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

художник-самоучка, трудился около 11 лет.

К. А. Денисову пригодились и те материалы, которые он в свое время собирал для киноочерка, и личные воспоминания, и встречи с Владимиром Ильичем. Его он слушал и видел в Смольном как делегат Второго съезда Советов от крестьян Сходненской волости, Московской губернии. Денисов был и на III съезде Советов. Там он представлял Московский губернский Совет. Потом он стал членом ВЦИКа III созыва, работал в большевистской фракции крестьянской секции.

Однажды Константин Афанасьевич пришел на прием к Ленину. Это было зимой 1919 года. В то время местные работники очень остро чувствовали междуведомственную несогласованность, и тамбовцы решили создать единый хозяйственный орган, который объединял бы все учреждения, руководящие хозяйственной жизнью губернии. Была разработана специальная схема деятельности такого органа, с этой схемой в Москву прибыли губернский продкомиссар К. Денисов и член Малого Совнаркома А. Белов, приезжавший в Тамбов для организации товарообмена в деревне.

Владимир Ильич, всегда чутко и внимательно относившийся к проявлению творческой инициативы на местах, охотно принял Денисова и Белова, засыпал их вопросами об отношениях с середняком, о работе продовольственных отрядов, о положении в железнодорожных мастерских. А потом раскритиковал «послов» за их «схему».

Навсегда остался Владимир Ильич в памяти Денисова — внимательный, спорящий, неугомонный... Вот таким и стремился изобразить Ильича Денисов.

Любил рисовать Константин Афанасьевич еще с детства. Делал декорации, карикатуры для листовок, не расставался с альбомом и тогда, когда служил в первую мировую войну санитаром. Патрули, застав его за любимым занятием на одной из железнодорожных станций, чуть не расстреляли, приняв за шпиона, «снимавшего планы». Любимого занятия Денисов не бросил и тогда, когда в 1919 году потерял правую руку.

Партия посылала Денисова на работу в разные губернии, потом отправила учиться на юридический факультет Московского университета. Но судьей или прокурором Денисов не стал. В студенческие годы он сотрудничал на Госкинофабрике. Туда после окончания университета направили его редактором сценарного отдела. Работая, он окончил второй вуз — Институт кинематографии. Написал несколько сценариев, в том числе и киноочерк о Владимире Ильиче.

Прошло более четверти века с тех пор. Во время войны затерялись эскизы и наброски, сделанные Денисовым к портрету Ленина сразу же после той памятной встречи. К счастью, сохранились материалы, собранные для сценария киноочерка, яркие зрительные воспоминания...

Портрет Ильича увидел академик Глеб Максимилианович Кржижановский. Вот что он написал о нем:

«Ваша напряженная работа над портретом товарища Владимира Ильича Ленина завершилась несомненной удачей. Портрет Ленина вышел выразительным, близким к оригиналу. Очертания лба и глаз, на мой взгляд, особенно удачны. Думаю, что отзыв нашей широкой общественности будет несомненно положительным.

От души желаю Вам дальнейших успехов в Вашей плодотворной художественной деятельности».

«Живой В. И. Ленин — Председатель Совнаркома — глядит с портрета, сделанного художником тов. Денисовым», — отмечала одна из старейших членов нашей партии, Ц. С. Бобровская (Зеликсон).

«Передо мной был живой Владимир Ильич, такой, каким он остался в моей памяти.

Считаю, что необходимо познакомить широкие массы с этим портретом, дающим яркое представление о Ленине», — пишет профессор О. Б. Лепешинская.

Большая группа бывших сотрудников секретариата Владимира Ильича — В. Смольянинов, М. Фофанова, С. Бричкина — и другие товарищи, близко знавшие Ленина, дали такой отзыв: «Главное, что удалось художнику показать в живописном портрете, — это творческую ленинскую мысль. Изображен Ленин на портрете не сухо... Нам представляется, что Ленин в споре, он выслушивает своего идейного противника и не только заметил слабые места оппонента, но уже готовит ответ, уже готовит аргументы, и на его лице видна полускрытая усмешка над слабыми доказательствами противника».

Каждый, кто побывает в читальном зале Центрального партийного архива, может сейчас увидеть этот портрет. К. А. Денисов подарил его институту.

* * *

Прошло несколько лет после первой встречи с Денисовым. И вот я снова отправилась к Константину Афанасьевичу, но на старой квартире его не нашла. Оказалось, что персональный пенсионер К. А. Денисов получил новую квартиру на Ленинских горах.

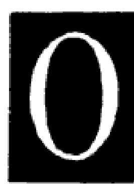
И снова встреча... Вхожу в столовую. На мольберте еще один портрет Владимира Ильича.

С первого взгляда портрет кажется фрагментом большого полотна. Необычен фон его — море людей и знамен. На нижней кромке багета, на тонкой золотистой полоске начертаны слова:

«Мы вестники новых времен, весна молодая идет нам вослед под сенью несчетных знамен».

Константин ПАУСТОВСКИЙ

ЯНВАРСКАЯ

т костров клубился черный смолистый дым, подкрашенный багровым пламенем.

Дым ночных костров и январской стужи низко висел над Москвой.

Сквозь этот дым со скрежетом ползли трамваи. Вагоны заросли изнутри клочьями изморози и походили на ледяные пещеры.

Костры складывали на площадях из целых бревен и старых телеграфных столбов. Около огня грелись милиционеры в серых каракулевых шапках с красным верхом — «снегири». Так звали милиционеров в то время. Милиционеры держали на поводу заиндевелых нетерпеливых коней.

Со стороны Красной площади доносились сильные взрывы. Там разбивали окаменелую землю.

Кострами и дымами Москва была окрашена в черно-красный траур. Черно-красные повязки были надеты на рукава у людей, следивших за бесконечной медленной толпой, продвигавшейся к Колонному залу, где лежал Ленин.

Очереди начинались очень далеко, в разных концах Москвы. Я стал в такую очередь в два часа ночи у Курского вокзала.

Уже на Лубянской площади послышались со стороны Колонного зала отдаленные звуки похоронного марша. С каждым шагом они усиливались, разговоры в толпе стихали, пар от дыхания слетал с губ все судорожнее и короче.

Прощайте же, братья, вы честно прошли
Свой доблестный путь благородный...

Кто-то запел вполголоса эти слова, но тотчас замолк. Любой звук казался ненужным среди этой полярной ночи. Только скрип и шорох многих тысяч ног по снегу был закономерен, непрерывен, величав,— к гробу шли люди с окраин, из подмосковных поселков, с полей, с остановившихся заводов. Шли отовсюду.

Молчание застыло над городом. Даже на далеких железнодорожных путях не кричали, как всегда, паровозы.

Страна двигалась к высокому гробу, где среди цветов и алых знамен не сразу можно было рассмотреть изможденное лицо человека с большим бледным лбом и закрытыми, как бы прищуренными глазами.

Шли все. Потому что не было ни одного человека, на жизни которого не отразилось бы существование Ленина, ни одного, кто бы не испытал на себе его волю. Он сдвинул жизнь. Сдвиг этот был подобен исполинскому геологическому сбросу, встряхнувшему Россию до самых недр.

В промерзшем насквозь Колонном зале стоял пар от дыхания тысяч людей. Время от времени плавное звучание оркестров разбивали пронзительные плачущие крики фанфар. Но они быстро стихали, и снова мерно звучал оркестр, придавая печали торжественность, но не смягчая эту печаль.

Со мной в толпе шел капитан дальнего плавания, сотрудник морской газеты «На вахте» Зузенко — мой сосед по даче в Пушкине. Мне в то время негде было жить в Москве, и Зузенко нашел для меня пристанище в Пушкине под Москвой, рядом с домом, где жил он сам. Пристанище оказалось пустой, как сарай, и гулкой дачей.

О Зузенко я уже писал довольно много. Да и нельзя было не писать об этом строптивом и добром человеке с лицом, изуродованным боксом. Мы сдружились, очевидно, по резкой противоположности характеров. Зузенко не знал сомнений, я же был полон ими сверх меры. Зузенко был грубоват и насмешлив, а я, к своему огорчению, был вежлив даже с трамвайными ворами и не любил насмешек.

Мы долго шли молча. Потом Зузенко поежился и сердито сказал:

— Ну и холодюга! Как в полярной трескоедне! (Так он насмешливо называл все полярные страны.) Веки смерзаются. Грандиозный мороз!

Он помолчал и сказал снова:

— Все сейчас грандиозно. Вот Ленин... Грандиозный разрушитель всяческой скверны и грандиозный созидатель... Дышите через шарф, а то отморозите бронхи... Жаль, не удалось мне с ним поговорить о всемирном союзе моряков. Грандиозный был бы у нас разговор.

Мы медленно прошли мимо гроба и еще медленнее вышли из Колонного зала. Все оглядывались и замедляли шаги, стремясь в последнем взгляде удержать увиденное — лицо Ленина, его выпуклый лоб, сжатые губы и небольшие руки.

Он был мертв, этот человек, стремительно перекроивший мир. Каждый из нас думал о том, что теперь будет с нами. Куда пойдет страна? Какая судьба ждет революцию?

Казалось, что время застыло. Эпоха отыграла свое, замолкла, и вряд ли кто-нибудь сможет удержать ее на прежнем пути.

— Наши дети, — сказал Зузенко, когда мы вышли из Колонного зала, — будут завидовать нам. Если не вырастут круглыми дураками. Мы влезли в самую середину истории. Понимаете?

Я это прекрасно понимал, как все, кто жил в то тревожное и молниеносное время. Ни одно поколение не испытало того, что испытали мы. Ни такого подъема, ни таких надежд, ни такой жути, разочарований и побед. Зеленых от голода и почернелых от боев победителей вела только непреклонная вера в торжество грядущего дня.

Мне было в то время тридцать лет, но прожитая жизнь уже казалась такой огромной, что при воспоминании о ней делалось страшно. Даже холодок сжимал сердце.

«Действительно ли ты сын своего времени?» — думал я. Всем существом я понимал, что неотделим от времени, от судьбы страны, от радостей, какие так редко испытывал мой народ, и от страданий — чудовищных и небывалых, которые выпадали на его долю так незаслуженно щедро.

Мы шли с Зузенко на Северный вокзал по улицам, охваченным стужей. Она яростно подвывала под ногами.

«Век шествует путем своим железным», — говорил я про себя. Эти слова преследовали меня весь тот день.

— Что вы бормочете? — спросил Зузенко.

— Да так... Ничего...

Железный век... И вдруг в памяти зазвенели, поднявшись из ее глубины, далекие, полузабытые слова:

Кто на снегах возрастил Феокритовы нежные розы?
В веке железном, скажи, кто золотой угадал?

«Век шествует путем своим железным»... Но его путь ведет к золотым векам, к миру, к разуму. К золотым векам! Надо верить в это. Иначе нельзя жить.

Потом мы долго ехали с Зузенко в Пушкино в пустом дачном поезде. Он грохотал и качался в густом пару. Колеса вагонов звучно били по стыкам рельсов. Им вторило ночное эхо. Казалось, что оно тоже замерзает и потому звенит и потрескивает, как тонкий лед, разбитый камнем.

В Пушкине все дымилось от невыносимого мороза.

— Сорок градусов, если не больше, — сказал Зузенко. — Зайдемте ко мне. Погреемся.

Я любил заходить к Зузенко. Маленькая его дача была засыпана снегом по самые окна.

Зузенко зажег свечу. На бревенчатых стенах висели, приколотые кнопками, заграничные пароходные плакаты. Они были очень старые, рваные, но заманчивые. Особенно один, где был изображен полосатый — белый с красным — маяк на песчаном берегу, маслянистое море и цветущий куст олеандра. Не верилось, что на свете бывают такие смелые сочетания алых цветов и лилового моря.

В комнате у Зузенко всегда было холодно, окна заросли льдом,— снег в ту зиму валил почти беспрерывно. Плакаты, казалось, от зимнего холода съеживались и тускнели.

Я любил рассматривать их, хорошо понимая, что никогда не попаду ни в одно из великолепных мест, изображенных на этих плакатах. Кроме плакатов, у Зузенко были библия, лоция Атлантического океана, несколько книг по марксизму и растрепанный том энциклопедии Брокгауза и Ефрона на букву «Н».

Зузенко, как оказалось, изучал библию, чтобы вести в Австралии, где он прожил несколько лет, бурные обличительные диспуты со священниками христианских церквей. Это было его любимое занятие, если не считать морского дела и постоянных схваток со всяческими соглашателями, бюрократами, нэпачами, хлюпиками и размагниченными интеллигентами.

Зузенко разжег австралийский усовершенствованный примус. Он ревел, как перегретый паровой котел, и готов был каждую секунду взорваться.

Стало теплей.

Мы молча выпили чай с черными сухарями. Потом Зузенко спросил:

— Поедете завтра на похороны Ленина?

— Конечно.

— В чем? Мороз крепчает. Ваше осеннее пальтишко — чистое рядно, чтобы не сказать больше. Да вас уже и сейчас трясет. Жаль, нет термометра.

— У меня есть.

— Померяйте. А завтра утром я зайду. Пораньше.

Я ушел. Ко мне от дома Зузенко вела протоптанная тропинка. Густые ели опускали на нее мохнатые лапы, отягченные снегом. Я задевал их, снег несколько раз слетал мне за шиворот. Каждый раз я вздрагивал, как от удара ножом.

В моей комнате было тоже холодно, как в запертом леднике. Я затопил печку и тотчас лег, не раздеваясь, укрывшись потертой медвежьей шкурой.

Я снял комнату вместе с этой огромной шкурой и скудной пыльной мебелью. Пыль на мебели просто окаменела. Ее нельзя было стереть ничем, разве только счистить напильником.

Занавески на окнах примерзли к стеклам, и в пазах между бревен пищали мыши.

Отрывок из новой книги.

Даже под медвежьей шкурой я слышал тошнотворный запах мышиного помета. И все думал, ежеминутно теряя нить своей мысли, о своей неустроенности, о том, что нужно сделать в жизни, а не только в комнате, генеральную уборку, все вымыть и выветрить. Но этого почему-то никак нельзя сделать зимой. Как будто беспорядок моего существования примерз ко мне и его никак не отодрать: не хватит сил.

Я понимал, что заболеваю, и сказал слишком громко, на всю пустую промерзшую дачу:

— Человек не может быть один. Если человек один, то по собственной вине. Только поэтому.

Я говорил себе: «Сам виноват!» — но от этого не становилось легче. Одиночество стояло вокруг — холодное, мертвое, будто я прижимался лицом к ледяному стеклу и различал за ним только седую, убитую морозом равнину без единого дерева, без единственного проблеска света, без отдаленного человеческого голоса.

Я ворочался под медвежьей шкурой. Голова у меня мутилась. Я подумал, что сейчас, в такие дни, просто нельзя уступать смутным и печальным мыслям, нельзя позволять тоске распоряжаться собой.

Мир потрясен. Неистовая стужа не может убить печаль человеческих сердец. Москва пылает в похоронных кострах. Люди ждут полного избавления от тысячелетних и бессильных страданий. Ушел человек, который знал, что делать.

Он знал. Но знаем ли мы?

Я потянулся к часам. Печка перегорала. При свете углей я увидел, что уже шесть часов.

В стенах сильнее забегали и запищали мыши. Сильно болела голова. Серый сумрак, паморок, заползал в комнату из окна и тут же падал в темноту, на пол.

Надо было собираться и ехать в Москву.

Пока я умывался оттаявшей водой, сумрак начал наполняться синью. Вскоре оранжевые пятна солнца упали на черные стены и на фотографию Блока. На его лице лежала легкая надменность гения.

СТУЖА

Зузенко постучал в окно и крикнул, приложив ладони к стеклу, чтобы я даже не смел отворять ему дверь: мороз осатанел и просто сжигает легкие.

— Ехать в Москву немыслимо! — прокричал он. — Оставайтесь. Ложитесь. Я поеду, вернусь поскорее и все вам расскажу.

У меня не было ни сил, ни голоса спорить. Он ушел. Я все же надел пальто, замотал шею старым шарфом, натянул на уши кепку и вышел.

Я добрел до железнодорожного переезда как раз в то время, когда прошел на Москву последний утренний поезд. Я опоздал.

Тогда я пошел вдоль полотна в сторону Москвы.

Но я не прошел и двух километров. Очень кружилась голова. Мне хотелось сесть на откос, в снег, и посидеть немного. Но я знал, что в такой мороз этого делать нельзя. Поэтому я все брел и брел, спотыкаясь, понимая, что идти бессмысленно и надо возвращаться.

По своей нелепой привычке я все время загадывал — вот дойду до того телеграфного столба и поверну обратно.

Телеграфный столб задержал меня надолго. Я прислонился к нему, оглянулся и увидел, как Пушкино тяжело и густо дымилось всеми своими печными трубами, всем своим березовым дымом. Он был алым от мороза.

Впереди так же яростно, как и Пушкино, заваливая дымом всю даль, курилась Клязьма. Мне казалось, что там, в дыму, гораздо теплее, чем здесь, в невысоком подмосковном лесу.

Лес потрескивал от мороза, как тлеющие дрова, и часто сбрасывал с вершин плоские блестки снега, похожие на чешуйки слюды.

Каждая ель, отягощенная снегом, стояла, как страж огромных завалов легкого серебра, всей этой тихой зимней благостыни.

Я знал, что лес в этих местах небольшой, но снег перепутал все расстояния и скрыл их от глаз. Поэтому лес казался бесконечной девственной пущей, где не прошел за столетие ни один человек.

Я стоял, ждал. Я убеждал себя, что в этой ломкой тишине обязательно услышу отдаленный, но слитный гул всех заводских гудков Москвы. Может быть, даже услышу громыхающий вздох орудийных залпов.

Но было очень тихо. Только все сильнее потрескивал лес.

Наконец со стороны Пушкина послышался нарастающий шум, — это шел в Москву, выбрасывая столбы дыма и пара, сибирский экспресс.

Он всегда проходил в это время мимо Пушкина, не останавливаясь, не тормозя, уволакивая за стрелки тяжелые пульмановские вагоны. Все казалось, что вагоны хотят отстать, остановиться, отдохнуть, но паровоз безжалостно мчит их вперед и не дает отдышаться.

Поезд приближался. Внезапно он вздрогнул. Залязгали и запели тормоза. Грохот колес оборвался, и поезд остановился среди леса. Паровоз дышал, как запаленная лошадь.

Поезд остановился там, где его застало время похорон.

Пар вырвался могучей струей из недр паровоза, и паровоз закричал. Он кричал непрерывно, не меняя тона. В его крике слышалось отчаяние, гнев, призыв.

Этот могучий гудок летел окрест — в леса, в стужу, в поля, где одним нетронутым пластом расстилались снега.

Шли минуты, а паровоз кричал все так же томительно, так же тоскливо и настойчиво, возвещая, что сейчас на Красной площади в Москве хоронят Ленина.

Экспресс промчался через тысячи километров великой русской зимы, но опоздал. Всего на сорок минут.

Мне казалось, что я слышу не только вопль сибирского экспресса, но крик всей Москвы. В эту минуту остановилась жизнь. Даже морские пароходы легли в дрейф и сотрясали зимние свинцовые воды плачем мощных сирен.

Гудок сразу стих, и поезд тронулся в задымленную даль, к близкой Москве.

Все было кончено. Я побрел домой.

На дачах мертво висели траурные флаги.

На обратном пути я не встретил ни одного человека. Мне чудилось, что вымер весь мир и жизнь иссякла, как последний неприютный свет этого январского дня с его никому не нужной мучительной стужей и горьким запахом дыма.

К вечеру вернулся Зузенко и застал меня в жару и бреду. Я проболел больше месяца.

Я. Николаев. НА ВСЕМ ПУТИ НАРОД СТОЯЛ.

Этот снимок сделан в Москве, в Комитете ветеранов войны, где встретились бывшие партизаны брянских лесов: гость из Венгрии Ласло Неваи, Василий Петрович Росляков и Герой Советского Союза Дмитрий Васильевич Емлютин.

Фото Н. Ситниковой (ТАСС).

Вы с н

Л. ЛЕРОВ, *специальный корреспондент «Огонька».*

3. Судьба доктора Ласло Неваи

От Марии Фортус? О, большое спасибо. Мы с ней старые друзья по обществу партизан. Как она там? Ездила в Париж с делегацией? Молодец!.. А здоровье? Не жаловалась? Годы ведь берут свое. К нам не собирается? Жаль. Это очень известная у нас женщина. «Альба Регия»...

Мой собеседник — сухощавый, смуглый человек с мужественным и приятным лицом,— доктор Ласло Неваи, заведующий одной из кафедр юридического факультета Будапештского университета, сердечно рад привету из Москвы. Во-первых, весточка из города, где он, по его выражению, прошел «второй университетский курс», а во-вторых, Мария Фортус... «Альба Регия»...

Она действительно известна здесь, в Венгрии. А в таком городе, как Секешфехервар, ее, кажется, знают почти все жители. Впрочем, как и Лидию Мартыщенко. Почему? «Альба Регия». Вам ни о чем не говорят два этих слова? Ну, вспомните же! Фильм «Альба Регия» с Татьяной Самойловой в роли разведчицы.

...Год 1944-й. Зима. Бои за Будапешт. Перегруппировывая свои силы, наши войска временно покинули Секешфехервар — венгерский город, когда-то, в древние времена, называвшийся Альба Регия. Командование поручило офицеру Марии Фортус найти в городе, в тылу врага убежище для советской радистки-разведчицы Лидии Мартыщенко... Фортус — старая коммунистка, участница гражданской войны, женщина, прошедшая большую и суровую школу жизни, она и сейчас не растерялась в сложной обстановке чужого города, где тут друг, а где враг? Офицер Фортус нашла для Лидии надежных друзей — семью местного врача-патриота Кароя Хорнянски. Семьдесят два дня в его доме укрывалась советская разведчица, передавая в эфир свои позывные: «Я — Альба Регия»...

Вся эта героическая эпопея и явилась основой сюжета венгерского фильма «Альба Регия».

Но это все отступление от нашего рассказа о венгерском ученом Ласло Неваи, волею судьбы ставшего советским партизаном брянских лесов. Да, так сложилась его судьба, и он благодарен ей за это.

С чего все началось?

— Еще до войны я опубликовал работу по уголовному праву. На первый взгляд безобидное исследование. Я не принадлежал тогда ни к какой партии и был далек от политики. Но всем существом здравомыслящего человека протестовал против «теоретических» изысканий некоторых своих коллег. Дело в том, что среди многих изощренных методов уничтожения своих противников был у фашистов и такой: они объявляли неугодных им людей неизлечимыми от какой-то болезни и умерщвляли их. На «законном», так сказать, основании. Нашлись правоведы, поспешившие подвести «теоретическую» базу под эту страшную практику каннибалов. Видимо, совесть никогда их не тревожила. Я выступил против этих правоведов. И, конечно, сразу же, что называется, запятнал себя, попав в число неблагонадежных. В общем, так или иначе, по этой или по другой причине, но меня хортистская Венгрия послала на фронт рядовым бойцом штрафного рабочего батальона... У вас, кажется, есть такая пословица — не было бы счастья, да несчастье помогло: нас бросили на самый опасный, с точки зрения нашего командования, участок фронта — в зону активных действий партизан брянских лесов.

Ласло Неваи бережно хранит все, что связано с той порой его жизни. Сейчас все это аккуратно разложено на столе. Ну и, конечно же, детальная карта Брянской области. Вот она, жирно отчеркнутая точка — город Середина-Буда («Здесь мы, неблагонадежные, начали готовить побег к партизанам»). Рядом село Шилинка («Там была учительница, связанная с «лесными жителями». Мы с ней объяснялись по-немецки. Сюда ночью ворвались партизаны, и это решило нашу судьбу: мы попали к русским»).

...Их, сорок венгров, привели в штаб партизан. Все они были из разгромленного отряда майора Парага, в свое время похвалявшегося, что именно он, Параг, создавал первые фашистские банды в Будапеште. Карьера майора оборвалась в брянских лесах в ту самую студеную октябрьскую ночь, которую Ласло Неваи считает одной из самых счастливых в своей жизни: он оказался среди советских партизан («Не будь той ночи, я бы, вероятно, не беседовал с вами сейчас»).

...Шли дни. По-разному вели себя пленные. Одни поначалу держались особняком, пребывая в тревожном ожидании. Другие стали просить переводчика-коммуниста Пауля Фельдеша почитать им газеты. Что же касается Ласло Неваи и его друзей, то...

— Комиссар Андреев долго беседовал с каждым из нас в отдельности. Потом торжественно объявил нам, что мы свободны и сейчас сами должны определить свое место. И мы определили его — вместе с партизанами бить фашистов. О том, что было дальше, вы можете прочесть вот здесь,— и Ласло протянул мне русскую книгу: В. Андреев «Народная война».— Автор сыграл большую роль в моей жизни. Ведь все было очень сложно. Мы пришли к партизанам из стана врагов, надо было поверить нам. И Андреев поверил. Не формально, а душой. Душой коммуниста. Мы это уже тогда чувствовали. А позже в книге прочли...

Доктор быстро находит не раз читанные страницы. Да, здесь много добрых слов о нем. И о том, как выступал на митинге военнопленных венгров («Неваи Ласло взобрался на какой-то ящик и произнес речь. Я видел в нем совершенно преобразившегося человека — живого, энергичного оратора, который может зажечь сердца толпы. «Да здравствует СССР! Да здравствует свободная Венгрия! Смерть фашизму»... Он первым предложил всем своим соотечественникам не считать себя пленными, а влиться в семью советских партизан, чтобы вместе вести борьбу с общим врагом»). И о том, как постепенно его, венгра, доктора юридических наук, приобщали к политической работе («Я взял Ласло Неваи... в политотдел. Он провел очень большую работу и оказал нам огромную помощь в пропагандистской деятельности в тылу врага... Он хорошо владел пером и сочинял уже вместе с Паулем Фельдешем замечательные листовки, персональные записки к знакомым, воззвания на венгерском языке...»).

Вот он и стал нежданно-негаданно политработником отряда советских партизан. Бил он фашистов и словом и оружием. А потом неисповедимые военные пути-дороги привели его в Москву.

— Вы знаете, где сейчас помещается ваш Институт международных отношений, ИМО? Да, да, около Крымского моста. Там я тогда жил. А шестнадцать лет спустя приехал в Москву и в той же аудитории, где слушал однажды лекцию по истории гражданской войны, прочел на русском языке русским студентам Института международных отношений лекцию о венгерском государственном праве... Вы представляете, как я волновался и сколько воспоминаний разом нахлынуло на меня в тот день!

Профессор Будапештского университета застенчиво улыбается и достает из папки выпуск «Научных записок ИМО». Там и его статья «Развитие прокуратуры Венгерской Народной Республики». В пухлой папке он хранит все, что связывает его с советскими друзьями, товарищами по оружию и науке. Тут фотографии, письма, книги, сувениры, журналы и даже кинолента — любительский фильм о брянских лесах, заснятый им летом 1960 года. Свердловский университет пригласил тогда Ласло Неваи прочесть лекцию о венгерском государстве и праве. Ну, а раз так, значит, надо повидать друзей в Москве, Ленинграде, Минске и, конечно, в Брянске. Там, пожалуй, были самые трогательные встречи. В обкоме партии тогда работали бывший политрук С. Макаров, бывший комсорг партизанского штаба Н. Башкирова. Встретился военкор «Партизанской правды» Ласло Неваи и со своим строгим редактором Николаем Коротковым. Все вместе отправились в леса. Не спеша шагали знакомыми тропами, молча любовались, как багровый пламень солнца скользил по стволам деревьев и как угасал тихий закат над полями. А потом, перебивая друг друга, хлопая в ладоши, с веселым гомоном, словно дети, перебегали с места на место, вспоминая, как это было... Там он и фильм заснял, там и подарок от колхозницы Галайдо получил — вот он, вышитый на полотне портрет Ильича.

Продолжение. См. «Огонек» № 2.

ими знакомы

А это что за книга? Юбилейный сборник, посвященный боевой венгерско-советской дружбе начиная с семнадцатого года. Тут тоже статья Ласло Неваи. Он назвал ее «Среди настоящих людей». Большая статья. И все о друзьях-партизанах. И о Герое Советского Союза Д. Емлютине, и о покойном секретаре Брянского обкома партии комиссаре А. Бондаренко, и, конечно же, о В. Андрееве. Хозяин дома снова перелистывает страницы его книги, а хозяйка подтрунивает: «Никак расстаться не можешь»...

— Да нет же, — словно оправдывается Ласло. — Вспомнил, что у Андреева есть любопытная история одного венгерского военнопленного... Но история неоконченная, а конец ее знаем только мы с тобой, Люци. Надо бы написать автору...

— Это ты про кольцо?..

Ласло Неваи бросает вопросительный взгляд на жену, словно просит разрешения у нее: можно ли посвятить гостя в несколько интимную сторону их жизни? А потом осторожно снимает с пальца обручальное кольцо.

— Смотрите! Тут выгравировано ее ласкательное имя — Люци. И дата свадьбы... У нас такая традиция... Спасибо ей, этой традиции. Она помогла жене узнать о моей судьбе.

...Однажды партизаны захватили в плен венгерского солдата, тяжело раненного в обе ноги. Советские врачи спасли его от смерти, и когда пленный почувствовал себя совсем хорошо, ему задали вопрос, буквально ошеломивший парня: не хочет ли он вернуться в свой полк? Вначале солдат решил, что это шутка, а потом понял: разговор идет серьезный. Ну, понятно, хочет. Нет, не для того, чтобы воевать. Он уже свое отвоевал — вот, одна только правая нога осталась. Но из полка ему легче будет добраться домой. И он готов выполнить поручение партизан: доставить венгерским солдатам советские листовки. Давайте их сюда!

Решено было сделать так. Запрягли в сани белую лошадь, уложили туда тепло укутанного мадьяра, и наши разведчики днем, с белым флагом на шесте, тронулись в путь — к линии обороны венгров. Их встретили было огнем, а когда увидели белый флаг, прекратили стрельбу и стали наблюдать, что будет дальше. А дальше было вот что: метров за 25 от линии обороны венгров наши партизаны соскочили с саней, крикнули мадьярам: «Принимайте подарок!», — стегнули лошадь кнутом и давай ходу обратно домой. Солдаты долго не решались «принимать подарок»: может, минировано! А потом слышат, чей-то жалобный голос с саней доносится и кто-то по-венгерски просит: «Помогите!» Кинулись вперед, облепили сани и тут же все листовки расхватали.

Все это описано в книге В. Андреева. А о том, как дальше развивались события, рассказал нам Ласло Неваи.

— Когда мы снаряжали пленного с листовками, я сообщил ему свой домашний адрес — на случай, если он вернется в Венгрию. «Запомни, друг, улицу и номер дома. Попадешь в Будапешт — зайди к жене. Окажешься в другом городе — вызови ее письмом. Только рассказывай осторожно, чтобы никто не слышал. Боже тебя упаси! Понятно? А если вдруг жена не поверит рассказу, назови это имя... Люци! Так мы условились с ней, прощаясь, когда меня на фронт отправляли». И я показал ему свое кольцо... Из полка солдата отправили в Дебрецен, в госпиталь. Вызвал он письмом мою жену и все поведал ей обо мне. Она, конечно, не поверила: чудес на свете не бывает, а в словах солдата все слишком хорошо, чтобы это было правдой. В кармане лежит извещение: «Ваш муж погиб...» Не провокатор ли перед ней? И тогда солдат прошептал ей на ухо: «На его кольце написано Люци»...

Люци молча слушает рассказ Неваи и нет-нет да тяжело вздохнет. Сколько лет уже прошло, а как будто вчера все это случилось. И поездка в Дебрецен и полученные почтой таинственные записки: одни напечатаны на машинке без подписи, другие нацарапаны левой рукой — вдруг перехватит кто!.. Это было в январские дни 1944 года. Добрые люди, рискуя жизнью, сообщили ей, что в новогоднюю ночь они лично слышали по радио голос Ласло Неваи, его выступление по московскому радио на родном языке. Честно говоря, она тогда еще не очень верила этому, пока в январе сорок пятого не обняла мужа, офицера Советской Армии — армии, принесшей свободу ее родине.

Это была та самая свобода, о которой в невеселую, тревожную новогоднюю ночь из студии Московского радиокомитета, обращаясь к соотечественникам, держал речь профессор Будапештского университета. То была, кажется, одна из самых ярких речей юриста Ласло Неваи, правоведа, который хорошо знал, как втоптали в грязь святое это слово — свобода — в хортистской Венгрии. Он знал это давно и давно понимал разумом. Но здесь, в Стране Советов, в кругу новых своих друзей — советских воинов — это понимание разумом обрело плоть и кровь и горячо прикоснулось к самой глубине сердца. Он страстно призывал и вдохновенно мечтал о том же, о чем мечтал когда-то великий гражданин Венгрии Шандор Петефи, о днях, когда «любой сумеет брать от счастья полными горстями, когда за стол закона все придут почетными гостями».

...Доктор Ласло Неваи читает теперь студентам лекции, пишет книги, статьи о том, как в его стране за стол закона ныне все приходят почетными гостями. Жизнь каждодневно и убедительно подтверждает теоретические исследования юристов. Рабочие и крестьяне вершат правосудие именем народа. Более пяти тысяч рабочих Чепеля выдвинуты на руководящую государственную работу. А рядом с ними — ректор университета, крупный ученый Дюла Ортутаи, в прошлом активный деятель партии мелких сельских хозяев, теперь генеральный секретарь Отечественного народного фронта. Консолидация и Свобода! Ныне доктор Ласло Неваи и его соотечественники не по книгам, а всем своим существом познают счастье быть свободными.

— В октябре пятьдесят шестого года нас хотели лишить этого счастья. — В голосе доктора звучит металл. — Увы, некоторая часть нашей университетской молодежи показала себя тогда не лучшим образом и занимала позицию, о которой, может, и не стоит сейчас вспоминать. Неприятно, тяжело... Но все это уже в прошлом. Огромные перемены произошли. Большинство студентов университета — из семей рабочих и крестьян. А до войны их было три-четыре процента. Мне приятно видеть среди преподавателей бывших своих учеников, поступивших в университет уже после войны. Из крестьянской семьи пришел к нам Имре Шереш. Сейчас он заведует кафедрой и очень интересно разрабатывает проблемы земельного права. И Шандор Берени такой и Имре Шаранди... И студенты совсем другие, и настроения у них иные... Только кое-какие традиции остались старыми. Но, по-моему, это неплохие традиции. Окончившие университет устраивают шествие по аудиториям, и где бы ни шли в это время занятия, лекции, выпускников встречают звонким словом привета. А они шествуют один за другим и произносят слова клятвы: быть честными, прогрессивными юристами. И это звучит сейчас как клятва верности делу социализма. Не правда ли, хорошая традиция и хорошая клятва?..

4. «Можно преклониться перед его талантом»

Вы, может быть, и запомнили этого веселого, широкоплечего крепыша. Бог несколько обидел его ростом, но зато наградил здоровьем и обворожительной улыбкой на круглом лице. Я уже не говорю о главном — талант! В какой области? В самой что ни на есть важной — там, где нужно облегчить труд человека. Вы встречались с ним в Москве, на промышленной венгерской выставке. Вы читали в газетах душевные слова Никиты Сергеевича о нем и о его станке. Это было в августовский день 1960 года, когда Н. С. Хрущев и Янош Кадар после осмотра выставки делились своими впечатлениями с журналистами. Никита Сергеевич сказал тогда об изобретателе: «...Я его поздравил. Он заслуживает большого уважения, можно снять шляпу и преклониться перед его талантом».

И вот я еду на Чепель, к человеку, перед талантом которого нельзя не преклониться, — к слесарю Иожефу Палу.

Чепельские пролетарии издавна славились своими революционными традициями. Они всегда были запевалами в суровых битвах рабочего человека за право на труд и свободу. Завоевав это право, они ныне являют собой нерушимый оплот Венгерской социалистической рабочей партии.

Сейчас о Чепеле хочется говорить словами Сергея Мироновича Кирова, сказанными им когда-то применительно к Ленинграду: здесь остались старыми только славные революционные традиции. Обновленный Чепель — это и речной порт, ставший в какой-то мере морским — отсюда со стапелей выходят в открытое море речные и морские суда; это и гордость венгерской индустрии — автозавод, оборудованный самой совершенной техникой; это новые предприятия и выросшие вокруг них улицы, жилые кварталы, школы, кинотеатры, клубы. Но сердце Чепеля — крупнейший в Венгрии промышленный комбинат, где делают первоклассные станки, мотоциклы, швейные машины,

Пал Иожеф в своем саду.

Фото Тибора Фаркаша.

насосы, точные приборы. Это целый город с площадями, улицами, переулками. И найти в этом городе нужный нам цех оказалось делом нелегким. Тогда мы стали называть не цех, а имя изобретателя Иожефа Пала. И нас сразу же привели к нему. Он стоял около поверочной плиты, наблюдая, как ловко шныряет по ней маленький шлифовальный станочек. Все ясно: это и есть его детище.

Я не успел задать все заранее подготовленные мною вопросы, так как экспансивный Иожеф Пал, опередив меня, сам мгновенно перешел в атаку: «Расскажите подробнее о Дворце съездов!», «Видели ли вы новые станки «Красного пролетария»?», «Не знаете ли инженера Гуллера? Мы с ним друзья». Потом он познакомил нас с человеком, которого отрекомендовал так:

— Мой добрый сосед по дому и строгий бригадир на заводе — Ференц Шмидт.

И всех своих друзей представил.

— Мы очень дружно живем. И на работе и после работы. Наша бригада социалистического труда носит имя пролетарского поэта Аттилы Йожефа. Вы слышали о таком?.. Все учимся и часто вместе проводим свободное время. Недавно мы получили премию, взяли автобус и всей бригадой отправились на экскурсию в Эгер. Вы еще не были в Эгере? Обязательно побывайте там... Исторический город... До сих пор сохранились старинные крепостные стены и целый лабиринт подземных казарм, мастерских. Осмотрите там музей, отведаете вина «Эгри бикавер» — тонкий букет!.. — И он лихо щелкнул пальцами.

Иожеф Пал, вероятно, долго бы еще говорил о своей бригаде и достопримечательностях Эгера, если бы мы не попросили его переключиться на рассказ о себе и своем станке. И тут он сразу сник.

— А что рассказывать? Все уже известно... К тому же цех не очень подходящее место для беседы... Если уж вам так хочется послушать мой рассказ о себе, то приходите вечером ко мне домой. Я вас угощу вином собственного производства, это, конечно, не «Эгри бикавер», но все же... И Эстер, жена моя, будет очень рада. Она отлично готовит погачи... Но перед уходом посмотрите на эту штучку.— И Пал лукаво подмигнул нам. — Последняя, самая усовершенствованная модель станка. А вон в том углу стоит его прадед, можно сказать, музейный экспонат, первый образец.

...В столовой на стене, на самом видном месте,— большая фотография: Н. С. Хрущев и Янош Кадар беседуют с Иожефом Палом на Венгерской промышленной выставке в Москве. А вокруг снимка множество всяких дипломов, грамот — свидетельства высоких оценок таланта хозяина дома.

На круглом столе обещанное самодельное вино и погачи — аппетитные солоноватые булочки. За столом почти все в сборе. И Эстер и Иожеф-младший... «Почти» — это потому, что нет еще дочки Евы. Она учится в специальной музыкальной школе для одаренных детей. Первой семейной покупкой на премию имени Кошута, между прочим, был рояль.

Мама с тревогой посматривает на часы — пора бы Еве уже быть дома. Правда, она сегодня поет в детском хоре Венгерского радио, но уже десятый час... А я тоже смотрю на часы — прозевал! Мне говорили, что с пяти до девяти часов вечера можно позвонить по телефону 427-960 и прослушать какую-нибудь детскую сказку, записанную на магнитофон. С этим номером ежедневно соединяются более тысячи абонентов.

...Иожеф-сын — весь внимание: папа говорит о заводе, о технике, о дедушке. И хотя он, Иожеф-младший, уже не раз бывал в цехе у Иожефа-старшего и не раз слышал рассказ отца о жизни чепельских пролетариев, все равно интересно.

...Отец и мать Иожефа Пала — чернорабочие, забитые, темные люди. Большой семьей жили в крохотной комнатушке, тут же, на Чепеле.

— Эту квартиру мы получили три года назад,— говорит Пал.— Раньше, при Хорти, рабочие не могли снимать квартиру на этой улице.

Нужда заставила родителей оторвать пятнадцатилетнего сынишку от книг и послать на завод барона Манфреда Вейса учиться слесарному делу. Учителем его был дядя Фазекаш, талантливый мастеровой, все время что-то колдовавший над компрессорами.

— В наши дни, — говорит Иожеф, — дядя Фазекаш вышел бы в крупные изобретатели, а тогда что же?.. Сунулся к инженеру посоветоваться, а тот смеется: «Ты, дядя Фазекаш, с ума спятил, не своим делом занялся». А дядя, как назло, такую штучку придумал, что даже сам господин управляющий ахнул. Но ни одного филлера не уплатили ему. Очень обидели старика. Ну, а что делать? Стерпел... Только все бурчал: «Ух, и рассчитаюсь я с вами, господа милые, когда-нибудь!» Я в ту пору в политике — ни бум-бум! Но уже догадывался, в чем тут дело. Это дядя Фазекаш от своих друзей научился: «Рассчитаемся, будет и у нас праздник». А друзья его — коммунисты-подпольщики. Я их всех в лицо знал, как там они ни прятались. Дядя Фазекаш всегда им помогал...

Нетрудно было понять, к чему все это вспоминает сейчас Иожеф Пал, известный в Венгрии слесарь-изобретатель, человек, показывавший свой станок на выставках в Москве и Варшаве, Бухаресте и Праге, Белграде и Копенгагене... Правда, и к нему она, эта, можно сказать, мировая слава пришла не по гладкой дороге. Были тут и ухабы. Да еще какие! Они ведь и у нас на сорок пятом году Советской власти нет-нет да и появятся на трудной изобретательской стезе. А у Иожефа Пала все начиналось тогда, когда венгерский народ еще только-только брался за строительство социализма. Ох, до чего же хватко тогда старое цеплялось за новое! Но крепла коммунистическая гвардия Чепеля, да и в министерствах свежим ветром подуло: пришли выдвиженцы из рабочих. В общем, нашлись люди, поддержавшие слесаря в его удивительно простом и в то же время смелом замысле.

Теперь, кажется, наступила пора рассказать и о самом станке. Впервые идея такой конструкции возникла в 1950 году. Иожеф к тому времени закончил курсы мастеров, отлично освоил черчение, технологию металлов, и ему бы в техники выходить, а он пожелал остаться все в той же должности рядового слесаря и заниматься все тем же, давно полюбившимся делом — шабровкой деталей. Както он приметил, что стоит пустить под них струю сжатого воздуха, и они уже легко двигаются, будто на роликах: толкни мизинцем, и сам пойдет. Воздух словно смазывал поверхность плиты. Иожеф Пал повторил опыт с воздушной подушкой несколько раз. Отличные результаты! Воздушная эта подушка, сведя почти к нулю силу трения, и в самом деле чем-то напоминала роликовые коньки.

А что, если не сама деталь будет вот эдак «разгуливать» по плите, а небольшой шлифовальный станок станет плясать вокруг той детали, которую надо шабровать?..

Так и родилась идея подвести сжатый воздух под станок, поставить его не прямо на стол или плиту, а на эту самую пневматическую подушку. Пусть-ка он теперь «попляшет» вокруг детали! Никаких усилий не потребуется для шабровки, даже если деталь будет самой сложной конфигурации. Оказалось, что операция, занимавшая, скажем, 4—5 часов нелегкого труда слесаря-инструментальщика, что называется, шутя выполнялась за 20 — 30 минут.

— Когда я показывал свой станок Никите Сергеевичу Хрущеву, — вспоминает изобретатель, — то он с полуслова понял принцип действия. И сразу точно определил основную его задачу — облегчить труд рабочего. Товарищ Хрущев сказал тогда, что он сам работал слесарем и хорошо знает, какой это тяжелый и изнурительный труд — шабровка. И поэтому он особенно ценит мой станок, который, как выразился Никита Сергеевич, идеально выполняет эту работу. Я хорошо запомнил эти слова, эту высокую и очень лестную для меня оценку бывшего слесаря, ставшего премьером великого государства...

Я был в гостях у Иожефа Пала в день открытия XXII съезда КПСС. Он взволнованно рассказывал мне о заводском митинге по случаю съезда, о выступлениях рабочих на митинге и об их разговорах на улицах, в кафе, и все на ту же тему номер один. И мысль была одна: «Программа вашей партии — это и наша программа. Мы пойдем вперед плечом к плечу, крепко взявшись за руки». В устах Иожефа Пала в тот вечер съездовская тема органически вплеталась в ткань его рассказа о себе, о Чепеле, о своей семье. И это естественно, их не оторвешь друг от друга, как две хорошо отшлифованные плиты, плотно приложенные одна к другой.

Плечом к плечу, крепко взявшись за руки! Руку советского друга Иожеф Пал чувствовал все годы работы над своим станком.

— Я, к сожалению, не помню фамилии, а звали его Александром Васильевичем. Он инженер и приехал к нам в 1950 году принимать станки для СССР. Был у нас в цехе, заинтересовался моим изобретением и немало помог мне советами. А через шесть лет приехал Гуллер. С ним мы очень подружились. Хороший, прямой человек, правду в глаза говорит. Друг так и должен поступать. У нас тут вышла маленькая история...

Позже, в Москве, А. М. Гуллер рассказал мне подробности этой истории.

— Я должен был принимать партию станков с воздушной подушкой. И вот всю эту партию, что называется, начисто забраковал: узел шпинделя, на мой взгляд, имел серьезные конструктивные недостатки. В цеху переполох: сами понимаете, срывается план, а о ежемесячной премии не может быть и речи. Кто-то очень деликатно намекнул мне на то, что, может, и не следовало бы так строго подходить к изобретению друга. А мы тогда действительно очень подружились с Иожефом. И тут оказалось, что именно он, мой друг Иожеф Пал, больше чем бы то ни было, понял меня. Он очень внимательно, спокойно, без всякой обиды, как это и бывает у талантливых людей, отнесся к моим замечаниям. И даже поблагодарил. Тем более, что вслед за ними последовали практические советы. Конечно, случись вся эта история в какой-нибудь капиталистической стране, я действовал бы совсем иначе: забраковал — и до свидания: «Когда все будет исправлено, сообщите»... Но я принимал станки на социалистическом Чепеле, у друзей, от которых у нас нет секретов. И вместе с Иожефом Палом, с инженерами цеха мы взялись за устранение недостатков конструкции шпинделя. А опыт у меня по этой части был, дело знакомое, еще с довоенных времен. Венгерские товарищи охотно приняли мои советы, и я сам поехал на другое предприятие Будапешта, где уже по новой технологии готовились узлы для станка изобретателя с Чепеля.

...Иожеф Пал показывает мне теплые письма А. Гуллера, письма многих других своих советских друзей, письма с почтовыми штемпелями Москвы, Ленинграда, Краснодара... Сегодня утром пришла открытка из Тбилиси: «Благодарю за внимание, шлю горячий привет, восхищен вашей творческой работой. Дмитрий Кикнадзе».

У Иожефа Пала большая деловая переписка с совнархозами, институтами, директорами, инженерами наших заводов. И это понятно: более ста его станков уже пошли в дело на советских предприятиях.

...За нашим круглым столом теперь стало совсем шумно. Пришла Ева, а с нею — музыка, песни, стихи. Бойкая, удивительно непосредственная девчушка — на все руки мастерица. Она действительно мечтает стать певицей, и у нее, кажется, есть для этого основания. Талант дочери, как и талант отца, уже имеет немало поклонников. И я среди них.

«Концертное» отделение вечера близилось к концу. Спето много песен, по заказу папы прочитаны его любимые стихи Аттилы Йожефа, пора, кажется, прощаться. И тогда хозяин дома достал откуда-то две пластинки, которые, как он заметил, хранятся им отдельно от всех других, и торжественно положил их на стол:

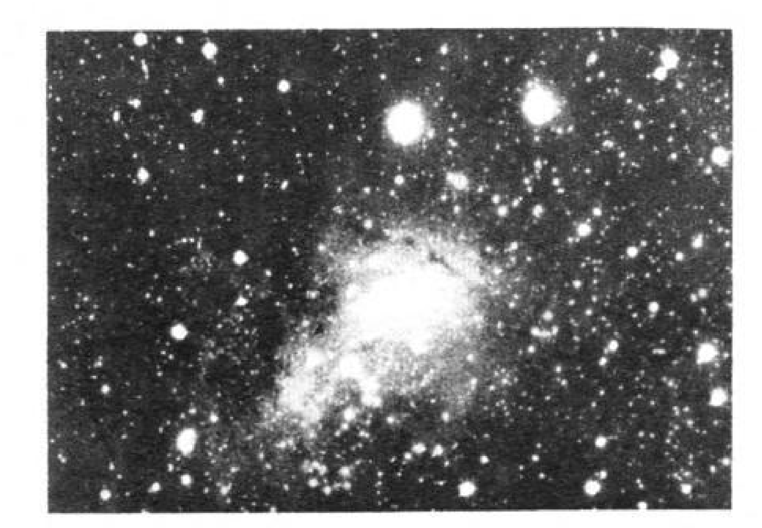
— Это музыка Гимна СССР и наша старая рабочая песня о Чепеле. Я хочу, чтобы вы перед уходом прослушали ее. У нас дома такой обычай...

Я не знаю венгерского языка, но мне показалось, что в бравурном марше отчетливо прозвучали знакомые по литературе слова:

— Вставай, Красный Чепель, веди на борьбу!

А. Г. МАСЕВИЧ,
доктор физико-математических наук

Галактики

«Какие наиболее крупные открытия в области астрономии сделали советские и зарубежные ученые за последнее время?»

«Как проходили международные встречи астрономов в Соединенных Штатах Америки? Какие проблемы решались?»

«Расскажите, пожалуйста, об американских иголках в космосе. Почему ученые всего мира протестуют против их запуска?»

Эти вопросы прислали в редакцию «Огонька» наши читатели М. Павлова из Костромы, Г. Феоктистова из Москвы, Т. Филиппенко из Коломны.

Не будет преувеличением сказать, что сейчас, когда конструкторы и инженеры работают над созданием новых космических кораблей, когда Земля уже знает первых космонавтов, людей самой отважной профессии, вопросы астрономии, вопросы проникновения человека в космос интересуют почти все многомиллионное население земного шара. И не меньше волнует всех людей нашей планеты благожелательное сотрудничество ученых разных стран, независимо от их политических убеждений.

Мы пригласили в редакцию заместителя председателя Астрономического совета Академии наук СССР, доктора физико-математических наук Аллу Генриховну Масевич и попросили ее рассказать о наиболее актуальных задачах современной науки о Вселенной, которые решают сейчас ученые всех стран мира.

приближаются

Семья из 1 200 человек

Кто-то подсчитал, что на нашей планете живет совсем немного астрономов — около 1 200 человек. Члены этой семьи дружны и работают как единый крепкий коллектив.

И это не случайно. Пожалуй, ни одна отрасль естественных наук не нуждается так жизненно в совместных действиях исследователей, как астрономия.

Для составления каталогов звезд и карт неба, для изучения движения Луны, процессов, происходящих на поверхности Солнца, перемещения земных полюсов необходимы согласованные наблюдения из обсерваторий, расположенных на различных широтах и долготах земного шара. И наблюдения эти надо вести при помощи однотипных инструментов, по единой методике.

Исследования в космосе еще больше подчеркнули необходимость международного сотрудничества астрономов. Тщательное изучение движения искусственных спутников и космических кораблей позволяет сделать очень важные выводы о плотности атмосферы на разных высотах, влиянии солнечной активности на строение воздушной оболочки нашей планеты, о форме Земли и ее гравитационном поле. Провести же полный анализ движения спутника можно, лишь наблюдая за ним из разных мест земного шара. Вот почему, начиная со дня запуска первого искусственного небесного тела — первого советского спутника — 4 октября 1957 года, во всем мире непрерывно работает более 30 станций оптических наблюдений, которые регулярно обмениваются полученными данными.

Приведу и другой пример. При вспышках, происходящих на Солнце, значительно усиливается поток коротковолнового излучения, которое может принести вред космонавту на орбите. Чтобы выбрать наиболее «спокойное» время для запуска, необходимо вести тщательные и непрерывные наблюдения поверхности Солнца. А это возможно лишь при участии в «Службе Солнца» обсерваторий как западного, так и восточного полушарий Земли.

Если кратко перечислить то, что за последние годы исследований космического пространства было сделано **именно для астрономии**, то в первую очередь надо сказать о получении фотографий обратной стороны Луны и некоторых новых данных о самой Луне. Затем ученые получили первые результаты исследования ультрафиолетового и рентгеновского излучения Солнца и потоков заряженных частиц в межпланетном пространстве. Советские, английские и американские ученые провели радиолокацию Венеры.

И, наконец, самое большое достижение: советские космонавты Юрий Гагарин и Герман Титов впервые в истории человечества совершили полет на космических кораблях по орбите вокруг Земли.

...Итогом работы дружной семьи астрономов явился Международный астрономический конгресс в Беркли (США), на котором обсуждались по существу основные достижения астрономии за последние три года.

Телескоп в космосе

Однажды знаменитый американский астроном Генри Норис Рассел в шутку сказал, что наиболее талантливые, целеустремленные и трудолюбивые из его коллег после смерти попадут... на Луну. Этим он хотел подчеркнуть, как важно для астрономов наблюдать небесные тела вне атмосферы Земли,— это для них лучше рая.

Астрономический телескоп, выведенный за пределы земной атмосферы, имел бы громадные преимущества по сравнению со своими земными, даже значительно более мощными «братьями». С его помощью можно изучать коротковолновую часть спектра Солнца и звезд, которая полностью поглощается земной атмосферой. Наблюдения за пределами атмосферы не искажены свечением ночного неба, дрожанием изображений, вызванным движениями в атмосфере. Радиотелескоп на спутнике позволит изучать излучение небесных тел в миллиметровом и длинном, метровом диапазонах, которые полностью поглощаются ионосферой. Такие наблюдения помогут исследованию природы планет и межзвездной среды.

Основная характеристика, по которой мы судим о природе звезд,

к людям

находящихся от нас на расстояниях в тысячи световых лет,— это их спектры. Но есть целый ряд молодых звезд, у которых характерные черты находятся не в видимом спектре, а в ультрафиолетовой его части. Изучать эти звезды можно только с помощью ракет и спутников, так как все коротковолновое излучение Солнца и звезд поглощается земной атмосферой. Первые шаги в этой интереснейшей области были сделаны буквально за истекший год.

Попытки поднять телескоп на стратостате предпринимали и французы и американцы. В 1959 году был поднят на стратостате телескоп с зеркалом диаметром в 30 сантиметров для фотографирования Солнца. Снимки делались со сравнительно небольшой высоты в 25 километров, но изображения Солнца, полученные при этом, показали уже целый ряд деталей, которые мы при фотографировании его с Земли не видим. Однако на стратостате довольно сильная вибрация. Кроме того, выше чем на 35 километров на стратостате не подняться. Поэтому ученые серьезно думают об изготовлении телескопа, который можно будет запустить в космос на спутнике Земли.

В создании его немало серьезных трудностей. Пока невозможно добиться достаточной стабилизации инструмента на спутнике.

Неизвестно, как будет работать оптика в космосе, ну, скажем, на орбите Земли. Нужно создать для зеркала защиту, чтобы никакие частицы или ультрафиолетовое излучение не повредили его покрытия.

Несмотря на большие технические трудности, преимущества внеатмосферных наблюдений столь очевидны, что запуск в космос телескопа является одной из первых задач астрономов мира.

Звезды и люди

Перед конгрессом в Беркли состоялся интересный симпозиум, посвященный далеким звездным системам — галактикам.

И тут следует прежде всего сказать об открытиях двух известных астрономов — советского академика Виктора Амазасповича Амбарцумяна и американского профессора Фрица Цвикки.

Изучение других галактик, их структуры, распределения в пространстве, движений и взаимодействий началось сравнительно недавно, после того, как в астрономии стали применяться большие оптические телескопы и радиотелескопы. Однако уже за короткое время удалось узнать много нового об этих космических объектах, до которых свет идет тысячи, миллионы и миллиарды лет. Оказалось, что галактики не распределены в пространстве равномерно, как это считали раньше, а, подобно звездам в нашей Галактике, образуют группы и скопления. Галактики, как и звезды, бывают гигантские и карликовые, молодые и старые. Встречаются так называемые нестационарные галактики, из центральных частей которых происходит истечение газов, выброс сгустков вещества. Исследованию этих неустойчивых процессов в мире галактик, поискам наиболее молодых звездных систем, изучая которые можно было бы судить о том, как возникают галактики, посвящены новые интересные работы В. А. Амбарцумяна и сотрудников Бюраканской обсерватории.

Стоит отметить, что многие из недавно открытых явлений в области внегалактической астрономии еще не нашли определенной теоретической интерпретации, многое еще неясно и спорно. Но эта отрасль науки с каждым годом пополняется новыми интересными наблюдениями и привлекает все больше исследователей.

На съезде ученые с большим интересом слушали лекцию Амбарцумяна (избранного на конгрессе президентом Международного астрономического союза) о внегалактической Вселенной. Советский астроном рассказал о галактиках, их природе, происхождении и развитии, о новых задачах в этой области, которые стоят перед исследователями. После лекции был показан цветной фильм о новом большом телескопе Крымской обсерватории, диаметр зеркала которого составляет 2,6 метра.

Большой вклад во внегалактическую астрономию внес профессор Фриц Цвикки. Он первым начал систематическое фотографирование галактик, изучал их распределение и высказал интересные мысли о наличии сверхскоплений галактик. Им организована в США систематическая служба сверхновых звезд в других галактиках, которая дала важные результаты.

Профессор Цвикки уже несколько лет находится на пенсии, но продолжает неутомимо работать. Этот крепкий, жизнерадостный, спортивного вида человек выглядит значительно моложе своих лет и обладает невероятным запасом энергии. Он присутствовал на всех заседаниях предсъездовского симпозиума, выступил с рядом сообщений, прочитал большую лекцию и находил еще время уделять внимание своим маленьким дочкам, которые с ним вместе приехали в Санта Барбара (место, где шел симпозиум). Несколько лет тому назад профессор Цвикки изучил русский язык, чтобы читать в подлиннике статьи советских астрономов.

— Кроме того,— сказал он мне, озорно сощурив глаза,— хотелось доказать американской молодежи, что русский язык совсем не так труден, как об этом часто приходится слышать. А знание языков сближает наши народы...

Зачем запущен спутник «ЭХО-1»?

Уже давно астрономы Земли мечтают выйти за пределы атмосферы. Плотность атмосферы сейчас измерена с помощью спутников до высоты в 1 500 километров. Эту последнюю точку помог определить американский баллон-спутник «Эхо-1». Его можно видеть над Москвой, как яркую звездочку, и сейчас, когда он медленно движется высоко над горизонтом. Спутник-баллон будет летать до июля этого года.

Какие же цели преследовали ученые, запустившие «Эхо-1»?

Целью его запуска было установление радиосвязи на дальние расстояния. Сигнал, подаваемый с радиостанции в каком-либо месте земного шара и отраженный поверхностью баллона, может быть принят другой радиостанцией, находящейся даже в другом полушарии. Так, при помощи «Эхо-1», например, была осуществлена радиосвязь между США и Англией. Наблюдения за движением «Эхо-1» показали, что основной внешней силой, определяющей изменение его орбиты, является световое давление Солнца. Это заставило ученых несколько пересмотреть план запуска спутника для определения точного астрономического времени.

На Земле мы умеем измерять время очень хорошо с помощью атомных и молекулярных часов. Но даже эти точнейшие часы показывают не абсолютное время. Еще сравнительно недавно астрономическое время определяли по вращению Земли. Но когда появились атомные часы и их показания стали сравнивать с вращением Земли, то оказалось, что наша планета движется неравномерно. Пришлось искать другие «часы».

Из всех небесных тел наиболее хорошо астрономия изучила движение Луны. Существует так называемая «Служба Луны». Специальные телескопы тщательно изучают движение Луны, и с помощью сложных математических вычислений ученые определяют астрономическое время.

После того, как в Советском Союзе запустили первый искусственный спутник, астрономы предложили использовать искусственные небесные тела для уточнения астрономического времени. Для этого необходимо запустить астрономический спутник, то есть тело с массой, которую можно на Земле хорошо измерить. Спутник надо запустить на такую высоту, чтобы земная атмосфера на него не влияла, но он должен быть достаточно большим, чтобы его можно было регулярно наблюдать с Земли.

После новых данных о движении спутника-баллона «Эхо-1» стало ясно, что масса задуманного астрономического спутника должна быть достаточно большой, чтобы практически световое давление Солнца не искажало его движения.

Летающие иголки

Если ученые мира благодарны американцам за запуск баллона «Эхо-1», то этого нельзя сказать о другом их космическом эксперименте — так называемых летающих иголках.

История этого проекта такова. Еще осенью 1959 года в Массачусетском технологическом институте в США был разработан проект создания из маленьких металлических иголок искусственного пояса вокруг Земли. Предполагали, что с помощью этого пояса можно установить радио- и телесвязь по всему миру. Было проделано очень много расчетов и лабораторных исследований, чтобы определить, какие должны быть иголки, из какого материала, сколько их надо для создания пояса. Расчеты показали, что наиболее эффективными для связи будут иголки из меди длиной около двух сантиметров, диаметром в три тысячных доли сантиметра и весом в одну десятитысячную грамма каждая.

Первоначальный проект предполагал, что нужно запустить на высоту 5 тысяч километров 3—5 тонн таких иголок. Этот проект сразу же вызвал бурный протест ученых мира. Почему? Первые же подсчеты показали, что такая масса иголок будет препятствовать радиоастрономическим наблюдениям, создавая сильные помехи. Расчеты английских и голландских специалистов доказали, что после образования пояса исследования радиоизлучений небесных тел придется практически прекратить. Для оптических наблюдений иголки тоже принесут значительные помехи, так как создадут дополнительный рассеянный свет, который «забьет» все слабые объекты, например, свечение далеких галактик. Иголки будут сильно мешать и при постановке научных экспериментов за пределами атмосферы на спутниках и ракетах.

Под давлением общественного мнения правительство США пошло якобы на уступки, и госдепартамент официально заявил, что проект не осуществят, пока не будут тщательно исследованы все его возможные последствия.

Летом 1960 года американцы объявили, что сначала они проведут предварительный запуск 35 килограммов иголок. Все обсерватории будут наблюдать за поясом и после этого решат, производить или нет основной запуск.

С тех пор ученые всех стран стали внимательно исследовать, какие последствия может иметь осуществление этого проекта. Было выяснено, что вреда оптическим или радиоастрономическим наблюдениям эти 35 килограммов иголок практически не принесут. Помехи будут настолько ничтожны, что самыми чувствительными телескопами их не удастся обнаружить. Однако все-таки некоторые искажения для экспериментов, осуществляемых со спутников, эти 35 килограммов иголок уже будут вносить.

Когда все было изучено, американские астрономы выступили против этого проекта. Они отметили, что он ничего не даст для дальней связи, но может создать превратное представление о том, что и основной пояс безвреден для научных исследований.

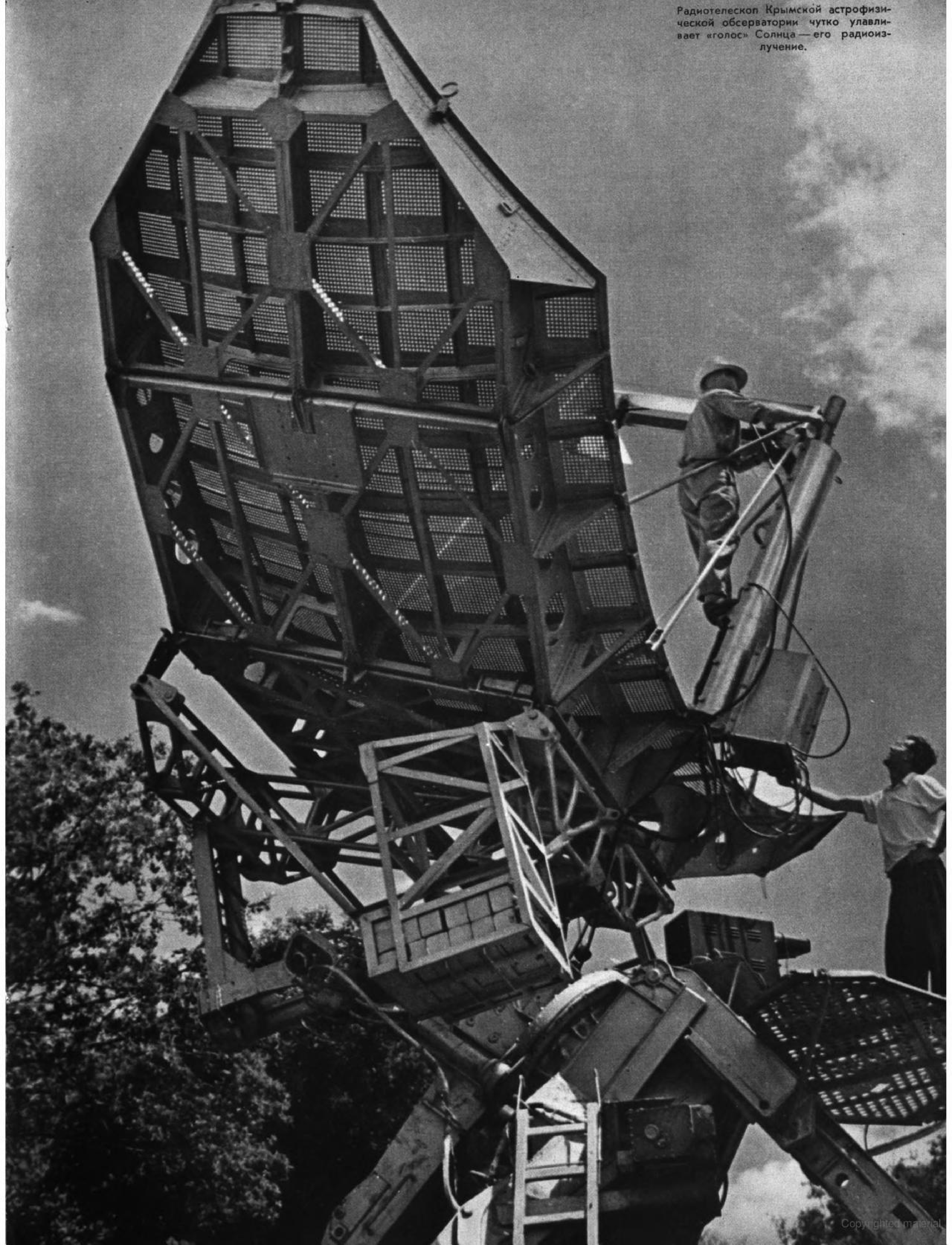
Академия наук СССР заявила Национальной Академии США свой протест против загрязнения космического пространства. С протестами выступили английские, французские, голландские и бельгийские ученые.

Международный астрономический конгресс обратился с просьбой к правительствам всех стран не предпринимать никаких рискованных опытов без консультаций с учеными.

Международный конгресс в резолюции осудил этот проект: он ничего не даст науке, но приведет к неправильным выводам, которые можно использовать как оправдание для осуществления первоначально планируемого запуска.

Но американское правительство пренебрегло мнением ученых мира. 21 октября прошлого года в 16 часов 35 минут по московскому времени была предпринята попытка запустить 35 килограммов иголок с искусственного спутника «Мидас».

Правда, механизм не сработал, и иголки не были запущены. Но, вероятно, в ближайшее время попытка будет повторена. Остается лишь пожалеть, что американское правительство не внемлет трезвому голосу ученых мира...

Радиотелескоп Крымской астрофизической обсерватории чутко улавливает «голос» Солнца — его радиоизлучение.

Новый зеркаль
академика Г. Ш
нейших в мире
ние советского

Так выглядят извер

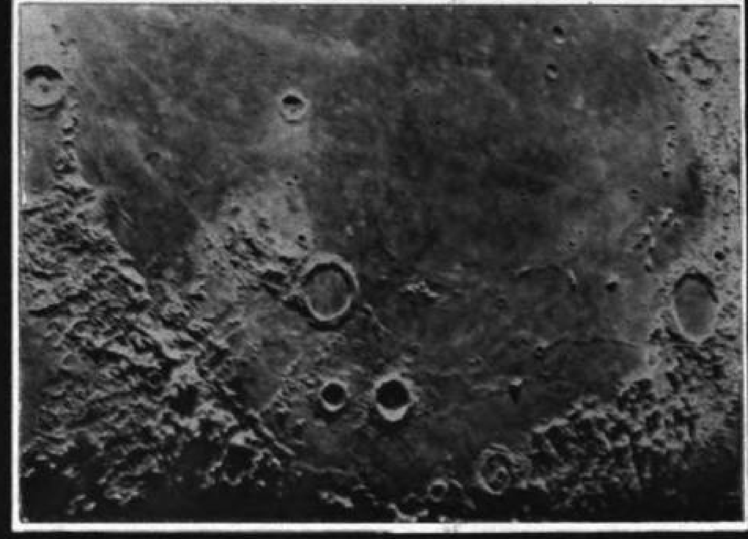
Пятна на Солнце выделяются
пящем море

ый телескоп имени
йна — один из круп-
— большое достиже-
приборостроения.

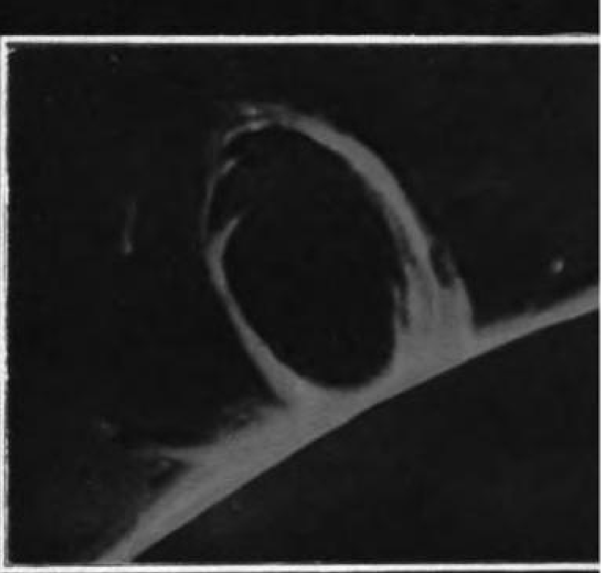
Здесь, в горах Крыма, где воздух особенно прозрачен, астрономы ведут свои наблюдения.

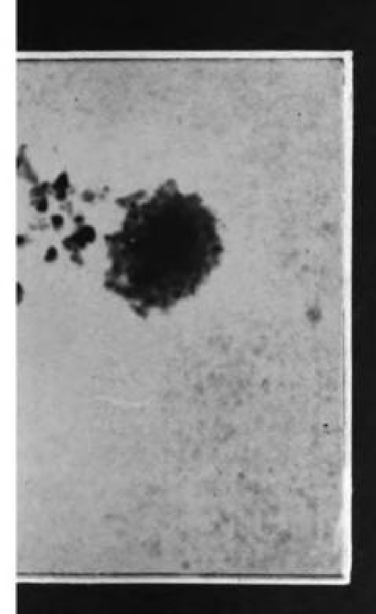
ения на Солнце.

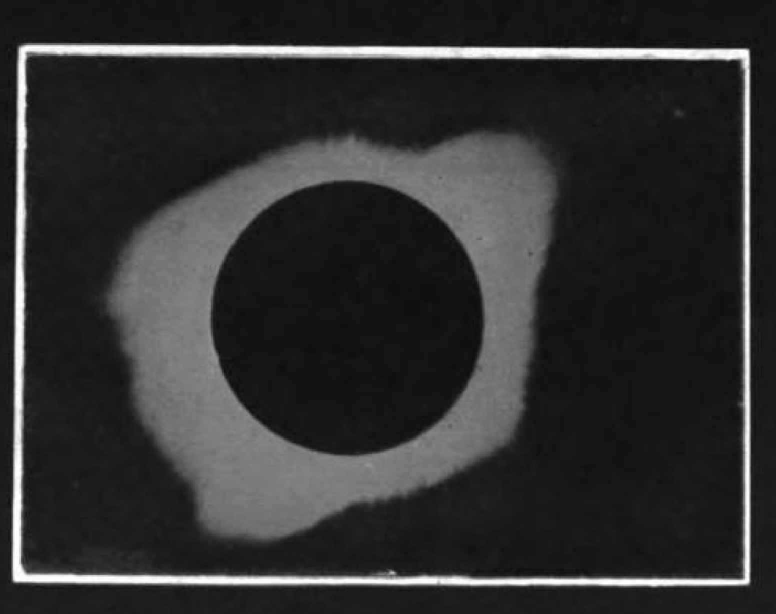
Сюда, в район лунных Альп, прилетел восьмигранный Советский вымпел.

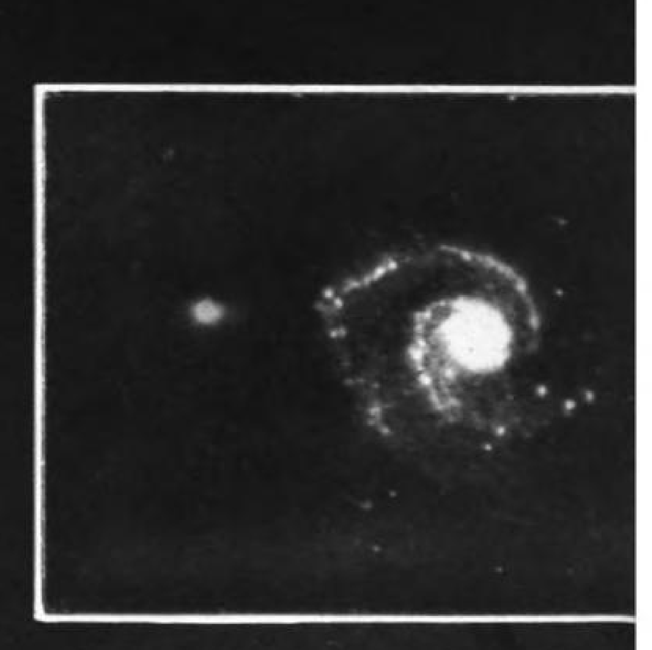
Солнечные протуберанцы.

темными островами в ки-
аленных газов.

Удивительно красива корона нашего Солнца.

Далекая звездная система — М-51.

Идет астрофотосъемка далекого светила. Мерно движется астрограф, держа на прицеле звезду...

Фото С. ФРИДЛЯНДА.

Ашот ГАРНАКЕРЬЯН

От земли до звезд

России

Как в зеркале, вы можете во мне
Черты страны увидеть обновленной.
Я — армянин, но с русским наравне
Живу в Россию горячо влюбленный.
Никто не скажет мне, что я чужой,
Не сможет надо мною надругаться.
Готовый заключить в объятья
Шар земной,
Иду я по земле и утверждаю братство.
Мой дед стада на горных склонах пас,
А я поэзии вершины атакую.
Ты, партия, дала мне зоркость глаз,
И вот я вижу ясно даль любую.
Свободен я, как в паводок волна,
Апрельской увлеченная игрою.
Свобода не в подарок мне дана,
Ее добыл я собственной рукою.
В богатстве нив, земных глубин и рек,
Во всем моя наследственная доля.
Я ледники люблю,
Хребтов кавказских снег,
Луга донские, под Рязанью поле,
Зурны печальный голос,— видно, есть
Во мне востока древнего частица.
Осенняя задумчивая песнь
Чайковского в моей крови струится.
Увижу тоненькой березки стан,
Намокший под дождем,— и станет грустно.
Во мне живут Серов и Левитан:
До боли чувствую
Язык природы русской.
Я видел Рим, Брюссель, Стокгольм,
Париж,
На Капри был, плыл в средиземной сини.
Ничем меня теперь не удивишь,
Но вечно удивительна Россия.

Другу-однополчанину

Знаю, было это так:
За рекою бой гремел.
В жуткой ярости атак
Ты не гнулся, не робел.
Кровью красились луга,
Пепел падал на цветы...
Кто взрывал в тылу врага
И составы и мосты?
Кто не дрогнул под огнем?
Почему ж теперь, солдат,
На собрании простом
Ты немного трусоват?
Кто-то ядом клеветы
Травит друга твоего —
Но молчишь упорно ты
И не скажешь ничего.
Видишь рядом подлеца —
Притворяешься слепым.
А ведь надо до конца,
До победы драться с ним.
Что с тобою, старина?
Вспомни Керчь и Ленинград.
Боевые ордена
На груди твоей горят.
Ты под пулями не гнул
Шею крепкую свою,
Видел жало темных дул
В самом гибельном бою.
Смерть в открытую встречал,
Чтоб потом правдиво жить.
Почему же замолчал
Там, где надо говорить,
Там, где надо дать отпор,
Почему же не даешь?
Там, где надо бить в упор,
Как из пушки, ты не бьешь.
По делягам, по рвачам,
По мещанству и по лжи,
Как на фронте по врагам,
Почему не бьешь, скажи?
Не пойму я, что с тобой,
Были Керчь и Ленинград,
Но еще не кончен бой,
Трижды раненный солдат.
Бой за счастье, бой за жизнь,
За прекрасную мечту,
Чтоб сердцами рваться ввысь,
В чистоту и высоту.

Люди — это боги

Все, что казалось
Фантастическим,
Волшебным,
Как перо жар-птицы,
Становится коммунистическим,
Чтоб в плоть живую
Воплотиться.
И сказки кажутся
Наивными,
Те, что с коврами-самолетами...
Ревут моторы реактивные,
Большими овладев
Высотами.
Давно ли
Тусклая лучина
С убогими дружила
Хатами?
Двадцатый век
Отдал ключи нам
От электричества
И атома.
Где книги детства
О кудесниках,
Когда-то мною
Так любимые?
У нас вершат дела
Чудесные
Не маги —
Физика и химия.
Когда, сквозь звездные
Дороги
Пройдя, придем
В миры другие,
Мы скажем:
Люди — это боги,
Но боги все-таки
Земные.

О времени

Если кто-то скажет, что мы
Шли по жизни, как легкий парусник,
Знали солнце, не знали тьмы,
Знали нежность, не знали ярости,
Знали радость, а горе нет,—
Отойди от него подальше.
Жизнь он красит в небесный цвет,
Покрывая лазурью фальши.
Как на палубе корабля,
В шторм обстрелянного прибоем,
Нас мотала, трясла земля,
Не давала дружить с покоем.
Налегало на плечи нам
Время тяжестью небывалой.
Что под силу богатырям,
Нашей нормой обычной стало.
Лицемерным словам не верь,
Обходи их, мой друг, с опаской.
Открывали мы в Космос дверь
Не волшебным ключом, как в сказке.
Нет! Пока мы свою мечту
Превратили в людское счастье,
Штурмовавшие высоту
Разбивались о землю часто.
Тем, кто сгладил углы, не верь.
Нас не баловала дорога.
Было много тяжких потерь,
Оттого и удач так много.

ОН ЛЮБИЛ ЧЕЛОВЕКА

«В идеале, в своих лучших намерениях, газета является одним из важнейших орудий культуры, органом духовного единения людей, как бы всевидящим оком общества, всезнающим его членом». Эти замечательные слова принадлежат А. М. Горькому и впервые опубликованы в книге А. И. Овчаренко «Публицистика М. Горького», недавно изданной «Советским писателем».

В большой литературе об А. М. Горьком это первая книга, в которой дается обстоятельная характеристика всей публицистической деятельности великого пролетарского художника, продолжавшейся свыше сорока лет. Около полутора тысяч статей, памфлетов, очерков, фельетонов, открытых писем, обращений, прокламаций, корреспонденций, набросков, речей, интервью — в этом гигантском массиве отразилась почти вся история жизни нашего народа на грани двух эпох.

По мере того как мы вместе с исследователем продвигаемся в глубь этого массива, перед нами возникает величественный образ России, которая ведет ожесточенную борьбу против эксплуататоров, одерживает в этой борьбе историческую победу и превращается волею, умом, энергией рабочих и крестьян в первое в мире социалистическое государство.

В книге А. Овчаренко показано, как за самыми величайшими событиями современности, историю которой пишет М. Горький, художник и публицист, он всегда видит человека — революционера, преобразователя, творца. Вот почему тема нового человека проходит сквозь все исследование, является основной темой книги.

В книге интересно сопоставлена публицистика Горького с публицистикой его предшественников и современников. Автор пишет: важнейшая особенность горьковской публицистики заключается в том, «что в ней новый человек дается более многогранно, с большей философской и социально-психологической углубленностью, с более отчетливым обнаружением связей и взаимодействия процессов изменения «географии земли» и преображения человека, наконец, с раскрытием реальных перспектив этого преображения».

Со страниц книги А. Овчаренко встает и другая величественная фигура — фигура самого Горького — писателя нового типа, связанного всей своей жизнью и творчеством с жизнью народа, борющегося за раскрепощение человека, за создание условий, при которых каждый станет Человеком с большой буквы. Автор не закрывает глаза на многие, подчас очень тяжелые ошибки и заблуждения великого писателя. Говорится об этом мужественно, с соблюдением необходимого такта. Автор прослеживает, как сам Горький преодолевал свои заблуждения под влиянием революционной действительности, давая тем самым еще одно доказательство великой правоты дела Ленина, мудрости ленинской партии.

Книга вводит в литературный обиход большой новый материал чрезвычайной ценности. В частности, читатели найдут здесь много нового о взаимоотношениях Ленина и Горького. Вот страницы, рассказывающие о том, как в конце 1914 — начале 1915 года Горький задумал выпустить серию книг для рабочих о европейских государствах накануне и в период первой мировой войны. Он составил типовой план таких брошюр, а также план брошюры о финансовом капитале и послал все это в Париж М. Н. Покровскому с просьбой найти авторов для их осуществления. Покровский сообщил о предложении Горького группе большевиков во главе с Лениным. И в точно назначенное время возглавляемое Горьким издательство получило рукопись знаменитой книги «Империализм, как высшая стадия капитализма». Ознакомившись с рукописью, Горький написал 29 сентября 1916 года Покровскому о Ленине: «Какой прекрасный работник... какая это умница, как нужен этот чудесный человек здесь, дома!»

Много нового и в разделах, посвященных анализу жанровых особенностей, публицистического мастерства Горького.

События нашей эпохи заставляют советских писателей каждый день браться за перо публициста. И книга Овчаренко рассказывает о том, каким вдохновляющим примером и в этом отношении служит нашим писателям деятельность Горького. Потому что, говоря словами Михаила Шолохова, «Горький горячо любил человека — борца за светлое будущее человечества и со всей силой своего пламенного сердца ненавидел эксплуататоров, лавочников и дремавших в тихом болоте провинциальной России мещан...»

Исследование А. Овчаренко «Публицистика М. Горького» всем своим содержанием обращено к современности. Книга нужна не только литераторам-профессионалам, но и всем читателям, интересующимся историей советской литературы.

Юрий ПУХОВ

СКОЛЬКО ЛЕТ, СКО

9

Неожиданно быстро меня разлучили с товарищами по палате. Ночью случилась попутная машина: санитарный автобус привез раненых, а обратным рейсом дежурный по госпиталю решил эвакуировать несколько человек, в том числе и меня, куда-то за Краков, в команду выздоравливающих. Я разбудил Степу Остроушко и Беспрозванных, попрощался с дружками. Цветаеву кашель и так не давал заснуть. Шаблыгина будить не стал, разлука будет без печали...

— Ну, я пошел...— сказал я уже в дверях, и мое «пошел» прозвучало, как последняя команда, которую подали парашютисту.

Мне тоже предстоял прыжок в неизвестное, и я вовсе не был уверен, что приземление пройдет удачно.

Беспрозванных и Цветаев смотрели на меня сочувственно и в то же время с тревогой: ведь все, что ждет меня, ожидает их.

А Степа Остроушко порывисто вскочил с койки и воскликнул:

— Я вот завидую тебе! Все равно завидую! Надоело ждать да гадать: что день грядущий мне готовит?..

Контузия напрочь отшибла память, это крайне осложнило мое положение. Не мог ответить следователю особого отдела на простейшие вопросы. Номер дивизии, номер полка, место последней дислокации, фамилии командира и комиссара, номер полевой почты — ну все, все разбежалось из памяти! Разве можно после этого обвинить следователя в излишней подозрительности?

Я смог назвать лишь начальника штаба батальона капитана Лоскутова. А запомнилась фамилия потому, что у нас на первом курсе института учился студент Лоскутов. И еще сохранилось в памяти прозвище ротного повара — «Метрополь Иванович». Повар был кавказец, все похлебки и супы называл «харчо», а мои пулеметчики по простоте душевной считали, что так он с акцентом произносит слово «харчи». Ну, а что касается дислокации воинской части, то я с трудом вспомнил: название кабардинского аула, за который мы тогда вели бой, оканчивалось не то на «кай», не то на «кой».

Я и сам понимал, что фамилия штабного капитана, прозвище повара и оторванный хвост от названия аула в Кабарде — не слишком точные приметы, по которым можно найти воинскую часть, запросить боевую характеристику, найти соратников, свидетелей. Кто же теперь, два с половиной года спустя, подтвердит, что служил в полку такой командир пулеметного взвода?

Мне повезло: следователь очень внимательно меня выслушал. Иные — не только следователи — начинают допрашивать, когда еще не прошло время просто спрашивать. Иной и слушает, да не слышит, потому что он уже составил стойкое и, как ему кажется, безошибочное мнение о вас, о вашем деле. Ну, а неумному человеку, тому и вовсе чудится, что его хотят одурачить. Недостаток проницательности он подменяет избытком подозрительности.

Мой следователь обладал драгоценным качеством: он умел слушать. Не в том дело, что он слушал терпеливо, что у него достало выдержки выслушать мою исповедь, не перебивая,— он не торопил меня ни словом, ни жестом, ни усталым, ленивым, равнодушным взглядом. Он слушал с интересом, пусть строгим, но живым интересом, и в эти минуты складывалось его суждение обо мне: чем дышу?

Интересно, этот самый следователь или кто-нибудь другой будет беседовать со Степой Остроушко, Беспрозванных, а также с Цветаевым, если только он, бедолага, не застрял надолго в госпитале? Не знаю, упомянут обо мне товарищи или нет, но я, не дожидаясь вопросов, рассказал все, что знал о них. Я твердо надеялся, что мои свидетельские показания будут приняты во внимание.

О Шаблыгине я не распространялся: не испытывал душевной потребности его оправдывать и не чувствовал за собой права его обвинять. Может, он и не собирался тогда в шахте сдаваться в плен вторично, может, это были лишь вздорные, истерические угрозы.

Не знаю точно, какую роль сыграл в моей судьбе следователь, но через несколько дней я принял присягу, надел погоны, получил автомат, два запасных диска к нему, а днем позже шагал в маршевой роте.

Но вот какая приключилась беда: я уехал, ничего не узнав о Тересе...

На привалах и на марше вспоминал и никак не мог вспомнить длинное-предлинное онемеченное название городка, где находился наш

Продолжение. См. «Огонек» №№ 2,3.

ЛЬКО ЗИМ

Повесть

Евгений ВОРОБЬЕВ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

последний концлагерь и где мы работали, а затем прятались в шахте.

Мало радости, что название городка упоминалось в моем личном деле, что его склонял следователь-особист. Я-то, простофиля, не запомнил того названия и не записал! Не удалось найти эту немецкую абракадабру на карте, которую я выпросил на целый вечер у комбата; на наших военных картах значились старые польские названия.

Машинист насоса Стась обмолвился однажды, что их поселок прежде назывался не то «Божье счастье», не то «Дай бог счастья». Но разве так мог называться поселок? Наверно, Стась говорил это горькой шутки ради.

Меня могла выручить только немецкая карта оккупированной Польши. А где ее найдешь? И все-таки уже где-то за Одером я нашел немецкую карту Силезии. Одно за другим обводил я карандашом названия, даже проверял их на слух — все не то. Либо контузия начисто отшибла память, либо карта недостаточно подробная — не нашлось на ней места моему городку...

Я упустил еще одну возможность: не догадался разузнать у поляков, как прежде называлась шахта. Не могла же эта проклятая шахта быть безымянной от рождения!..

Все-таки повезло, мне чертовски повезло: вырвался из плена и успел взять в руки оружие!

Тот самый мартовский снег, который я увидел в окно госпиталя, мне довелось месить солдатскими сапогами на дорогах Польши, ведущих на запад. Я еще успел поваляться на том почерневшем снегу, пропахшем минным порохом, сметенным в воронки и окопы. Это было на подступах к Бреслау.

Ну, а весну мы догнали уже за Одером, на Берлинском направлении. Меня ранило, когда с КП нашего батальона видна была упряжка коней на Бранденбургских воротах и черный дым над рейхстагом.

Зарубцевались мои берлинские метки, а с течением времени утихомирилась контузия. Конечно, память не вернула всего того, что когда-то растеряла, но она вновь стала мне исправно служить, когда я после пятилетних каникул сделался студентом. А я совсем было отчаялся и едва не отказался от давнего желания — стать горным инженером.

10

И вот нынешним летом вызвали меня в трест и сообщили, что командируют в Польшу, на шахты. Там работают угольные комбайны нашей конструкции. Предстояло выяснить, как они ведут себя на угольных пластах Верхней Силезии.

Меня даже в озноб бросило от радости. Увы, я не надеялся встретить Тересу, не знал даже, в каком городке она живет. Но побывать в Верхней Силезии, подышать одним воздухом с Тересой, послушать ее родную речь, снова приложить руки к знакомому угольку, который теперь добывают не для войны, а для мира!..

Жена собирала меня в дорогу молча и, если так можно выразиться, со сварливой душой. Словно наш угольный трест специально командирует меня за границу на свидание с польской зазнобой!

Когда-то я чистосердечно рассказал жене о своей встрече с Тересой. А Клавдия, жена моя, заподозрила, что я многого не договорил, не поверила задушевной откровенности. Как знать, может, тогда и возникла первая трещинка в моих отношениях с Клавдией? Позже при малейшей семейной размолвке то и дело слышалось: «Твоя польская краля», «Куда мне до твоей пани» и т. д.

Не без волнения перевел я в Бресте часы с нашего сибирского на среднеевропейское время. Истратил в вокзальном буфете и в табачном киоске все деньги до последнего двугривенного.

Иным пассажирам все это не внове, со мной ехали тертые калачи, а я впервые в жизни подписывал на границе таможенную декларацию.

Промелькнули пограничные столбы. Отгромыхал мост через Буг. Польский пограничник в фуражке с зеленым околышем, приложив на свой манер два пальца к большому козырьку, вернул паспорт. Пришлепнули мне второй, польский штамп о переезде через границу. И чиновник польской таможни, в пиджаке цвета бильярдного сукна, скользнул беглым взглядом по моему худосочному багажу, не выказав к нему особого внимания.

На больших перегонах курьерский поезд Москва — Варшава — Берлин мчался без передышки, не замедляя хода. А когда-то от станции до станции наша армия шла с боями долгие месяцы. И стоил каждый такой перегон тысячи человеческих жизней.

Мечтал ли я, надеялся ли, когда меня гнали в колонне военнопленных, что доведется проехать по этим местам в поезде? Да не в арестантской теплушке, где стояли так тесно, что умершим некуда было упасть, а в мирном, курьерском, не знающем затемнения поезде, вот ведь чудо какое чудесное!

За окном мелькали непривычные для глаза лоскутные наделы земли. И ощущение какого-то непокоя сопутствовало мне. Предстоят две пересадки, прежде чем я доберусь до цели своего путешествия. А вдруг не встретят?

Однако товарищи с шахты «22 июля» встретили меня. Я так растерялся тогда на перроне, что не сразу откликнулся на их приветствие «честь праци!» — «честь труду!», не сразу понял: это меня величают «пан штейгер», это мне протягивают букет цветов!

И едва я оказался на шахте — обрел утраченную уверенность. Не потому ли, что в воздухе снова неистребимо запахло угольком?

Ветер насквозь продувает ажурную верхушку копра. Без устали ходят канаты, вращая шкивы. У меня и сейчас перед глазами эти колеса со спицами. Ведь правда, они слегка походят на велосипед, едущий по небу? И чем быстрее мелькают спицы, чем быстрее вертятся шкивы-колеса и ходят канаты, тем больше угля выдает шахта.

Шахты, которые выполнили суточный план добычи, так же, как у нас в Кузбассе, зажигают вечером красные звезды. И совсем так же, как принято у нас на «Ветке-Восточной», шахтеры не болтают в клети, спускаются молча...

В предвечернем небе уже отчетливо горела звезда над копром, когда я на другой день поднялся из шахты, второпях и впопыхах пообедал и отправился наконец на поиски.

Сказать правду? Может быть, еще никогда в жизни я не был более одинок, чем в тот ранний вечер.

Но как найти Тересу, не зная ее фамилии, не зная адреса?

Я помнил только, что дом с каменным крыльцом стоит на круто изогнутой улице, идущей в гору от железнодорожного переезда, где-то вблизи костела с двумя колоколенками-близнецами.

Я вышел из отеля и остановился в раздумье. Держать курс прямо на костел? Пожалуй, так поиски будут сильно затруднены. Неясно, в каком направлении от костела следует искать дом.

Тогда я отправился на шахту «22 июля» и уже оттуда двинулся по той самой улице, по которой нас после работы гнали в лагерь.

Знакомая улица, а в то же время совсем незнакомая. И звездное небо более тусклое, чем прежде. Потому ли, что теперь больше труб дымит в округе? Или потому, что прежде городок был затемнен? Вот и памятный поворот улицы, а за ним — перекресток. Здесь мы подхватили под руки ослабевшего Цветаева, когда он зашелся от кашля. Дело было в поздние сумерки, и конвойные не увидели лужицу крови на снегу. Мы отвели Цветаева подальше от обочины, в гущу колонны...

Я все время не упускал из виду костел, он должен был оставаться по левую руку. Поскольку днем я никогда не шагал этой дорогой, ранний вечер не затруднил поисков. Но я несколько раз ловил себя на том, что меня тянет сойти с тротуара. С мостовой мне легче было узнавать улицу; пленные по тротуарам не разгуливали.

Стоило поделиться своими затруднениями с кем-нибудь из шахтеров, нашелся бы провожатый. Но никого не хотелось посвящать в свою маленькую тайну, а еще меньше — встретиться с Тересой при свидетеле.

Сколько перемен в поселке! Новые дома, новый кинотеатр «Аполло». Трезвонил и дребезжал трамвай, он ухарски выписывал кривые на холмистых улицах поселка. Трамвай подвывал, взбираясь в гору, и натужно скрипел, когда рельсы шли под уклон.

Обошлось без расспросов; память была моим поводырем, она привела к знакомому дому.

Признаюсь, пришлось постоять на крыльце и унять сердцебиение перед тем, как я нажал кнопку звонка.

11

Дверь открыла старуха в ярком фартуке, с сигаретой в руке.

— Скажите, пожалуйста, здесь живет Тереса?

— Пани Тереса Сикорска? — поправила меня старуха.— Так. Однако почему же пан не входит? Проше бардзо!

Со мной имеет честь говорить дальняя родственница Тересы со стороны отца.

— Очень далекая тетя,— отрекомендовалась старуха.— Как говорится по-российски, седьмой кисель на одной воде сварили...

Она провела меня в знакомую комнату. Старуха не выставляла своей приветливости напоказ, в ней все было естественно, без притворности — и тон и каждый жест...

— А можно повидать пани Тересу Сикорску?

— То неможливе,— старуха с сожалением развела руками.— Шкода, але... Нема Тересы...

До чего же я огорчился этим известием! Будто Тереса мне назначила на тот вечер свидание, а сама о нем позабыла. В ту минуту я понял, как тосковал по Тересе все годы, как мне ее недоставало в жизни!

До меня не сразу дошло, что пани Тереса попросту уехала. Она уехала несколько дней назад. Старуха еще докуривает ее сигареты. Далеко? Очень далеко. И надолго? Этого старуха сказать не может. Через час-полтора вернется с работы дочь пани Тересы. Может, пан подождет? Знаком ли пан россиянин с Сабиной?

— Да, то есть нет. Хотя, пожалуй, все-таки знаком...

Я показал рукой чуть пониже стола, и старуха понимающе закивала — такая дробненькая была Сабина. О-е-ей!!! Теперь Сабина — одна из наилепших девушек города. Да что там города! Всей Силезии!! Сабина — некоронованная «мисс Силезия». Первая красавица во всем воеводстве. Такая урода! Почему пан машет рукой? Разве россияне говорят иначе? Уродиться красивой — об этом мечтает каждая девушка. Старуха тяжело вздохнула: она тоже мечтала проснуться однажды уродой. Но чудеса теперь не в моде, и с ней такого чуда, как, наверно, успел заметить пан, тоже не произошло. Старуха сказала это без тени кокетства, с давнишней, уже отболевшей грустью...

Я все не решался спросить об отце Сабины, а тут подошел к простенку между окнами и увидел знакомый портрет молодого жолнежа, да только в траурной рамке.

Я несмело пошарил глазами по стене: где же фотография Тересы? Честно говоря, я очень боялся, что увижу Тересу совсем непохожую на себя, на прежнюю. Годы никого не щадят. Может, она растеряла все знакомые мне черты?

Однако и заочная встреча с Тересой не состоялась. На стене висела лишь фотография звездного неба, больше похожая на рентгеновский снимок, чем на фотографию.

Так хотелось побольше разузнать о Тересе, но язык никак не поворачивался начать расспросы. Неужели трудно понять, что мне совершенно неинтересно слушать сейчас какие-то подробности о старухе или об этой Сабине— ни о ком, кроме Тересы?..

Я отважился спросить, где Тереса работает. О-е-ей!!! Разве пан не ведает? Она директор родильного дома. Лучший родильный дом в воеводстве. Над этим домом тоже горит красная звезда, как над шахтой, которая выполняет план. Впрочем, что касается деторождения, то шахтеры Силезии, насколько старуха помнит, всегда выполняли план...

Комната оказалась меньше, чем жила в моей памяти все годы, как если бы это было воспоминание детства. Может, оттого, что мебели прибавилось? На месте детской кроватки стояла просторная тахта с низкой спинкой.

Я с опаской посмотрел под ноги, будто на полу могла остаться с той поры черная мыльная лужа. Пол был устлан светло-зеленым, под цвет тахты, ковром современного рисунка.

Та же самая божница в углу. А рядом с фотографией звездного неба — знакомые ходики. Тикают! Взглянул на стрелки и тут же забеспокоился. Долго же я, оказывается, плутал по городку! Начало двенадцатого. По московскому времени и вовсе второй час ночи. С полчаса уже сижу. А если придется прождать Сабину еще час? Нельзя же уйти сразу после того, как мы с ней заново познакомимся! Может, Сабина вернется глубокой ночью?

Я поднялся, старуха не стала меня уговаривать. Пан прав, ему нет смысла ждать Сабину. Старуха не боялась показаться негостеприимной.

— Але пан россиянин зайдет завтра утром?

— Нет, завтра утром я занят, завтра я весь день в шахте.

Гм, может быть, Сабина эту неделю работает по вечерам, а после воскресенья перейдет в утреннюю смену? Тогда я зайду в понедельник или во вторник после двух. Старуха замахала рукой так, словно разгоняла дым от сигареты. Сабина бывает только по утрам. А в половине первого уезжает на работу. Она служит в планетарии. Утром на звезды никто не смотрит, утром звезды плохо видны, утром о звездах все забывают. Шановный пан, наверно, слышал про местный планетарий? Это в новом парке, в Хожуве. Довольно далеко от их местечка, около часа езды на трамвае. Может, пану россиянину завтра вечером сюда не приезжать, а прямо поехать к Сабине на работу?

И снова чувствовалось, что говорит она так, не боясь показаться неприветливой, озабоченная лишь тем, чтобы мне было удобнее.

— А как найти Сабину? Ее фамилия тоже Сикорска?

— Какая же еще?

— Может, она замужем?

— О-е-ей! То правда, много кавалеров молится, чтобы Сабина приняла их фамилии. Но пока она — Сикорска...

Найти Сабину очень легко. Или на площадке, где стоят телескопы, или в круглом зале, где все сидят в темноте, подняв лица, а потолок, то есть небо, все время меняется... Старуха тоже была однажды в этом темном зале и, когда вышла, не могла повернуть голову. Это удовольствие не для старого человека. Все время задирать голову кверху, а морщин на шее хватает и без планетария.

Признаться, невеселые размышления одолевали меня на обратном пути. Старуха очень тонко заметила, что морщин на шее хватает и без планетария. И, может быть, не к чему искать эту самую дочку, пусть дочка в самом деле первая красавица во всем воеводстве. Дочка не заменит мать, а мать уехала далеко и, кажется, надолго... Значит, не свидеться мне с Тересой... После того, как я счастливо очутился в городке, нашел дом Тересы, узнал, что она жива-здорова... Несправедливо и жестоко! Но обижаться не на кого.

А вдруг Тереса получит мой привет и не сможет вспомнить, от кого он?

Я шагал к себе в отель, ни о чем другом не мог думать и все больше мрачнел...

12

Еще не смерклось, когда я отправился в далекий Хожув, в парк культуры.

По Силезии ходят трамваи дальнего следования. Если не ошибаюсь, можно проехать трамваем с пересадками километров сто двадцать, а то и больше.

Иногда путь трамваю перегораживает шлагбаум. Но заводской или шахтный паровоз весьма расторопно перебирается через улицу, таща за собой хвост вагонов или вагонеток, и трамвай продолжает путь.

Города, городки и поселки так близко жмутся друг к другу, что окраины одного — в то же время предместья другого. Только по дорожным указателям и можно иногда установить, что выехал из одного города и въехал в другой. И все время высятся вблизи или маячат на горизонте трубы, копры шахт, терриконы, или, по-местному говоря, халды. Едкий, горьковатый дым окутывает вершины халд, они курятся, как вулканы. В пасмурную погоду дымы видны не столь отчетливо, а проплывающие тучи походят на дымы.

У подножия халды, у самых трамвайных рельсов, стояли тележки, а старухи, старики, ребятишки карабкались с ведрами по крутому склону террикона, выбирали куски угля из породы.

Еще десяток-полтора трамвайных остановок, еще несколько раз сивоусый кондуктор с вежливостью дипломата осведомился у паньства, то есть у нас, у пассажиров, не забыл ли случайно кто-нибудь купить билет,— и вот он, знаменитый парк культуры в Хожуве!

Поляки называют парк «зелеными легкими Силезии», и это на самом деле оазис в задымленной округе, где все стены домов, заборы, черепичные крыши и кресты костелов почернели от вековечной копоти. Здесь дождь и тот идет уже грязный, если небо заволокло дымом. И в безоблачный вечер не всегда увидишь звезды.

Каждому интересно сходить в планетарий, полюбоваться на потолок-небосвод, но самые прилежные и любопытные посетители — шахтеры. Может, потому, что мы день-деньской не видим неба, так любим глазеть на звезды.

В круглом лектории начался очередной сеанс.

Подождите трошечки, пани Сикорска занята, она в просмотровом зале.

Меня ввели в зал, где купол подсвечен фиолетовым светом. Чьи-то руки властно и бережно усадили в свободное кресло, в темноте его сразу не увидеть.

Звезды двигались по небосводу, блики мигали на чьих-то очках, на серьгах, на пуговицах.

Вот так выглядит небосклон над поселком Мирный в Антарктиде. Теперь посмотрите на августовские звезды в нашей Силезии. А вот каким видят небо советские ученые на дрейфующей станции, в окрестностях Северного полюса.

Зрители сидели в мягких креслах, обратив лица кверху. Не у одного меня онемела шея, все вокруг вертели головами, словно им внезапно стали тесны воротники.

Окончилась лекция о «луннике», плохо мною понятая из-за слабого знания языка, а также астрономии. Кроме того, мешала неотвязная мысль: «Сейчас увижу Сабину» — и сомнение: «Смогу ли ее узнать?»

Зажегся свет, все зажмурились, словно только что поднялись в клети из шахты.

Я обвел взглядом зал и в нескольких шагах от себя за пультом управления увидел девушку.

Она сидела в белом халате, опустив голову. Я хорошо видел только пучок волос, туго перехваченный черной бархатной ленточкой, просторный чистый лоб и разлетистые брови.

С девушкой любезничал лектор. Он почтительно склонился к ней, жонглировал своей указкой и бойко тараторил. Лектор заискивающе улыбался, не вызывая при этом ответной улыбки.

Я нерешительно приблизился, она подняла голову.

Наверно, на моем лице отразилось нечто, что заставило ее растерянно встать из-за пульта.

Передо мной стояла и с тревожным недоумением смотрела Тереса, только помолодевшая. Будто ее образ явился мне сквозь годы. Может же дочь так походить на мать!

Большие синие глаза, затененные ресницами, полны живого блеска. Даже ямочка на щеке, и та перешла от матери по наследству. Волосы пепельные, а брови и ресницы темные, словно подкрашенные. Впрочем, брови более капризного излома, чем у матери.

Кажется, было шумно, но я слышал только похрустывание полотна, когда она одернула халат.

Я назвался, но фамилия моя ничего Сабине не сказала. Вы представить себе не можете, до чего я огорчился! Неужто мать не рассказала ей о русском пленном, которого спасла? В ту минуту я позабыл, что Тереса вовсе и не знала моей фамилии.

Я поблагодарил пани, которая только что так умело управляла всей вселенной и регулировала движение светил. Пусть не удивляется, я помню ее еще такой вот. И я показал рукой чуть повыше вращающегося креслица за пультом. Мне особенно приятно поблагодарить ее за сведения о жизни на других планетах, поскольку в свое время я имел счастливый повод благодарить ее мать за то, что она спасла мне жизнь на земле.

— Пан Тадеуш?

И едва я кивнул, Сабина бросилась мне на шею. Лектор от изумления едва не проглотил свою указку.

— Вы вчера искали меня дома? Пан Тадеуш так понравился тете! Почти молодой и красивый, рассказала тетя.

— В темноте не разобрала.— Я поспешно отмахнулся от тетиных комплиментов, мы оба рассмеялись.

А вокруг нас стоял галдеж, в шумной толкучке начинался новый сеанс, зрители уже рассаживались в креслах, поглядывая на фиолетовый купол зала.

Сабина что-то вскользь и возбужденно сказала лектору, он недружелюбно поглядел в мою сторону. Затем попросила о чем-то коллежанку в белом халате и направилась к выходу, ведя меня за руку, как ребенка.

— Пан Тадеуш? — гулким эхом отзывалось мое имя в пустом вестибюле.— Сколько раз зима, сколько раз лето!

— Русские говорят: сколько лет, сколько зим!

Сабина подумала и согласилась: да, так правильнее. Сперва упомянуть про лето, а затем про зиму. Почему? Сабина сразу помрачнела: потому что летом, когда дни длиннее, разлука тянется дольше...

Да, да, мамуся не однажды рассказывала ей о русском пленном, который спрятался от фашистов в шахте. Мамуся даже не знает, дожил ли Тадеуш до победы.

Я спросил про мать: скоро ли вернется?

Недели через три, никак не раньше. Лишь на той неделе мамуся выехала во Францию, она гостит у родичей. На шахте в Па-де-Кале работает ее брат. На той самой шахте работал когда-то молодой Копа. Пан Тадеуш не знает, кто такой Копа? То неможливе!!! Знаменитый футболист, центр нападения сборной команды Франции. Копа — польский эмигрант, и правдивая его фамилия — Копашевский. Так вот, Копашевский еще подростком откатывал вагонетки с углем, который рубил мамусин брат. Как же пан Тадеуш не знает, кто такой Копа? Сабина никак не могла примириться с таким пробелом в моем образовании.

Мамусин брат эмигрировал во Францию еще до войны и женился на француженке. А когда-то работал вместе с дедусем в шахте «Доннерсмарк-младший». Так вот, мамусин брат прислал вызов и оплатил железнодорожный билет в оба конца. Мамусе только оставалось припасти подарки. Дядя Сабины болеет пылицей. Слышал ли пан Тадеуш о такой болезни?

Я невесело усмехнулся: кто из шахтеров не знает о пылице, то есть о силикозе, не остерегается его! Разве может человек безнаказанно дышать долгие годы каменистой пылью?

К счастью, в Верхней Силезии пылицей болеют немногие. Сказывается охрана труда, но главное, здесь другая структура почвы. А вот среди французских шахтеров эта болезнь легких — бедствие.

Все вслушивался я в голос Сабины, который смутно напоминал мне голос Тересы. Так в дальних закоулках, тайниках памяти зазвучал надтреснутый бас шахтного гудка. Узнал, как только услышал.

У Сабины голос грудного тембра. Мне доводилось слышать по радио Славу Пшибыльску. Это самая популярная в Польше исполнительница песен. Вот такой же окраски теплый голос у Сабины. Кажется, он исходит из самой глубины души...

Лекция, которая начнется сейчас, последняя. Сабину подменит другая девушка, и, если у меня нет иных планов и желаний, мы можем провести вечер вместе. Сабина быстренько переоденется и просит меня подождать при выходе из планетария, на ступеньках лестницы.

И в самом деле Сабина не заставила себя долго ждать. Она вышла, поправляя на ходу прическу.

Платье со смелым вырезом на груди, с полуоткрытыми плечами, короткое, туго перехваченное в талии,— ну Лолита Торрес! На шее бусы то ли из черного дерева, то ли из камня. Платье яркой расцветки и такого рисунка, будто Сабина нечаянно выпачкала его краской, будто она день-деньской толкалась среди маляров. Мне, грешным делом, такие веселые ситцы нравятся.

Должен признаться, я отнесся было к Сабине с некоторым предубеждением. Весь облик ее, яркая внешность, манера держаться были для меня непривычны. Но так быстро проступи-

ла в ее поведении естественность, а каждое слово звучало так искренне, что настороженность моя быстро и без следа испарилась.

Сперва мы забрели в альпинариум. Неожиданно я увидел горный пейзаж — склоны, обсаженные низкорослыми, подчас горбатыми, колченогими сосенками; их переселили из Татр. Здесь росли горные цветы эдельвейсы. Так фашисты назвали свою альпийскую дивизию. С дивизией «Эдельвейс» я несчастливо познакомился летом сорок второго года за Нальчиком. Там, в горах Балкарии, я был контужен, оттуда нас и гнали, везли, как рабочий скот, перегоняли из лагеря в лагерь до самой Силезии...

Сабина понимала по-русски почти все, но говорила с ошибками, робея. Ей очень нравится русский язык. Она изредка читает журнал «Советский экран» и, когда есть возможность, практикуется в разговоре.

Позже мы сидели с Сабиной на веранде возле пруда и пили леденящий зубы оранжад. Еще позже катались на шлюпке. Когда Сабина брала шлюпку, она предъявила лодочнику справку о том, что умеет плавать; без такой справки весла к шлюпке не выдают.

Над нашими головами пролетали лебеди. Они перелетают с одного пруда на другой за четыре километра. Но из парка лебеди не улетают, не то что дикие утки и куропатки, временные постояльцы. Пруды в парке естественные: опустилась почва над старыми шахтными выработками.

Поначалу Сабина рассказывала о парке старательно и прилежно. Роль экскурсовода помогла ей найти естественный тон. Но надобность в лишних, необязательных словах быстро отпала, и мы оба это почувствовали.

Совершенно очевидно, что Сабина очень дружна с матерью. Иначе она не выказала бы такого искреннего интереса к незнакомому ей человеку уже в годах.

Я понимал, что в глазах Сабины, когда она смотрит на меня с такой симпатией, горит отраженный свет. И я уже не знал, радоваться этому или огорчаться...

Мы причалили к пристани и выбрались, помогая друг другу, из шаткой шлюпки. Сабина шла от лодочной станции, слегка повиснув на моей руке, чуть вприпрыжку, когда я, битюг, забывал приноравливаться к ее легкому шагу.

Сабина интересовалась побегом из плена; нашим освобождением. Нашел ли я на шахте кого-нибудь из старых знакомых?

Я ответил, что знавал когда-то машиниста насоса по имени Стась, но следов его найти не удалось. Да и что удивительного? Сколько лет прошло, сколько зим!.. Одна маленькая девочка успела за это время стать невестой...

Да, сейчас я убедился, что когда-то был небезразличен Тересе и не забыт ею. Сабина словно встретила старого друга дома...

— Мамуся уехала одна? — Я слегка запнулся.— Или с мужем?

Сабина высоко подняла брови. С мужем? А мамуся не была замужем после того, как погиб татусь...

Ах, если бы я мог сразу после войны вернуться в Силезию! В поисках Тересы я обошел бы подряд все города, городки и поселки. У меня была неплохая примета: в этом городке маячил костел с двумя колокольнями. Правда, я разузнал, что подобные костелы в Польше не такая уж редкость.

Все годы я был бы тогда неразлучен с Тересой, помогал бы ей чем только мог. И дрова колол бы, пусть это будут заледеневшие, сучковатые поленья или даже кряжистые пни, такие, к каким Тереса не позволила мне, немощному, подойти с топором в тот самый день.

Может, мы с Тересой и маленькой Сабиной уехали бы в родной Кузбасс или еще куда-нибудь, где водится уголек в земле и где есть небо над головой.

И чувство возможного, но несбывшегося счастья пронзило меня насквозь, до холодка где-то в позвоночнике и в самой глубине сердца.

Если вам когда-нибудь делали переливание крови, вы, наверно, помните тот острый холодок, который растекается по жилам, пока чужая кровь не согрелась и не стала вашей собственной.

Да, мамуся никому не отдала своего сердца и прожила все годы одиноко. Да, она многим пожертвовала ради Сабины.

А вот стоила ли она, Сабина, этой жертвы, хорошей ли оказалась дочерью?

Сабина надолго задумалась, а затем с горечью призналась, что недовольна собой еще больше, чем ею недовольна мамуся. Можно было успеть в двадцать один год больше, намного больше!

Недавно Сабину усиленно вербовали в стюардессы. Все в один голос твердят, ей очень пошла бы летная форма. Старый пан из агентства «ЛОТ» божился: сразу увеличатся пассажирские перевозки агентства! А какие ее ждали рейсы! Варшава — Париж, Варшава — Москва, Варшава — Стокгольм, Варшава — Копенгаген! Она было согласилась, но мамуся решительно воспротивилась. Такая боязливая! Как раз в тот день газеты сообщили о воздушной катастрофе над Копенгагеном. Может, потому мамуся такая боязливая, что никогда не летала? А Сабина готова летать хотя бы каждый день, в самую плохую погоду!

Ну, а пока она не стала небесным созданием, живет на земле и работает в планетарии, она обязана засесть за учебники и поступить в техникум, изучить оптические приборы. А сейчас ее обязанность — протирать замшей линзы в телескопах и в подзорных трубах. Они установлены во дворе планетария под открытым небом, возле них всегда много публики.

Что Сабина умеет сейчас? Носить с грацией, будто это бальное платье, белоснежный, до рези в глазах и до хруста накрахмаленный халат, всегда хорошо выглядеть — о, это ей совсем нетрудно! — приветливо улыбаться посетителям и вовремя нажимать кнопки на пульте управления.

Когда Сабина работала кельнершей в молочном баре, мамуся посмеивалась: даже в родильном доме не найти такого стерильно чистого халата. А сейчас Сабина только обманывает себя. Такой халат уместен на плечах операционной сестры, акушерки, даже кельнерши, но не сотрудницы планетария, если она так скверно знает астрономию и точные приборы.

Сабина смущенно поправила прическу: может быть, внешность помешала ей стать трудолюбивой и любознательной? Кавалеры балуют ее вниманием, она привыкла к постоянному успеху, все за ней ухаживают.

Вот и начала задаваться, задирать нос — Сабина забавно подперла указательным пальцем кончик носа. Да, да, мамуся уже давно ее предупредила: человек зазнается ровно настолько, насколько ему не хватает разума...

Молча глядел я на далекие отблески огней в дымном небе, и это зрелище помогло мне сменить тему разговора, который Сабина вела с таким невеселым мужеством.

Не мешает ли планетарию близкое соседство завода и коксовни? Да, эти дымные соседи ухудшают видимость. В такие вечера посетители могут подумать, что Сабина поленилась протереть линзы в подзорных трубах, что всему виной пыльные стекла, а не воздух. Ходят слухи: для научной работы будет построена обсерватория в городке Бельске. Конечно, если бы Сабина была серьезным человеком, она стала бы работать в той, будущей обсерватории.

Сабина сразу помрачнела. Очевидно, решение остаться было связано с какими-то тревогами и неприятностями. Но она на эту тему не распространялась, я ни о чем не расспрашивал, тем более, что она с тревогой стала поглядывать на часики: нужно на несколько минут заглянуть в планетарий, а затем она может уехать домой.

Я проводил Сабину до знакомого крылечка, а когда пришла пора прощаться, вдруг испугался, что сейчас Сабина распрощается со мной навсегда. Ну, познакомились, ну, погуляли, ну, ответила на вопросы о матери, ну, проводил домой, а больше нечего ей досаждать...

И для того, чтобы был повод увидеть Сабину еще раз, я, расставаясь, попросил ее принести завтра фотографию матери. Теперь, когда у меня перед глазами была Сабина, я не мог потерять Тересу и не боялся фотографии, как вчера,— пусть Тереса будет даже не похожа на себя, на прежнюю. Вот она, Тереса, стоит рядом, полная живого тепла!

Сабина кивнула в знак согласия. Завтра принесет фотографии, вечером я смогу найти ее там же, в планетарии.

Продолжение следует.

Вдоль ши

Современный архитектор — человек скромный. Он не любит громкой славы. Вот почему ни на одном здании вы не найдете выгравированной золотом фамилии его создателя. Но ведь может так случиться, что когда-нибудь таблички с именем зодчего станут навечно прикреплять к дому. И тогда некоторые архитекторы наверняка придут в ужас. В неописуемый. И начнут лихорадочно придумывать себе псевдоним. Потому что стыдно. Так и чудится, все на тебя пальцем показывают: смотрите, это он спроектировал помещение для бани... как школу!

И ничего не поделаешь. Не будешь же объяснять каждому, что здание-то предназначалось именно для школы. Что о бане вообще не было речи. Что в этой удивительнейшей метаморфозе виноват не ты.

А кто же?

В ТЕСНОТЕ И В ОБИДЕ

Московские книголюбы были счастливы. На фасаде дома № 40 по Ленинскому проспекту появилась вывеска «Дом научно-технической книги». А тем, кто недостаточно сведущ в науке и технике, огромными буквами разъясняли, что здесь будет продаваться литература. По энергетике. По радиоэлектронике. По строительству. По архитектуре. По машиностроению. По автоматике... Словом, на любой вкус.

Привезли оборудование. Новенькое, с иголочки. Оно сверкало лакированными боками. Оно рвалось в торговые залы. К покупателю.

Но перед ним захлопнулись двери. Все три. На две просто повесили огромные замки. А через третью с трудом протащили неуклюжие канцелярские столы и чертежные доски. Временно. До 1 июля 1960 года.

Лежат на тесных складских полках книги. По энергетике. По радиоэлектронике. По машиностроению... лежат и по сей день. А вместо них в огромном двухэтажном помещении — свыше 1 500 квадратных метров — обосновались проектные организации... И «Промстройпроект» и «Сантехпроект»...

Давно уже истек срок аренды. Но так и работают второй год полсотни человек в огромном помещении. В начале — «Промстройпроект». В конце — «Сантехпроект».

Первые, как в проходном дворе. Вторые пробираются к своему рабочему месту через лабиринт чертежных досок. А настоящие хозяева с трудом отвоевали 300 квадратных метров площади. Мало, но все-таки лучше, чем ничего.

Есть такая поговорка: «В тесноте, да не в обиде».

Здесь все в обиде. В большой обиде. И создатели этого здания. И столичные книголюбы. Пора бы, в самом деле, честь знать! Погостили в чужом доме — и будет!

АПРЕЛЬСКАЯ ШУТКА

Ну как тут не смеяться? Еще несколько дней назад все знали, что в доме № 88 по Ленинскому проспекту открывается столовая. Даже соответствующая вывеска была готова. А первого апреля 1961 года, в день открытия, вдруг

рокого проспекта

оказалось, что столовая — вовсе не столовая, а ресторан.

Нет, это была не апрельская шутка. Потому что тут же начались нешуточные недоразумения.

Огромная стойка в самом центре зала, очень удобная для столовой самообслуживания, в ресторане только мозолила глаза. Легкая алюминиевая мебель оказалась явно не к месту. А пол? Попробуй потанцуй на кафельном полу! Вдобавок ко всему и для музыкантов не нашлось места.

Пришлось принимать меры. Срочные.

На кафельный пол положили ковровые дорожки. Расставили громоздкие деревянные столы. Сколотили из досок эстрадку в углу. Морилкой покрыли.

Знакомый доброжелатель порекомендовал художников. И появился яркий экран из синтетической пленки. Красной, зеленой, желтой. Нелепый в сочетании с коврами традиционной расцветки и кафелем.

Так неожиданно для жителей, неожиданно для торговых работников, неожиданно для архитекторов появилось на свет скороспелое детище Мосресторантреста. Никто им не занимался, никто его не проектировал, а оно взяло да и выросло.

Для окончательного превращения столовой в ресторан сделали последний шаг — повесили вывеску: «Ресторан «Кристалл». А зачем повесили? Ведь ресторана-то нет! Есть обычная общепитовская точка да ресторанные цены!

НЕ ВЕРЬ ГЛАЗАМ СВОИМ

Люди с чемоданами ехали сюда через весь город. А приехав, застывали в недоумении. Куда они попали? Название улицы правильное, номер дома правильный, а где же гостиница «Южная»? Перед ними обычный жилой дом. Восьмиэтажный. С балкончиками. С указателями квартир над каждым подъездом.

— Простите... — останавливали они прохожих.

А те понимающе улыбались. Видимо, уже привыкли к подобным вопросам.

— Это и есть гостиница. Входите смелее. И не верьте глазам своим.

А глазам действительно трудно поверить. По обе стороны лестничной клетки — квартиры. Однокомнатные, двухкомнатные, трехкомнатные. Малогабаритные. В каждой — электрические счетчики, стенные шкафы. И кухня. С газовой плитой. С четырьмя конфорками.

— Это что, в Москве все гостиницы такие? — интересуется приезжий.

Пока только одна. Жилой дом был уже полностью готов к сдаче. Счастливчики осматривали предназначавшиеся им квартиры. Мысленно расставляли мебель. И вдруг в последний момент в корпусе № 16 дома № 87 по Ленинскому проспекту решили сделать гостиницу. Гостиницу без ресторана, без столовой. По существу, без буфета. Ведь чтобы попасть в него, надо выйти на улицу. Гостиницу без вестибюля и фойе. Без комнаты отдыха.

Человек с чемоданом в руке покладистый, некапризный. Переночует две-три ночи — и отправится дальше. За это время даже потерпеть кое-какие неудобства нетрудно.

А вот жители дома № 8 по 1-й улице Строителей терпят неудобства уже несколько лет. Их дом — новый, большой, красивый — мало приспособлен под жилье. Это скорее общежитие: с прямым, длиной в полкилометра коридором, по обе стороны которого расходятся комнаты, с одной кухней на 50 человек.

Что же получается? В здании гостиничного типа живут семейные москвичи. В жилом доме сделали гостиницу для приезжих.

Где логика? Где здравый смысл? Комиссия, присланная не очень давно, подтвердила: дом № 8 (корпуса 1 и 2) по 1-й улице Строителей вполне пригоден для гостиницы. Было бы неплохо, если следующая комиссия признает, что жилой дом № 87 пригоден для... жилья.

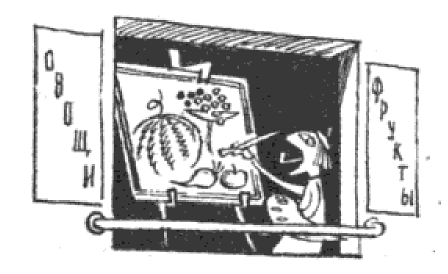
РЕПА И ХУДОЖНИКИ

Около этих огромных витрин часами могли стоять любопытные. И в самом деле, интересно наблюдать, как работают художники, как на белом гладком холсте появляются первые линии...

Художникам повезло. Мастерская на славу! Большая, просторная. Много света!

Зато не повезло жителям этого района. Уже давно в доме № 43 по Ленинскому проспекту должны были открыть огромный магазин «Овощи — фрукты». Магазин самообслуживания. С цехом полуфабрикатов. С комбинатом по переработке овощей.

Повесили наверху, над витринами, изображения овощей. Репа,

морковь, свекла... И вместе со свеклой подарили помещение художникам. Правда, недавно художники исчезли. Но магазина «Овощи — фрукты» все еще нет.

А каково жителям? Каково архитекторам? Похвастайся автор, что по его проекту строили дом № 43! Его тут же спросят: «А репа зачем?»

Нет, не архитекторы виноваты в том, что многие прекрасные помещения используются не по назначению. Этим делом командует Московский Совет.

...А вот если бы товарищи, которые ответственны за распределение помещений, на себе испытали результаты своих решений! Если бы поликлиника, куда они придут на прием к врачу, разместилась в огромном, без перегородок зрительном зале театра! Если бы в этом зале одновременно находились двадцать врачей, двадцать медицинских сестер и столько же больных! А кинотеатр, куда они отправятся вечером, разместился в маленьких комнатах поликлиники!

Разве это не то же самое, что проектная организация в книжном магазине? Ресторан в столовой? Гостиница в жилом доме?

Е. МУШКИНА

РАССКАЗЫ О ТАНЦАХ

Махмуд ЭСАМБАЕВ

Чабан

Когда в программе моего концерта вы увидите название танца «Чабан», не ждите танцевального номера. «Чабан» — это не танец, а скорее лирическая картинка из моей жизни.

Чабаненок гонит овец на пастбище. Маленький, наивный, смешной мальчик... Пригнал овец и сидит. Потом начинает их считать, лениво так, не торопясь... И вдруг одной нет! Он считает отчаянно. Вскакивает и считает снова. Бегает вокруг овец и ищет, ищет пропажу. Наконец вот она! Воздушным прыжком пастушонок переносится к овечке и танцует для нее: мальчишеской радости нет конца! Наконец, уставший, он взваливает овцу на плечи и уходит, гоня перед собою отару... Я очень люблю этот танец. Во время его исполнения я всегда вспоминаю, как сам терял барашка в горах.

Это было в небольшом чеченском селе Старый Атги. Меня будили утром на заре, одевали в старое ватное пальто, огромную лохматую шапку и отправляли в горы. Сначала у нас в семье овец и коз было мало. Потом стало двенадцать. Сосчитать их я еще не умел, и мать меня учила: «А ты делай так: на каждого барашка или козу загибай по пальцу, как обе руки загнешь, останется два барашка». Так я и поступал. Иногда счет не сходился: пропадал барашек. Большей трагедии для чеченского мальчишки быть не может, особенно если семья бедна. Я в отчаянии обыскивал кусты и овраги и потом с ревом бежал домой. Но чаще день проходил спокойно: мои барашки и козы мирно паслись. Наступал вечер. Я сидел и смотрел, как по пыльной дороге шли машины к огонькам, далеким-далеким: в 20 километрах от нас был большой город — Грозный. Я думал: «Когда вырасту, сяду на машину и поеду к этим огонькам...»

Но поехал я к ним гораздо раньше: мне было 7 лет, когда отец взял меня в город.

Мы пошли в цирк. Возвращался я домой с твердым решением — поступить в цирк, и больше никуда! Я не стал терять времени и на другой же день с утра начал тренировку. Все стены нашего побеленного домика были измараны моими босыми ступнями — я учился стоять на голове. Отец возмущался: «Не позволю, чтоб мой сын стал клоуном в цирке!» Я стал делать стойки около чужих домов. Соседи ругались. Мать покорно брала мел и ходила белить чужие сакли, измазанные моими ногами. А мне говорила: «Я хочу, чтобы ты стал прокурором и научился различать правду от неправды». Но я все-таки стал артистом, хотя и правду от неправды тоже научился различать. Только говорю я людям о ней в танце.

И поэтому, наверно, во многих странах люди с интересом смотрят мои танцы. О своем чабаненке я рассказывал на Ямайке и Кубе, выступая перед зрителями, языка которых я не знаю. Но меня понимали всегда, потому что

чабаны всего мира чувствуют себя одинаково: каждый плачет, когда у него пропадает овечка, и радуется, когда родятся маленькие ягнята. И я всегда думаю: вот и сейчас сидят где-то черноволосые и белокурые, смуглые и белолицые мальчишки, пасут овец, буйволов или коров, смотрят на пролетающие самолеты, на огоньки далеких городов и еще не знают, кем они войдут в этот мир... Этих чабанят ждут большие неведомые судьбы. Чабанят надо уважать!

Бамбука

Происходило это на другой стороне земного шара. Доктор медицины Аугусто Корредор Архона пригласил меня в гости. Хозяева представили мне сына — четырехлетнего малыша в коричневой цигейковой шапке с красной буденновской звездой. Какими путями эта победоносная маленькая звезда пришла на другой конец света?.. «Моего сына зовут именем Ленина — Володя»,— с гордостью сказал мне Архона.

Потом Архоны попросили дать автографы, и я написал: доктору — на вороте его белой рубашки, жене — на оборке пышной парадной юбки... «Дети Володи будут бережно сохранять эту юбку и рубашку, как мы храним шапку с буденновской звездой»,— сказал Архона. И я увидел, как дорог для этого человека любой привет из нашей страны. На прощание он подарил мне картину: крестьянин пашет на двух лошадях, едва не падающих от голода, вместо плуга — большой гвоздь...

Колумбия... Она мне запомнилась как бедная страна. Здесь мало хлеба, мало одежды, мало воздуха: страна лежит на высоте почти трех тысяч метров над уровнем моря и мучается от духоты. Магазины забиты пышным церковным инвентарем, и каждый человек ходит так, будто несет на плечах все горе народа. Но люди ласковы и добры. Даже самые бедные, пашущие землю гвоздем, старались подарить мне что-нибудь. Как драгоценный сувенир, я привез на Родину щедрый дар колумбийского народа — бамбуку.

Бамбука — это танец любви: парень ухаживает за девушкой. Но девушка так застенчива и скромна, что боится глаза на него поднять. Танцем своим юноша завоевывает взгляд любимой.

Я разучивал бамбуку в Колумбии, постигал и любил ее тем больше, чем больше понимал и любил народ Колумбии, бедный и гордый, сдержанный и скромный. Ведь в танце живет душа народа.

И когда самолет поднял меня с этой суровой, печальной, но очень гостеприимной земли, вместе со мной летел мой новый танец — он был у меня в сердце...

Макумба

...Меня учила макумбе великолепная бразильская танцовщица Мерседес Баптиста. Со своей небольшой труппой Мерседес объехала Америку и Европу. Если б она не была негритянкой, ее слава принесла бы ей богатство, но актрисам-негритянкам платят так мало... Я был поражен бедностью маленькой комнатки, в которой Мерседес жила со своей матерью. «Почему у вас нет квартиры?» — невольно спросил я. «Э, какие у нас могут быть квартиры...» — горько ответила Мерседес.— В Рио-де-Жанейро меня знают все как актрису, но белые все же руки мне не подают».

Мерседес — настоящая большая артистка. Она не только хорошо танцует, но серьезно занимается историей танца своего народа. Она и рассказала мне про макумбу.

— Это древний танец. Танец-заклятие. Танец самопожертвования и любви,— сказала Мерседес.— Его танцуют тогда, когда на дом обрушивается несчастье: умер ребенок, умер хозяин... Всем ясно: злые духи поселились в доме и их надо изгнать. Зовут колдуна. Колдун приходит ночью, залитый белым светом луны. Под мышкой он несет курицу, белую, как луна. Произнося заклятья, он режет курицу и ее кровью мажет себе лицо. Потом начинает танцевать. Во время танца злые духи входят в колдуна и убивают его. Вместе с ним умирают злые духи. Макумба приносит счастье дому, в котором ее танцуют...

...Маленький глинобитный белый храм в 45 километрах от Рио-де-Жанейро. Его построил на свои деньги Жозе Гомео — лучший исполнитель ритуальных танцев в Бразилии. Раз в год в этом храме танцуют макумбу. Только один раз в год. Но в 1959 году макумбу в храме Жозе Гомео танцевали дважды: для нас, советских гостей, хозяин храма повторил праздник.

Семь часов вечера. Макумба начинается. Выходят жрец и Жозе Гомео. У жреца морщинистое, серо-землистое лицо. Он так стар, что ему на вид лет двести. Жозе Гомео — молодой, очень стройный и очень пластичный, с шоколадной кожей и длинными прекрасными черными глазами. На нем белая рубаха и серые штаны, обуви нет. Я беру серебряный колокольчик с серебряного блюда; первый раз в истории храма в колокольчик звонит не жрец. Жозе Гомео начинает петь, и из внутренних дверей, держась за руки, выходят люди. Макумба начинается.

Этот танец не только трудно танцевать, его трудно смотреть: поразительный ритм, стремительные движения доводят до исступления зрителей, мозг словно начинает стучать. Макумбу танцуют с семи вечера до семи утра. Танцующие приходят в экстаз, многие теряют сознание. Их подтаскивают к ногам Жозе Гомео. Но макумба продолжается!.. Макумба продолжается! Без перерыва, пока хватит сил...

Но в этот вечер был сделан перерыв: мои спутницы, танцовщицы, не выдержали зрелища и удалились. После их ухода я танцевал вместе с Жозе Гомео.

«Макумба приносит счастье» — эти слова бразильцев я вспоминаю всегда, когда перед концертом надеваю на себя костюм из шкуры леопарда и огромную шапку из кожи анаконды — подарок бразильских друзей.

Автомат

Я объехал многие страны и видел немало лощеных и красивых юношей и девушек, танцующих в бесчисленных кабаре и ресторанах мира. Они всегда хорошо одеты, всегда улыбаются: публика их хорошо принимает и можно подумать, что эти люди счастливы. Но они самые несчастные существа. Они разучивают один танец, доводят его до совершенства и потом танцуют его изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год...

Танцевать всю жизнь можно только народный танец, потому что народ вложил в него свою душу, а ее красота безгранична. Но исполнять всю жизнь танец, лишенный души и сердца, собственно, даже не танец, а набор отточенных движений и поз, танцевать тогда, когда твой номер заказывают, словно блюдо, словно бутылку шампанского,— нет, этого не может выдержать человек! И он превращается в заводную куклу, в манекен. Гладкое, выхоленное лицо лишено жизни. Глаза тусклые. Вместо улыбки — оскал. Каждым своим движением артист словно говорит: «Я заказан!.. Я заказан!.. Я танцую свой танец пять, восемь, десять раз в вечер. Каждый день одно и то же... У меня не может болеть нога, не может болеть сердце: я всегда молод и красив. Я не человек, я автомат. Маленькому ребенку покупают для забавы куклу. Больших развлекают танцующими автоматами... Этот автомат — я. И никто не знает, как трудно человеку стать автоматом!»

Мне было жаль до слез этих юношей и девушек, лишенных радостей творчества, радостей жизни. Мне было больно смотреть на их механическое искусство, и я создал танец «Автомат».

Я выхожу на сцену в очень красивом гриме: белое, мраморное лицо, пунцовые лакированные губы, большие глаза. Я элегантен: черный смокинг, черный цилиндр, белые гетры, перчатки и бант. Я заказан. Я начинаю танцевать, как красивый автомат с опустошенным, умершим сердцем. Танец кончается, как кончается заводная игрушка. Артист рад возможности отправиться за кулисы отдохнуть. И вдруг мне в спину джаз. Я снова заказан! И снова действует завод в большой красивой кукле...

Этот танец встречают хорошо везде, но лучше всего — в нашей стране. Советскому человеку понятна скрытая боль этого танца, его основная мысль: человек не может быть заводной машиной в жестокой борьбе за существование.

Негритянский танец

Это было в Париже. С лестницы торжественно сходила певица в огромных качающихся перьях. «Париж, любовь моя, Париж...» — пела она. Зал орал от восторга. Но вот эта же артистка вышла в образе старой и усталой нищенки и начала свой горестный рассказ.

— Я несчастная негритянка-мать. Моя кожа черна. В этом мое несчастье и несчастье моего народа. Мы черные, и жизнь у нас черная, и работа черная.

Звучат скрипки. Гнетущая музыка. Слова хора падают тяжело, как могильные плиты: «Работай, негр!.. Негр, работай!»

— О господи! — продолжает актриса.— За что ты послал нам черную кожу? Разве мы не так же чувствуем боль, как белые? Разве у нас не такое же сердце? Разве наши дети не говорят «мама»? У меня четырнадцать детей и черная, черная судьба...

Она плачет. И весь зал плачет. Богатые, беспечные зрители, пришедшие в театр искать развлечений, они на короткий час становились людьми, когда пела Жозефина Беккер.

Жозефина Беккер — великая актриса. Сейчас ей 60 лет, но она снова вернулась на сцену, потому что взяла на воспитание 14 детей разных национальностей и ей надо их прокормить. Два раза я был в Париже и два раза прежде всего бежал к Жозефине Беккер. И когда я слушал ее песни, у меня зародился танец, рассказывающий правду о судьбе негра.

Негр хохочет, танцует от радости. Этот народ ведь очень весел и жизнерадостен. И вдруг негра ударяет по щеке белый. Затем и другие белые обступают его и бьют. Так бьют только тогда, когда хотят убить. Даже самое смирное животное не может не защищаться, если его бьют. Но негр не хочет никого бить, он вырывается и бежит. Бежит со всех ног. Его хватают за плечи и снова бьют, а потом ставят на костер. Но в огне он разрывает веревки и прыгает с костра. Его снова догоняют и теперь бросают в темницу. Здесь он вспоминает своих детей, старую хижину, друзей... Он плачет над своей черной кожей и черной судьбой. Но постепенно отчаяние перерастает в ярость, и безропотный человек вырастает в борца. «Я должен быть свободен,— думает негр.— Если я умру, пусть будет свободным мой сын. Я сложу свою голову, но от черной судьбы спасу других...»

В этом номере грим очень преображает мою внешность, даже мне самому кажется, будто я родился с черной кожей, и я чувствую настоящую ярость, когда в финале танца, гордо подняв голову, всем своим видом говорю: «Попробуй теперь подойди! Попробуй ударь меня!»

...Я хотел бы, чтобы моего «Негра» увидела Жозефина Беккер; ведь это она вдохновила меня, и я создал танец о человеке, который становится сильнее своей черной судьбы!

ТАНЦУЕТ МАХМУД ЭСАМБАЕВ.

Бразильский танец макумба.

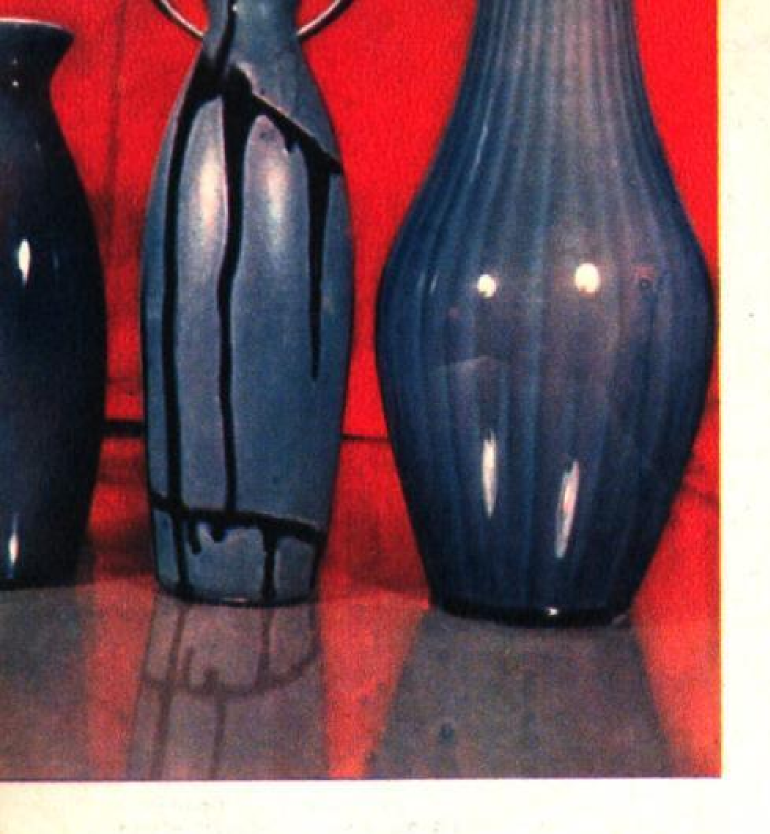
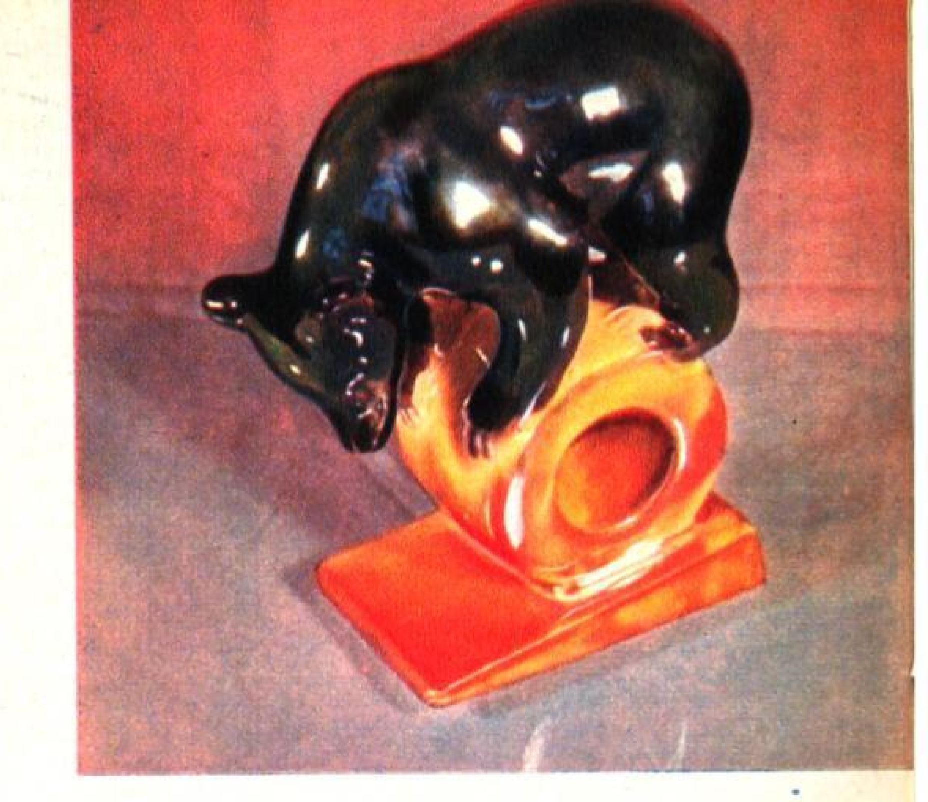
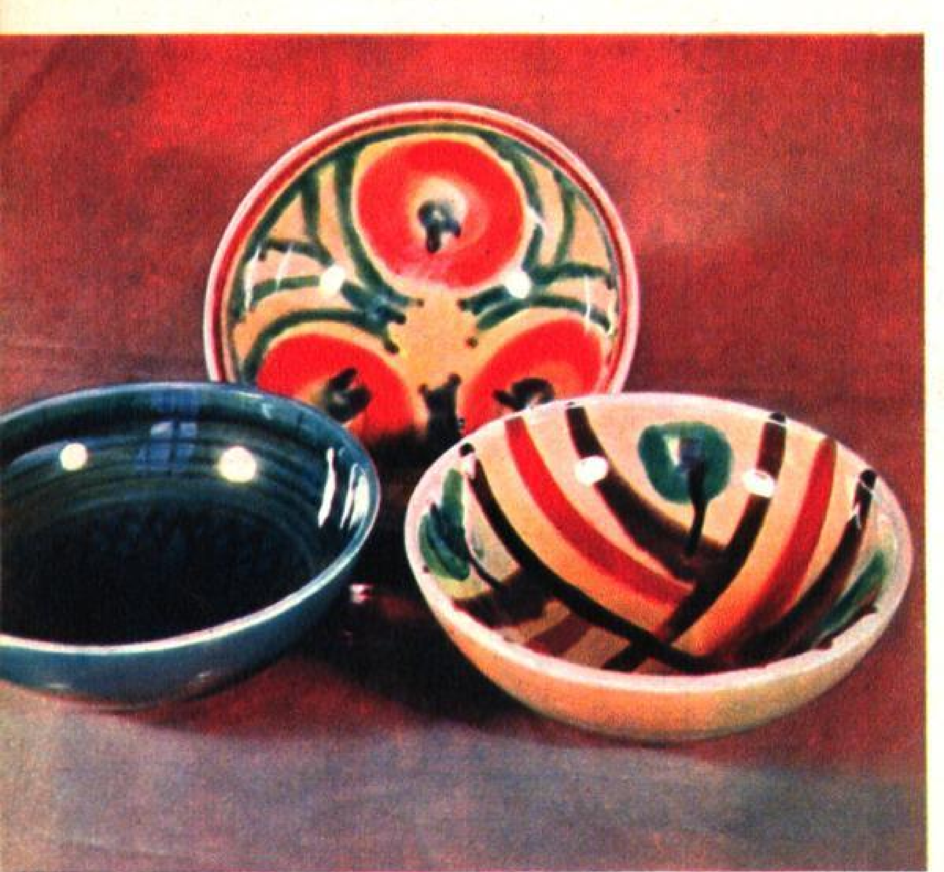
Африканский танец.

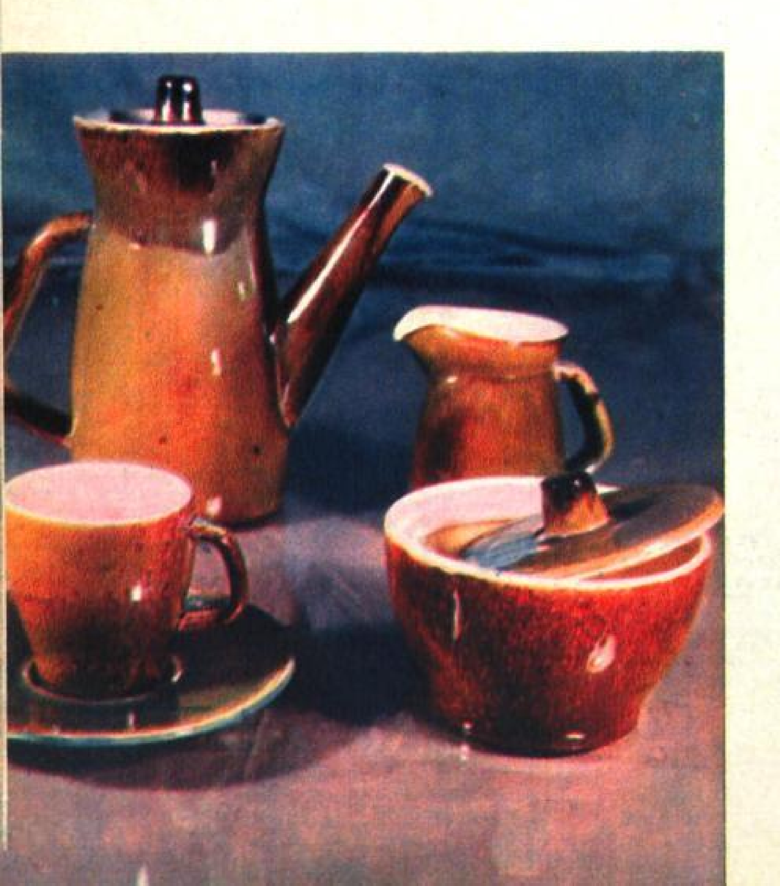
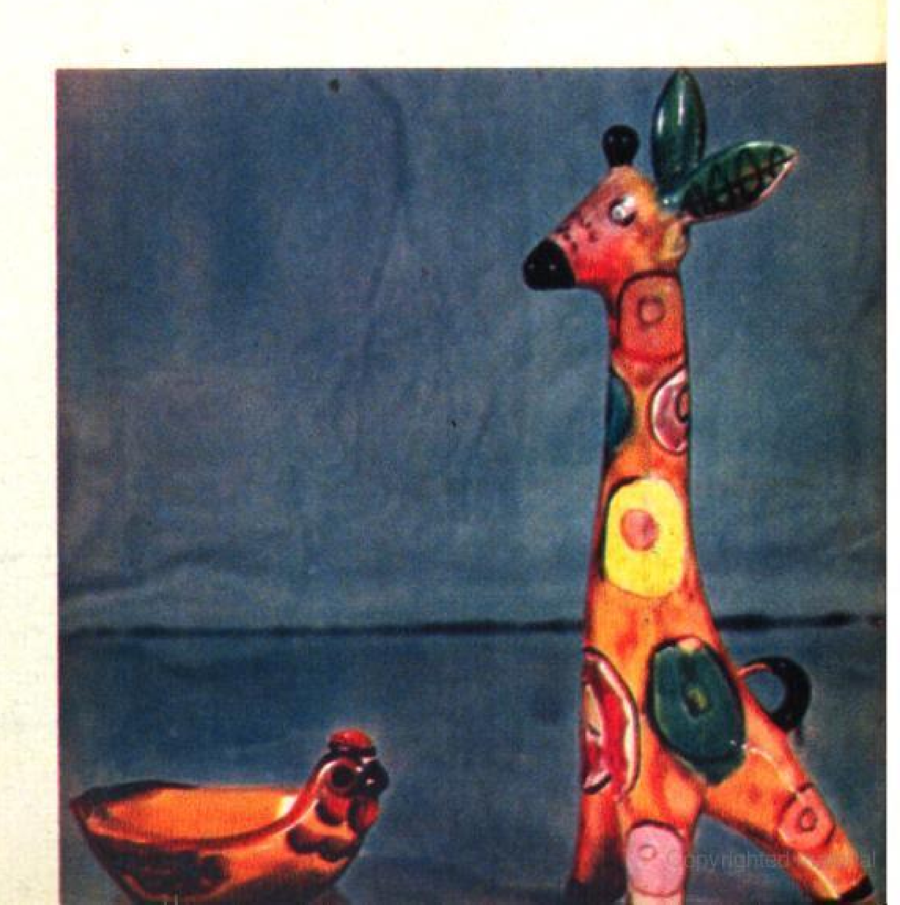
Монгольский танец «Охотник и орел».

Фото О. Мерцедина.

ДУША ПРОСТОЙ ГЛИНЫ

Н. ТОЛЧЕНОВА

Простая глина. Золушка рядом с хрусталем, надменно блистающим своими холодными алмазными гранями...

Но и впрямь, как в сказке о Золушке, само время подтвердило скромную и добрую красоту вещей, словно затаивших в себе память о наивных и мудрых творениях рук человеческих. Память о первом бесхитростном и хитроумнейшем сосуде для питья, а потом и для пищи. О первой игрушке, заставившей ребенка развеселиться и пронесшей через века благодарную улыбку матери.

В наши дни в жизнь и быт человека чрезвычайно широко входит химия и вместе с ней множество всевозможных, рождаемых ею сложных вещей. А человек, как бы стремясь соблюсти и охранить в своей душе нечто сокровенное, все больше тянется к простоте в оформлении своей жизни, своего быта. Легко заметить, что именно простота как раз и становится основным эстетическим принципом всего нового, современного в убранстве жилища, в художественных деталях, в украшениях одежды.

Разумеется, простота простоте рознь. Мало кого тронет дешевая простота пластмассовой вазы, тарелки, пудреницы, броши, старательно, но не очень-то удачно подделывающихся под хрусталь либо под цветное стекло, минерал, камень... Почему-то изделия из пластмассы, едва лишь появляющиеся на прилавках магазинов, почти всегда кажутся безнадежно устаревшими, пропылившимися, скучными. Они не то что некрасивы, но словно бездушны — лишены привлекательности и обаяния. И, пожалуй, именно потому, что выглядят, как подделка — вроде бумажных, тряпочных или восковых цветов. На них как будто лежит печать штамповавшей их машины. Они безлики. Хотя, конечно, пластмасса вполне могла бы существовать самостоятельно. И даже иметь большой успех! Если бы художники-прикладники сумели найти для нее какое-то свое оригинальное выражение: придумать новые формы, подобрать живые, радующие глаз цвета...

Но мы отвлеклись от главного — от глины.

Думается, глина значительно меньше нуждается в модернизации. Она покоряет прежде всего своей достоверностью. Жизненностью, присущей, кажется, самому материалу. Народностью. И даже еще шире — какой-то человечностью, одухотворенностью, которые заставляют вас предполагать, что каждая из этих прекрасных вещей сделана специально для вашей радости, что каждая из них является первозданной и неповторимой.

Взгляните, что за чудо, в самом деле, эта конаковская глина! Она очень недорога. И, по правде говоря, эстетическая стоимость каждого изделия куда выше его денежной цены. Поэтому-то и купить подобные вещи бывает нелегко. Едва завидев конаковскую глину, люди без лишних слов тут же становятся в очередь к продавцу. Прелестные и как будто вовсе не замысловатые вещи эти украсят каждую квартиру, каждый уголок в ней сделают нарядным и праздничным. Они оживят письменный стол либо туалетный столик, как нельзя более уместны окажутся возле книг — на полке или этажерке. И если вам вдруг не понравится несколько традиционный медведь, с трудом взобравшийся на бочонок, то уж наверняка вызовет восторг смешная жирафа высотой чуть поболее ладони. Вернее, это жирафий детеныш; вы заметили, какой у него удивленный вид: он только что встал на свои коротенькие, нарочито неуклюжие ножки, оттопырил хвост и насторожил зеленые, внимательные уши, похожие на два древесных листка. Видно, солнце светит на жирафенка сквозь густые яркие заросли: тени, лежащие на золотистой фигурке малыша, поражают трепетными цветовыми сочетаниями, казалось бы, самыми необычайными и вместе с тем вполне убедительными.

А до чего приятны, уютны эти маленькие круглые плошки, разрисованные — подобно старинным ситцам — светлым по темному либо темным по светлому с каким-то удивительно веселым, мастерским небрежением. В кофейном сервизе эта же изящная небрежность подчеркивает прелесть самой формы: чуть угловатые, стилизованные чашки со сверкающей глазурованной поверхностью, светлые изнутри, кажутся выдолбленными из кусочков древесной коры. Небольшие вазы, напротив, привлекают спокойной и благородной, неяркой расцветкой, а главное — четким рисунком контура, очень строгим и законченным силуэтом...

Вам все еще не верится, что каждая из этих вещиц — и еще бессчетное количество других изделий из глины — прошла через заводской конвейер?! Ну, так посмотрите, сколько мишек, карабкающихся на бочонок, ждут раскраски. Еще целый пролет занят жирафятами. А дальше — пингвин, обнявший своего детеныша; колоссальные пингвиньи стада отправляются на обжиг в огромную электропечь Конаковского керамического завода, отметившего недавно свой полуторавековой юбилей.

Через великое множество рук проходит здесь глина. Но не превращается в бездушную продукцию. Ей словно передается свет души дотронувшихся до нее людей. Всемирно известных конаковских умельцев.

Клавдия Сергеевна Языкова, работница художественной лаборатории, была делегатом XXII съезда партии.

◀ Изделия Конаковского фаянсового завода, Калининская область.

Фото А. Бочинина.

В АДРЕС МОСКВА, ОГОНЕК

Легенда о броневике

В нашей Н-ской части давно уже живет солдатская легенда о броневике, том самом броневике, с которого выступал В. И. Ленин 3(16) апреля 1917 года.

Дело в том, что наша часть ведет свою летопись от 1-го летучего броневого красногвардейского отряда, родившегося в грозном 1917 году. Предполагают, что броневик, с которого выступал Владимир Ильич Ленин, входил в состав этого отряда.

Исторический броневик находился в распоряжении Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, которому был подчинен и 1-й летучий броневой отряд. К сожалению, прямых доказательств и материалов о принадлежности броневика 1-му летучему броневому отряду нет.

О броневике известно лишь то, что в период революции Петроградский Совет передал в Смольный ряд машин, в том числе и исторический «Остен» с бортовым номером «2», который позднее именовался «Враг капитала». Большую работу по розыску материалов провел офицер Г. М. Левшов, который в течение более трех лет тщательно и кропотливо изучал многочисленные архивные материалы, встречался с активными участниками Великой Октябрьской социалистической революции. Окончательных результатов все еще нет, и легенда остается легендой.

Неизвестна судьба Бориса Владимировича Тимофеева, адъютанта 1-го летучего броневого отряда.

Может быть, кто-нибудь из читателей журнала «Огонек», прочтя эти строки, откликнется и поможет в разгадке солдатской легенды?

Старший лейтенант
Н. МЕЛЬНИЧУК

●

СЕРДЕЧНАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ

Разрешите, пожалуйста, обратиться через «Огонек» ко всем моим многочисленным друзьям, которые прислали мне свои теплые, полные хорошего человеческого участия письма почти из всех уголков нашей Родины после опубликования очерка А. Старкова «СИЛЬНЫЕ ДУШИ». К сожалению, при всем моем огромном желании я не смог ответить всем лично, поэтому я хочу передать всем моим новым друзьям слова огромной благодарности, пожелать всем им и всем читателям «Огонька» в новом году крепкого здоровья, счастья, больших успехов.

Александр НУНГЕССЕР
Сосновка, Зарубинский сельский Совет, Топкинский район, Кемеровская область.

Добровольцы.

ПОЗОР И ПРОКЛЯТИЕ КОЛОНИЗАТОРАМ!

Это произошло в Макассаре, на Южном Сулавеси. 7 января, когда президент Индонезии Сукарно направлялся на массовый митинг, на него было совершено подлое покушение. Ручная граната, брошенная наймитом колонизаторов, взорвалась неподалеку от машины президента. Три человека были убиты, двадцать восемь ранены. Семнадцатилетний юноша, которого вы видите на снимке, скончался в госпитале от потери крови. На другом снимке — палата, где лежат раненые, ставшие жертвой преступления колонизаторов.

«Позор и проклятие палачам! Освободим Западный Ириан!» — заявляет народ Индонезии. С исключительной решимостью молодежь Джакарты и других индонезийских городов записывается в добровольцы освободительного похода, после которого повсюду над индонезийской территорией будет развеваться национальное знамя Индонезии.

Фото ЮПИ.

Вид на Западный Ириан в течение многих десятилетий...

...и тот же вид в ближайшем будущем

Рис. Гр. Оганова.

Из Парижа сообщили

В прошлом номере «Огонек» поместил фотографию французского рабочего Робера Шапделена, раненного «ультра» у здания ЦК Компартии Франции. Мы связались с редакцией газеты «Юманите» и попросили сообщить, в каком состоянии находится Р. Шапделен. Товарищи из «Юманите» сообщили:

— Сегодня, к счастью, больше нет опасений за жизнь Робера Шапделена. Но положение его было серьезным. Когда молодчики из ОАС подкатили в роскошном желтом автомобиле к зданию ЦК Компартии и начали стрелять из автомата по рабочим, охранявшим ЦК, Робер Шапделен был ранен несколькими пулями в правое плечо и бедро.

Между прочим, когда фашисты стреляли по рабочим, полицейская машина спокойно стояла в 50 метрах от места происшествия. Полицейские даже не пытались преследовать бандитов. Они якобы приняли автоматную стрельбу за выхлопы автобусов и мотоциклов.

— Как встречают прогрессивные силы Франции вылазки фашистов из ОАС?

— Мощная демонстрация парижских трудящихся в ответ на преступную вылазку фашистов показала, что республиканское население Франции не допустит установления фашистского режима в стране. Послания с выражением симпатии и солидарности в адрес ЦК Компартии Франции свидетельствуют о том, что республиканцы все яснее понимают,— без участия коммунистов невозможно покончить с фашистской гидрой.

ПРАВДА ВСЕГДА И ВЕЗДЕ

Письмо из Чехословакии

Есть в новом романе Всеволода Кочетова «Секретарь обкома» один очень интересный эпизод: разговор писателя Баксанова с архитектором Забелиным об искусстве, о литературе. Мне он представляется замечательным потому, что в словах Баксанова раскрывается и отношение автора романа к действительности и смысл всего многообразного творчества писателя В. Кочетова: «Если книга правильно и ярко отразит современность, о ней можно не беспокоиться, она будет жить долго... Значит, беспокоиться надо о другом — о том, чтобы современность отражать правильно и ярко. Значит, надо думать о ней, о ней, о современности. Этот ориентир не подведет».

Мысль, высказанная Баксановым, заинтересовала меня как ориентир, который уже много лет не подводит В. Кочетова, помогая ему создавать такие ценные художественные полотна о нашем времени, как «Журбины», как «Братья Ершовы», как и новая его книга, роман о крупном партийном работнике Василии Денисове, секретаре обкома Старгородской области. Проблемы, которыми живет Василий Антонович, а также его сотрудники — Лаврентьев, Сергеев, Владычин, — это проблемы советской современности, когда решается и судьба завтрашнего дня.

Важнейшая идея романа «Секретарь обкома» выражена путем сопоставления двух стилей партийной работы: стиля Денисова и стиля первого секретаря соседней, Высокогорской области — Артамонова. Принято считать, что за человека говорят его дела. В Высокогорской области, где «хозяйничает» Артамонов, сделано много, обком работает смело, с большим размахом. На глазах у читателя растет слава Артамонова, его имя гремит в центральной печати, он удостоен высокого звания Героя Социалистического Труда. Однако несмотря на все это, читатель уже с самого начала настораживается, не доверяет Артамонову: ведь он слишком много думает о себе, ему недостает элементарной скромности, у него проявляются какие-то барские замашки (сцена на охоте, разговор с Денисовым в московской гостинице). В Высокогорье возникает своего рода «культ личности» Артамонова. Он хочет прославиться во что бы то ни стало. Артамонов не хозяин, а мыльный пузырь, хотя на первый взгляд работа в области поставлена блестяще. Но работа эта — типичный пример показухи, как говорят некоторые критики Артамонова.

Совсем по-другому мы относимся к Денисову. Он сразу же завоевывает наше доверие. Даже ошибки его на виду у всех. Он не зажимает критику, как Артамонов, а открыто, на глазах у всего областного партийного актива рассказывает о своей ошибке, связанной с Суходоловым. Это открытое и честное выступление еще выше поднимает Василия Антоновича Денисова в глазах коммунистов. Здесь проявляется сила, принципиальность секретаря обкома, его беспощадность к себе, когда дело касается высших, общественных, партийных интересов.

Таков Василий Антонович во всем: он питает личную неприязнь к секретарю Свердловского райкома партии Владычину, но в то же время, убедившись в его честности и принципиальности, утверждает его в члены бюро обкома, как своего ближайшего сотрудника. Всюду и во всем Денисов, преодолевая личные настроения и симпатии, руководствуется интересами партии. Они для него — высший закон. И этот путь ведет Денисова к верным целям: он выступает как настоящий хозяин; он думает не только о том, чтобы сдать государству как можно больше мяса в этом году, но и о том, чтобы не разорить этим животноводство области, чтобы в будущем году область могла сдать еще больше продуктов животноводства.

Василий Антонович опирается на коллективный разум партии, он советуется с активом, со старыми большевиками. С большой силой показано безошибочное партийное чутье старых коммунистов при решении вопроса о разложившемся члене партии Демешкине, сделавшем личную усадьбу и доход от сада и огорода смыслом своего существования. На примере Демешкина, в сцене его спора со старыми коммунистами, с удивительным мастерством решаются писателем проблемы коммунистической морали, которым уделяется так много внимания в новой Программе КПСС.

Многие герои романа «Секретарь обкома» показаны в развитии. Жизнь, среда, связи перевоспитывают легкомысленную Юлию, а ее любовь к Владычину окончательно ставит ее на правильный путь. Любовь ее к Владычину, вся история их взаимоотношений представляют собой одну из психологически наиболее правдивых сюжетных линий романа. Эта «личная» струя в романе удачно представлена и отношениями между сыном Денисова Александром и Майей Сиберг, любовь которых вызревала постепенно, исподволь, чтобы вспыхнуть ярким огнем после катастрофы на заводе.

Многими прекрасными людьми населен роман «Секретарь обкома». Денисов и его жена Софья Павловна, Черногус и Владычин, Баксанов и Александр Денисов, знатная доярка Наталья Морошкина и отважная Майя — все это люди честного, творческого труда. А такие, как поэт Птушков (он, собственно, не поэт, а конъюнктурщик), как недовольный, оскорбленный Суходолов, как частник Демешкин, как «управитель области» Артамонов, — это люди, отставшие от жизни, плетущиеся позади нее.

Василий Денисов хорошо говорит Артамонову: «Мы — коммунисты... Мы не имеем права обманывать людей, водить их неверными дорогами. Если сами не видим, где дорога правильная, если не можем одну от другой отличить, значит, сказать об этом надо людям, пусть и они помогают ее искать... Но только не обманывай людей».

Этим правилом — говорить правду в глаза всегда и в любых обстоятельствах, даже если это нелегко,— Денисов и окружающие его товарищи, настоящие люди партии, руководствуются во всей своей многогранной деятельности.

Роман «Секретарь обкома» — книга многопроблемная, представляющая собой широкую картину советской действительности. Живости, динамичности произведения способствуют и его художественные достоинства: увлекательность повествования, резкие конфликты, раздумья о будущем.

Много мыслей рождает новая книга В. Кочетова: о том, как жить и работать, как понимать призвание искусства и литературы в социалистическом обществе, как советские люди, партия приближают коммунистическое будущее, как они представляют себе его... Эти и многие стороны жизни показаны писателем в высокохудожественных образах, на каждом из которых заметна яркая печать мастерства. А нас, зарубежных читателей советской литературы, роман «Секретарь обкома» обогащает знаниями о Советском Союзе, а тем самым и о будущем наших социалистических стран, идущих по тому же пути и к тем же целям.

Д-р И. ЩАДЕЙ,

преподаватель русской литературы педагогического института города Брно

Лиса не любит, когда ее дергают за хвост, она пищит!

БУРАТИНО ВЫБИРАЕТ ДРУГА

Т. ТРОИЦКАЯ

Фото Е. УМНОВА.

Вот так началось это веселое приключение Буратино... День был погожий, народу на улицах много. Буратино бодро зашагал по Кутузовскому проспекту. Подняв свой длинный нос и широко раскрыв круглые, как у мыши, глаза, он высматривал, как бы созоровать. И вдруг видит: у одной витрины собрались дети. Самые маленькие просто прилипли рожицами к стеклу. А там, за стеклом, крокодил открывает и закрывает огромную пасть, жираф вытягивает длинную шею, дремлет взъерошенная сова, плавает рыба с горящими глазами. Наверху большими буквами написано: «Дом игрушек». Это в Москве открылся новый магазин для детей.

— Пошли! — как клич, бросил

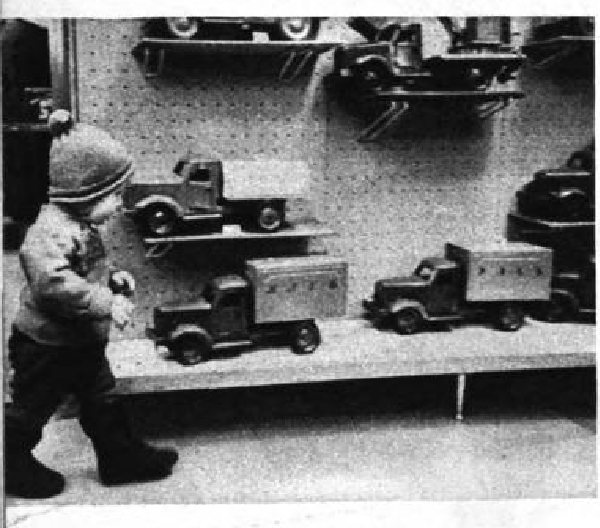
Эх, прокачусь с ветерком!

Ну, пожалуй, хватит...

А что там за транспорт?

Автомобили? Это больше подходит современному человеку!

Выбор сделан: Сережа будет водить машину с молоком!

какой-то мальчуган своим друзьям. Вместе с ними в магазин прошмыгнул и Буратино, который, как известно, очень любопытен.

Мальчики увидели крупную надпись «Сделай сам» и направились именно туда. А как сделать самому? Именно для того, чтобы ответить на этот вопрос, в методическом кабинете дежурил ученик 62-й школы — эта школа взяла над магазином шефство. Юный методист готов был рассказать ребятам обо всем, что их интересовало. Но Буратино, не дослушав объяснений, пошел смотреть диафильм. По дороге ему пришлось преодолеть серьезное препятствие — прямо на него по рельсам катился настоящий электрический поезд, только маленький. Поезд останавливался на станциях, замедлял ход у светофоров, механическая стрелка переводила его на другой путь.

От испуга Буратино подпрыгнул так высоко, что шлепнулся в бассейн, в котором плавают желтые утки, скачут большеротые, пучеглазые лягушки, золотые рыбки бьют хвостами...

— Ты как сюда попал? — спросила тоненькая девочка в белой кофте, тоже ученица 62-й школы. Она стояла на посту у бассейна. Ей вручили небольшой ключик, которым она заводила время от времени золотых рыбок, когда они выбивались из сил.

Но где бы ни путешествовал Буратино, мальчишеская натура взяла свое: его потянуло к автомобилям, благо их было видимо-невидимо — от юрких «Москвичей» до могучих грузовых работяг. А тут же неподалеку самая современная техника, от одного вида которой сладко замерло сердце Буратино,— ракеты, самолеты...

После просторных ангаров особенно привлекательными показались конюшни. Буратино оседлал большого серого коня, немного покатался, вернее, покачался на нем, подергал его за гриву — лошадь весело заржала. Буратино пришлось тут же слезть с нее, потому что подбежавший малыш потребовал купить именно этого скакуна и никакого другого.

Буратино отправился в отделение елочных игрушек. Ребята, наверное, одноклассники, выбирали пестрые стеклянные шары, складывали их в корзинки. И добрый Буратино положил девочке с соломенными косами блестящий красный гриб.

А в двух шагах отсюда — царство кукол . Блондинки и брюнетки, босоногие и обряженные в сафьяновые черевички, синеокие, скромно опускающие глазки... Буратино замешкался возле красавиц кукол в пышных платьях и нейлоновых бантах и чуть было не попал в объятия большого рыжего медведя, которого коричневая обезьяна и лохматый барбос держали за лапы.

Как и полагается, дед-мороз и Снегурочка под елкой водили хоровод с героями сказок.

В конце концов Буратино устал и, растолкав толстых неваляшек, уселся на полке в обществе таких же остроносых мальчишек в красных курточках и фесках.

— Мама, купи мне этого Буратино,— сказал белобрысый Вова.

И не успел наш Буратино опомниться, как очутился в большой коробке, которую мальчик Вова унес с собой.

Знакомство состоялось — теперь их не разлучишь!

И верхом поехал к маме!

А что в этих закромах?

— Хочу электричку!

Электричку не купили...

А где она будет жить? В ванной? В большом тазу?

ПРИРОДА ЧУДЕС

Юрий ТРИФОНОВ

Заметки писателя

Мы приходим на стадион с тайным ожиданием чуда. Чудес в этом мире, как известно, давно уже нет. Они случаются иногда только в спорте.

И вот мы садимся на скамейку трибуны и готовимся увидеть удивительное: например, то, как Брумель возьмет высоту 2 метра 25 сантиметров, или как «Шахтер», которому грозит переход в класс «Б», вдруг выиграет Кубок СССР по футболу, или, например, как хоккеисты ЦСКА с двузначным счетом (неслыханное дело!) проиграют московским динамовцам.

В спорте чудеса нет-нет да и происходят. Тем-то он и замечателен.

Но гораздо чаще, к сожалению, мечта о чуде остается мечтой. Или же осуществляется в наше отсутствие. Как-то минувшей осенью я поехал в Сокольники на хоккейный матч «Спартак» — «Химик». Сезон еще только начался, команды успели сыграть по три-четыре игры, но кое-какие сенсации уже случились. Во главе таблицы шли не прославленные «три мушкетера»: армейцы, динамовцы и «крылышки»,— а их младшие товарищи — московские команды «Локомотив» и «Спартак».

«Спартак» не проиграл в то время еще ни одной встречи. В первых же матчах он расправился с двумя главными соперниками: динамовцами и армейцами. Болельщики «Спартака», обычно скучавшие всю зиму, стали бурно интересоваться хоккеем.

Стадион в Сокольниках осаждала огромная толпа жаждавших попасть на матч. В кассе билетов уже не было. Я купил с рук. Такой ажиотаж бывал только в дни приезда канадцев. Пробиться на свое место я не смог, все проходы были закупорены людьми. Зрители стояли плотным кольцом на верхней площадке, окаймляющей трибуны, а некоторые смельчаки забрались на балюстраду и стояли там, наверху, подобно статуям. И все эти люди, сначала толпившиеся у касс за билетами, потом два часа терпеливо приподнимавшиеся на цыпочки, стараясь что-нибудь разглядеть через головы передних, и те, что благополучно сидели на скамейках, и те, что рисковали своим позвоночником, стоя на балюстраде,— все мечтали увидеть игру, похожую на чудо. Мечтали увидеть ураганную скорость, искрометные комбинации, пушечные броски, дерзость и силу, головоломные столкновения, непрерывно растущий и меняющийся счет, который держит в напряжении до последней минуты...

Но ничего этого не было. Очень долго счет был ноль — ноль. Зрители потихоньку свистели. В третьем тайме Кузнецов забросил шайбу, и «Спартак» победил с футбольным счетом один — ноль.

Чуда не произошло. А мне вспомнился март, Швейцария, женевский каток «Верне». Сильнейшей нашей тройкой на последнем чемпионате мира была тройка спартаковцев. Эти три молодых, не очень рослых, играющих с мальчишеским азартом хоккеиста — Борис и Евгений Майоровы и Вячеслав Старшинов — оказались настоящими турнирными бойцами, куда более стойкими, чем многие ветераны. Они атаковали, не жалея себя. Они давили. Они играли в своем особом стиле, создавая в зоне противника такую фантастическую кутерьму, такую стремительную, бесшабашную суматоху, что защитники переставали соображать, что к чему, вратарь метался в клетке, как пой-

манный дрозд, а зрители не успевали следить за перемещениями шайбы и за идеями хоккеистов. Но спартаковцы каким-то непостижимым, кибернетическим способом понимали друг друга и выуживали из этого хаоса шансы для взятия ворот. Вот это было нечто похожее на чудо. Мелькание, неразбериха, бесконечные зигзаги вокруг домика вратаря, как бы запутывающие его клубком невидимых ниток, и вдруг — бац! — вспыхивает красная лампочка.

В Женеве и Лозанне Борис Майоров все время возглавлял список лучших нападающих. Почему ему не присвоили это звание, было неясно. После турнира я разговаривал с польскими журналистами, со швейцарцами из цюрихской газеты «Шпорт» — они также считали, что лучшим нападающим должен быть признан Б. Майоров. Зачем же вести подсчет забитых и ассистированных шайб, если результаты подсчета не принимаются во внимание? Вообще система присвоения звания «трех лучших» нуждается в коррективах. Тут нельзя действовать по принципу «всем сестрам по серьгам», потому что возникают несправедливость и путаница.

Если трое лучших играют в одной команде, надо их награждать. Никакие соображения — престижа, педагогики, уважения к прежним заслугам — не должны заслонять истинных спортивных критериев. Три года назад на чемпионате мира в Праге для всех, кто смотрел игры, было ясно, что лучшим нападающим был канадец Беренсон — быстрый рыжеволосый парень, великолепный техник, чем-то напоминавший Боброва. Он тоже все время возглавлял список бомбардиров. И тоже не получил звания лучшего.

Но мы, кажется, отвлеклись от темы. Мы говорили о чудесах. Я присутствовал на трех чемпионатах мира по хоккею: в Москве в 1957 году, в Праге в 1959 году и в Женеве в 1961 году. На каждом из этих турниров было что-то незабываемое, поразившее воображение. В Москве это был неожиданный успех шведов. Никто не ожидал, что в Москве, в столице дважды чемпионов мира, в отсутствие американцев и канадцев победителем станет кто-либо иной, кроме хоккеистов СССР. Шведский выигрыш был подобен чуду. Как опытный и хитроумный бегун, все время преследующий фаворита по пятам, шведская команда на последней прямой внезапно обошла нашу. Надо сказать, что ножку нам подставили чехословацкие хоккеисты, не давшие себя обыграть: ничья с чехами оказалась роковой.

Помню, как восторгались москвичи молодым белокурым шведом Меетя. И как разочарованно освистывали собственных неудачников.

В 1959 году в Праге самой поразительной игрой была встреча Канада — Чехословакия. Канадцы практически обеспечили себе первое место, но для чехов, выступавших в своей столице неудачно, важно было вернуть утерянную любовь тысяч болельщиков. И чехи совершили подвиг. Они разгромили мощную команду Канады, казавшуюся несокрушимой, и тем самым завоевали третье место, опередив американцев.

Я помню неистовый шум на трибунах Зимнего стадиона, непрерывные крики «До торо!», размахивание флагами и внезапную тишину, когда у тысяч людей вдруг замирало дыхание: был такой момент в конце третьего периода, когда при счете 4 : 3 в пользу чехов канадский тренер снял вратаря и выпустил на лед шестого нападающего, и канадцы заперли чехов в зоне, стремясь во что бы то ни стало сравнять счет. Но вдруг, за несколько секунд до финального свистка, шайбой овладел Влах и сделал дальний бросок. Все, кто присутствовал на стадионе — хоккеисты, судьи, фотокорреспонденты, зрители,— на миг оцепенев, глядели, как шайба одиноко и даже не очень быстро двигалась по пустому льду, но уже никто не мог догнать ее, и она мягко, беспрепятственно вкатилась в ворота. И тут же раздался финальный свисток. Что тут началось! Все повскакали с мест, стали кричать, кидать вверх шапки, какие-то люди попрыгали через борт и бросились обнимать хоккеистов. А хоккеисты подняли на руки своего тренера Сикору — очень молодого, худощавого человека в очках, больше похожего на ученого, чем на спортсмена.

И еще одна «чешская неожиданность» произошла в прошлом году в Швейцарии. По дороге на первенство мира мне пришлось задержаться в Чехословакии. Там мало кто верил в успех своей команды. По разным причинам из команды было отчислено несколько опытных игроков. Перед самым турниром погиб в автомобильной катастрофе талантливый тренер сборной команды Фарда. Все предвещало чехам неудачу, и, однако, они преподнесли сюрприз: наших хоккеистов обыграли, с канадцами сыграли вничью и завоевали второе место и звание чемпионов Европы. По существу, они выступили так же блестяще, как канадцы, и уступили первое место только по разнице шайб.

Самым драматическим воспоминанием женевского турнира осталась для меня игра наших с чехами. Более катастрофического — по количеству ошибок — матча я не видел в своей жизни. Защитники Сологубов и Трегубов и вратарь Чинов словно соревновались в том, как бы непростительней ошибиться. Рекорд все-таки поставил Чинов, сам забивший в свои ворота последнюю шайбу.

Зрители стадиона «Верне», повинуясь извечному закону всех болельщиков мира болеть против фаворита, громовым хором поддерживали наших противников: «Че-ко! Че-ко!». А чехи, считавшие победу над нами чудом, совершенно обезумели от радости, когда все кончилось. Но чудом была не столько победа чехов, сколько небывалая слабость нашей защиты. Кстати, иллюстрацией нелепости системы присуждения звания «трех лучших», которая сейчас применяется, может служить тот факт, что лучшим защитником в Швейцарии был признан... Иван Трегубов.

Через несколько недель на чемпионате мира советские хоккеисты скрестят клюшки со своими традиционными противниками: канадцами, американцами, чехами, шведами. Кто победит на сей раз? Какие чудеса ожидают нас? И тут мне хочется сказать несколько слов о природе чудес в спорте.

Настоящие чудеса всегда бывают хорошо подготовлены. В 1954 году советские хоккеисты впервые вышли на мировую арену. Высокомерные канадцы, заявившие перед началом стокгольмского турнира, что «выиграют, как из пушки», были жестоко наказаны. Золотые медали завоевали новички. «Каким образом? Как это произошло? — потрясенно спрашивали все спортивные газеты мира.— Что это: счастливый случай, новое русское чудо?»

Но для советских спортсменов и любителей спорта победа в Стокгольме не была чудом. Мы хорошо знали ее предысторию. Русский хоккей с мячом был великолепной школой для шайбистов. Умение быстро бегать на коньках, очень быстро, гораздо быстрее того, как бегали тогда европейцы, и умение играть коллективно — вот элементы чуда. Сыграло роль, конечно, и то, что нас плохо знали и не причисляли к фаворитам.

Выигрыш шведов в Москве в 1957 году тоже имеет глубокие причины. Наша команда переживала трагический период: ветераны были на исходе, но еще не сошли. А чешская сенсация в Женеве была сродни нашей победе в Стокгольме. Чехов никто не принимал всерьез, они привезли молодую команду, которая выиграла за счет задора, молодости, огромной жажды победы и, если хотите, за счет отчаяния: у них в самом деле было отчаянное положение в связи с гибелью тренера и внезапными утратами в сборной.

Все это приводит к грустному умозаключению: чудес, в общем-то, нет и в спорте. Для поверхностного взгляда, для человека, случайно купившего билеты на матч и пришедшего на стадион, чтобы скоротать время, иные спортивные неожиданности могут вдруг показаться чудом, но истинные знатоки заглядывают за кулисы.

Незаслуженных побед не существует. Уровень спортивного мастерства во всем мире сейчас настолько высок, что любой победитель — даже так называемый «случайный» — должен обладать экстра-классом. Чудеса Власова, Брумеля, Бостона или бразильских футболистов — это результаты высокой тренированности.

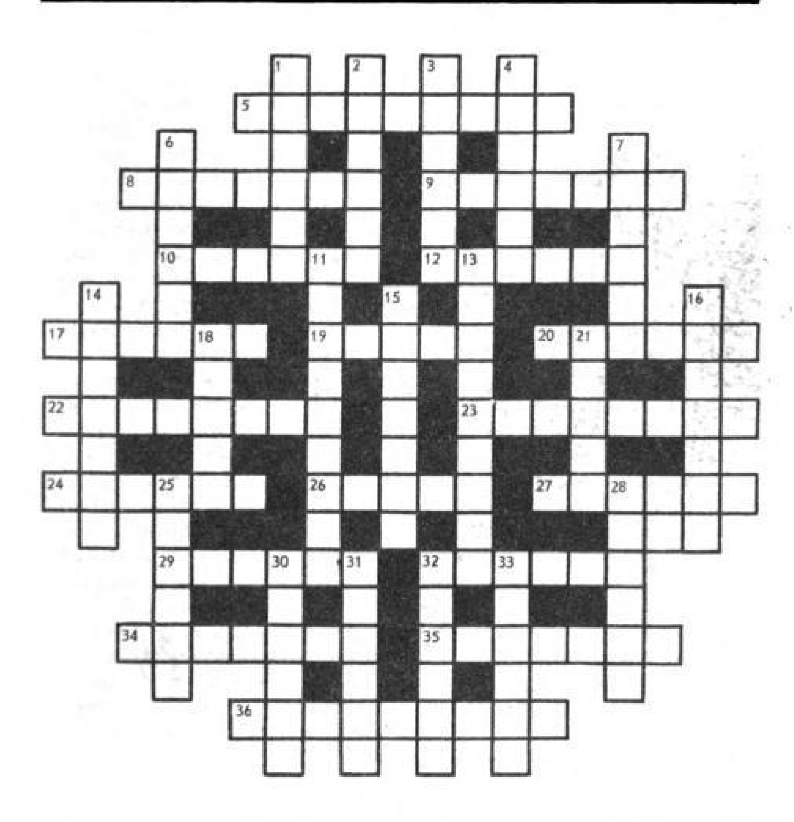
На чемпионате мира победят гиганты выносливости и тренировки. И если победителями окажутся наши хоккеисты, мы не сочтем это чудом.

Евгений Майоров уходит от шведских защитников.

Фото А. Бочинина.

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Европейское государство. 8. Представитель народности арктического побережья Америки. 9. Синтетическая смола. 10. Род пальмы. 12. Разменная монета некоторых стран. 17. Приспособление для закрепления движущихся частей механизма. 19. Автор романа «Далеко от Москвы». 20. Архитектурный стиль средневековья. 22. Военный летчик, Герой Советского Союза. 23. Отрасль педагогики. 24. Персонаж оперы С. С. Гулак-Артемовского «Запорожец за Дунаем». 26. Река в Болгарии. 27. Изображение фигуры или предмета в перспективе. 29. Ветер разрушительной силы. 32. Метод научного исследования. 34. Школьная письменная работа. 35. Эпоха третичного периода истории Земли. 36. Совещание врачей.

По вертикали: 1. Физик, друг М. В. Ломоносова. 2. Танец. 3. Рыба, способная передвигаться по суше. 4. Русский живописец-пейзажист XIX века. 6. Противотанковое препятствие. 7. Хрупкий металл. 11. Азбука старославянского языка. 13. Драгоценный камень. 14. Сигнал, которым обмениваются речные суда при расхождении. 15. Пьеса М. Горького. 16. Попутное исследование. 18. Водное пространство между материками. 21. Болотная трава. 25. Советский антрополог. 28. Вершина на Кавказе. 30. Почка, срезаемая с растения для прививки. 31. Стремительное нападение, напор. 32. Запаянный сосуд для хранения лекарств. 33. Угол, определяющий направление.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 3

По горизонтали: 4. Трактор. 7. Сектор. 8. Урарту. 9. Контрабас. 13. «Фараон». 14. Длина. 16. Рюкзак. 17. Кукуруза. 18. Мечников. 20. Аксуат. 22. «Арнон». 23. Огород. 25. Россомаха. 28. Бештау. 29. Ректор. 30. Вышивка.
По вертикали: 1. Проран. 2. Экскурсия. 3. Колумб. 5. Тетива. 6. Оттиск. 9. Кондуктор. 10. Стручкова. 11. Мазурка. 12. Сафонов. 14. Драва. 15. Амман. 19. Ликование. 21. Умелец. 24. Оселок. 26. Смурый. 27. Африка.

На первой странице обложки: Памятник В. И. Ленину у Дома правительства БССР в Минске.
Фото М. Савина.

На последней странице обложки: За папой вдогонку.
Фото Л. Раскина.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24.
Рукописи не возвращаются. Оформление Е. Казакова.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники—Д 3-38-08; Юмора—Д 3-32-13; Спорта—Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00009 Подписано к печати 17/I 1962 г.
Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л.—6,85 печ. л.
Тираж 1 850 000. Изд. № 4. Заказ 22.

Ордена Ленина типография газеты «Правда», Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ВИЗИТНЫЕ КАРТОЧКИ СВОБОДЫ

Сьерра-Леоне и Танганьика в минувшем году 27 апреля и 9 декабря обрели политическую независимость. И сразу же были выпущены новые «визитные карточки» суверенных государств — серии почтовых марок.

Традиционные портреты чужеземных королей заменены изображением льва — символом Сьерра-Леоне (название ее в переводе означает «Страна львиных гор»). Ритуальная маска одного из народов, старатель, промывающий алмазоносный песок,— вот сюжеты рисунков на марках.

Марками свободы назвали в Танганьике серию, вышедшую в свет 9 декабря. На них напечатано слово «ухуру» — «свобода». Выше снежной вершины Килиманджаро поднялся над Африкой факел борьбы.

«Новые времена — новые песни» — гласит поговорка. Для филателистов ее можно перефразировать: новые времена — новые марки.

В. КОРОТОВ

Занимательная крестословица

«Кроссворд» — слово английское, обозначающее пересечение слов, что значит по-русски «крестословица». Кроссворды, появившись впервые в Англии, лавиной покатились по странам и континентам.

На вид кроссворд — игра совершенно безобидная. Но стоит читателю попытаться угадать название блюда, состоящего из семи букв, и он почувствует себя заядлым кроссвордистом. Решив первое слово, он немедленно должен узнать, какая река начинается на букву «ы». На помощь приходят сын, жена, и все напоминает чеховскую «Лошадиную фамилию».

Кроссворд помогает читателям проверить свой словарный запас. Важна в этой игре и познавательная сторона.

В «Огоньке» кроссворд впервые появился 12 мая 1929 года. В то время печатались громоздкие кроссворды — до двухсот слов. Занимали они целые страницы. Из читателей в этом жанре первым выступил ленинградец С. А. Полепа.

Занимательная игра охватила громадное число читателей. Сейчас, например, редакция «Огонька» получает до пятнадцати тысяч кроссвордов в год. Правда, ежегодно журнал может печатать лишь 52. Зато запасы, как говорится, имеются на сотни лет.

Многие любители интересуются техникой составления кроссвордов. Существует множество видов и вариантов игры. Но сложились и определенные традиции, о которых можно рассказать.

С чего начинать составление кроссвордов?

Некоторые любители сначала подбирают группу слов (так обычно поступают при составлении тематических кроссвордов), затем делают соответствующий рисунок.

Другие предпочитают сначала сделать рисунок, а затем подбирают нужные слова. Это дело вкуса и навыков составителя.

Рисунок нужно делать симметричным. Допускается не только четырехсторонняя, но и двухсторонняя симметрия. Количество слов может достигать 50 по горизонтали или вертикали. Они должны быть пересечены не меньше, чем через две, три, а лучше через четыре-пять букв. В кроссвордах допускается употребление лишь имен существительных в единственном числе и именительном падеже.

При составлении кроссвордов и при проверке значения слов надо пользоваться словарями, энциклопедиями, справочниками. Нельзя брать названия произведений, имена и фамилии, если они состоят из двух и более слов. Не рекомендуется вводить в кроссворд двухбуквенные и трехбуквенные слова. Не стоит давать в одном кроссворде названия нескольких городов, рек, музыкальных произведений и т. д. Это приводит к однообразию, снижает познавательное значение игры.

Приведем несколько курьезных определений слов, присланных читателями.

Кабан — представитель мужского свинячьего рода.

Библия — непериодическое издание.

Камбала — полрыбы.

Бракосочетание — организация производственно-семейной единицы.

Блоха — паразит-спортсмен.

Паникадило — осветительный прибор.

Вытрезвитель — культурное учреждение городского типа.

Все это, конечно, довольно весело, но в кроссвордах неупотребимо.

С. ЕГОРОВ

ДЕРЕВЯННАЯ КВИТАНЦИЯ

Вы часто держите в руках бумажные квитанции. Это обыкновенные расписки в получении чего-либо.

Но как в старое время расписывались люди, не знавшие грамоты? Оказывается, они находили довольно оригинальные решения.

Например, коми-пермяки — овчинники и красильщики, в большинстве своем люди неграмотные, при расчетах с заказчиками пользовались небольшими деревянными палочками с зарубками. При получении заказа мастер раскалывал «квитанцию» вдоль. Одну половину он прикреплял к принятому материалу, а вторую отдавал заказчику. Когда работа была выполнена, заказчик предъявлял свою часть палочки. Мастер прикладывал эту «квитанцию» к имеющейся у него половине и, если половинки совпадали, выдавал заказ.

Г. ЮДИН

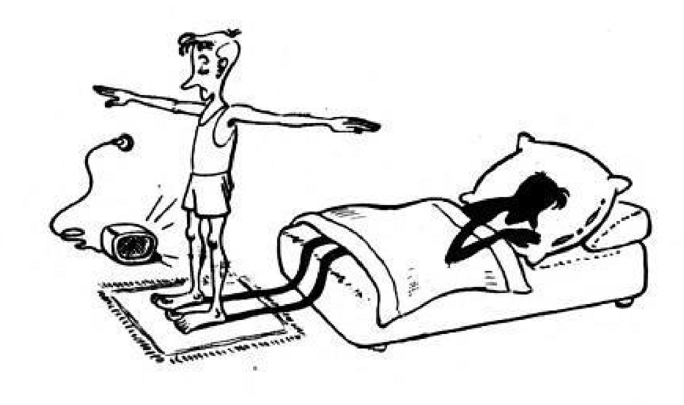
РИСУНКИ ДЕДА-МОРОЗА

Перед вами «рисунки» деда-мороза, которые удалось мне сфотографировать. Мне кажется, природные узоры должны заинтересовать художников-текстильщиков.

В. ЛЫЮРОВ

Сыктывкар.

Если бы наша тень не умела лгать

Рисунки Гр. Оганова.

